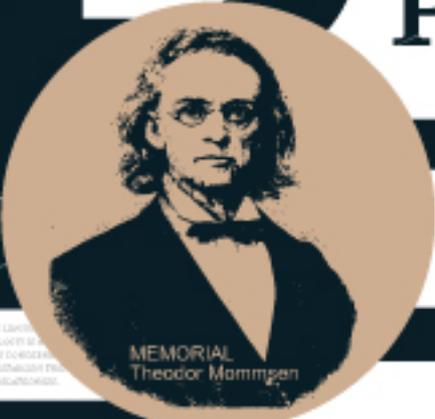

BRITISH

Philology

MEMORIAL
Theodor Mommsen

PHILOLOGY IS THE STUDY OF LANGUAGE IN HISTORICAL CONTEXT (ETYMOLOGY, GRAMMAR, SYNTAX, SEMANTICS, PHONOLOGY, AND LEXICOLOGY). IT IS MOST USUALLY DIVIDED INTO THE STUDY OF LITERARY TEXTS AND NON-LITERARY TEXTS. THE DEVELOPMENT OF THESE DISCIPLINES AND THEIR ORIGINAL FORMS, AND THE INTERRELATIONSHIP OF THEM, IS THE SUBJECT OF THE HISTORY OF PHILOLOGY. CLASSICAL PHILOLOGY IS THE PHILOLOGY OF CLASSICAL LANGUAGES, IN PARTICULAR CLASSICAL PHILOLOGY OF GREEK AND LATIN.

ETYMOLOGY

THE WORD PHILOLOGY IS DERIVED FROM THE GREEK *philologia* (Philology) (from *philos* (love) (philos), *logos* (word, speech, study, science))

THE GREEK *philologia* (φιλολογία) MEANS "LOVE OF WORDS" OR "LOVE OF SPEECH". THE GREEK *philologia* (φιλολογία) MEANS "LOVE OF WORDS" OR "LOVE OF SPEECH".

ETYMOLOGY

THE WORD PHILOLOGY IS DERIVED FROM THE GREEK *philologia* (Philology) (from *philos* (love) (philos), *logos* (word, speech, study, science))

THE GREEK *philologia* (φιλολογία) MEANS "LOVE OF WORDS" OR "LOVE OF SPEECH". THE GREEK *philologia* (φιλολογία) MEANS "LOVE OF WORDS" OR "LOVE OF SPEECH".

OBJECTIVE AND SUBJECTIVE FACTORS IN FORMATION OF LINGUISTIC MECHANISMS IN THE AGE OF DOMINATION OF LIBERAL VALUES AND PRIORITY OF PERSONAL IDENTITY

Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results of the CXLVI International Research and Practice Conference and II stage of the Championship in Philology (London, July 19 – July 25, 2017)

GRATY

BRANCHES

COMPARATIVE PHILOLOGY, TEXTUAL PHILOLOGY, COGNITIVE PHILOLOGY

COMPARATIVE PHILOLOGY

THE COMPARATIVE BRANCH OF PHILOLOGY STUDIES THE RELATIONSHIP BETWEEN LANGUAGES, CONSIDERING THE SIMILARITIES AND DIFFERENCES BETWEEN THEM. IT IS USUALLY DIVIDED INTO COMPARATIVE GRAMMAR AND COMPARATIVE LEXICOLOGY. THE BRANCH OF COMPARATIVE GRAMMAR STUDIES THE SIMILARITIES AND DIFFERENCES BETWEEN THE GRAMMATICAL STRUCTURES OF DIFFERENT LANGUAGES. THE BRANCH OF COMPARATIVE LEXICOLOGY STUDIES THE SIMILARITIES AND DIFFERENCES BETWEEN THE LEXICONS OF DIFFERENT LANGUAGES.

TEXTUAL PHILOLOGY

PHILOLOGY ALSO INCLUDES THE STUDY OF TEXTS AND THEIR HISTORY. IT INCLUDES STUDIES IN CRITICAL EDITION, TEXTUAL CRITICISM, AND THE HISTORY OF LITERATURE. THE BRANCH OF CRITICAL EDITION STUDIES THE HISTORY OF TEXTS AND THEIR CRITICAL EDITION. THE BRANCH OF TEXTUAL CRITICISM STUDIES THE HISTORY OF TEXTS AND THEIR CRITICAL EDITION. THE BRANCH OF THE HISTORY OF LITERATURE STUDIES THE HISTORY OF LITERATURE.

COGNITIVE PHILOLOGY

ANOTHER BRANCH OF PHILOLOGY, COGNITIVE PHILOLOGY, STUDIES THE RELATIONSHIP BETWEEN LANGUAGE AND COGNITION. IT INCLUDES STUDIES IN LINGUISTIC PSYCHOLOGY AND LINGUISTIC ANTHROPOLOGY. THE BRANCH OF LINGUISTIC PSYCHOLOGY STUDIES THE RELATIONSHIP BETWEEN LANGUAGE AND COGNITION. THE BRANCH OF LINGUISTIC ANTHROPOLOGY STUDIES THE RELATIONSHIP BETWEEN LANGUAGE AND COGNITION.

International Academy of Science and Higher Education

**OBJECTIVE AND SUBJECTIVE FACTORS IN FORMATION OF LINGUISTIC
MECHANISMS IN THE AGE OF DOMINATION OF LIBERAL VALUES AND PRIORITY
OF PERSONAL IDENTITY**

Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results
of the CXLVI International Research and Practice Conference
and II stage of the Championship in Philology
(London, July 19 - July 25, 2017)

**The event was carried out in the framework of a preliminary program of the project
«World Championship, continental, national and regional championships on scientific analytics»
by International Academy of Science and Higher Education (London, UK)**

Published by IASHE
London
2017

Chief editor – J.D., professor, academician Pavlov V.V.

Reviewers – experts:

Daniela Grava (Italy) – DLitt, Literary agent

Elena Kosykh (Russia) – Cand. of Philology, Associate Prof.

Galina Kontsevaya (Belarus) – Cand. of Philology, Associate Prof.

Marianna Balasanyan (Georgia) – Dr. of Philology (PhD), Associate Prof.

Marina Zheltukhina (Russia) – Dr. of Philology (PhD), Associate Prof.

Mehmed Jemal (Turkey) – Ph.D.

Yuliana Pykhtina (Russia) – Dr. of Philology, Associate Prof., Head of Department of Russian Philology and Russian Language Teaching Methods

Scientific researches review is carried out by means of professional expert assessment of the quality of articles and reports, presented by their authors in the framework of research analytics championships of the GISAP project

Research studies published in the edition are to be indexed in the International scientometric database “Socrates-Impulse” (UK) and the Scientific Electronic Library “eLIBRARY.RU” on a platform of the “Russian Science Citation Index” (RSCI, Russia). Further with the development of the GISAP project, its publications will also be submitted for indexation in other international scientometric databases.

“Objective and subjective factors in formation of linguistic mechanisms in the age of domination of liberal values and priority of personal identity”: Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results of the CXLVI International Research and Practice Conference and II stage of the Championship in Philology (London, July 19 - July 25, 2017) /International Academy of Science and Higher Education; Organizing Committee: T. Morgan (Chairman), B. Zhytnigor, S. Godvint, A. Tim, S. Serdechny, L. Streiker, H. Osad, I. Snellman, K. Odros, M. Stojkovic, P. Kishinevsky, H. Blagoev – London: IASHE, 2017. - 48 p.

In the digest original texts of scientific works by the participants of the CXLVI International Scientific and Practical Conference and the II stage of Research Analytics Championship in Philology “Objective and subjective factors in formation of linguistic mechanisms in the age of domination of liberal values and priority of personal identity” are presented.

ISBN 978-1-911354-18-5

Dear colleagues!

The bent old man with a mop of dishevelled grey hair on his head, wearing a black academic cloak over the strict tail-coat, has been slowly shuffling through the lobby of the Royal Swedish Academy of Sciences. His road was not easy, as he was moving through a boiling crowd of journalists, policemen, high officials, representatives of the European aristocracy and academic circles. Through the slightly blurred eyeglasses, the old man was staring intently at the people's faces. Many of them tried to ask him some questions, shake his hand, suggest something or present a gift. However, the old man was too tired to react to these manifestations of public attention. He held a golden laureate medal close to his chest and with great difficulties maneuvered through the crowd, trying to find his grandson William, who had accompanied his grandfather in the exhausting journey from Berlin to Stockholm.

- There he is! Theodor Mommsen! The one who has recently glorified Germany! - With these exclamations a jauntily dressed young man jumped out of the crowd offhandedly towards the old man. He was pulling a beautiful blond girl in a luxurious evening dress by hand. - The King of Sweden has just awarded the Nobel Prize to Mr. Mommsen, who is my favourite teacher!

- So, you are my student, aren't you? - Mr. Mommsen asked wearily, and confidently handed a medal of the Nobel Prize winner to the young man without waiting for an answer. - You must help me leave this noisy place immediately and find my grandson William! Where did you attend my lectures?

- I had the honour to listen to your lectures on history and law of Ancient Rome at the Friedrich-Wilhelms-Universität in Berlin in 1878-79! - Answered the young man proudly. He looked around and asked with anxiety: - Aren't you going to visit the Nobel banquet at the Blue Chamber of the City Hall? This will be an incredible event! Members of the royal family and leaders of different countries will be there! World-famous people! It's going to be a great concert! To be honest, when I heard about your triumph, I dared to hope that you would consider it possible to take me to this event, for old times' sake...

- I'll be honest with you - I do not remember you at all... But your dedication surely fascinates me. If only I could have at least some of your energy!" - With these words, Mommsen leaned against the young man's shoulder with relief and pointed to the exit from the building. - What is your name and what grade did you get at my examination? By the way, you haven't introduced me to this young lady!

"My name is Klaus and this is Monica. And believe me, she knows a lot about you! As for the exam, there were two of them: the history of ancient Rome and the Roman Law. I got the highest mark in both subjects. At the same time, I was studying Latin and Italian. And I also read your works "Römische Geschichte" and "Römisches Staatsrecht", - answered the young man, taking his teacher down the stairs together with the silent blonde. - And I remember your grandson William. At that time he was studying at junior grades. And now I see him there, on the first floor by the window. He is densely surrounded by German journalists who heard about your success and immediately started

Уважаемые коллеги!

Сгорбленный пожилой мужчина с копной всклокоченных седых волос на голове, в черном академическом плаще, надетом поверх строгого фрака, медленными шаркающими шагами продвигался по вестибюлю Шведской Королевской академии наук. Его путь был не легким, поскольку он лежал через бурлящую толпу журналистов, полицейских, высокопоставленных чиновников, представителей европейской знати и академических кругов. Сквозь слегка запотевшие стекла пенсне, старик напряженно всматривался в лица людей, многие из которых пытались задать ему вопрос, пожать руку, высказать пожелания или преподнести презент. Однако пожилому человеку, ввиду чрезмерного утомления, сложно было реагировать на проявления общественного внимания. Он судорожно прижимал к груди золотую лауреатскую медаль, и с затруднениями лавировал среди присутствующих, стараясь обнаружить среди них своего внука Вильгельма, который сопровождал деда в изнурительном путешествии из Берлина в Стокгольм.

- Вот он! Это - Теодор Моммзен! Он только что прославил Германию! - с этими восклицаниями навстречу старику бесцеремонно выскочил щегольски одетый молодой человек, тянувший за руку красивую белокурую девушку в роскошном вечернем платье. - Только что король Швеции вручил господину Моммзену - моему любимому педагогу Нобелевскую премию!

- Так Вы мой студент? - устало поинтересовался Моммзен, и, не дожидаясь ответа, уверенно вложил в руки молодого человека медаль Нобелевского лауреата. - Помогите мне, пожалуйста, поскорее покинуть это шумное место и найти внука Вильгельма! А где Вы учились у меня?

- Я имел честь слушать Ваши лекции по истории и праву Древнего Рима в берлинском университете Фридриха Вильгельма в 1878 и 79 годах! - гордо ответил молодой человек и, оглянувшись по сторонам, озабоченно спросил: - А разве Вы не собираетесь в Голубой зал городской ратуши на Нобелевский банкет? Это же невероятное событие! Там будут присутствовать королевские особы и лидеры различных стран, всемирно известные люди! Ожидается потрясающий концерт! Я, когда услышал о Вашей победе, откровенно говоря, надеялся, что Вы по старой памяти сочтете возможным провести меня на это мероприятие...

- Не буду скрывать, я Вас совершенно не помню... Но Ваша целеустремленность, надо признать, вызывает у меня даже некоторое восхищение. Мне бы хотя бы малую толику Вашей энергии! - с этими словами Моммзен с облегчением оперся на плечо молодого человека и жестом показал ему по направлению к выходу из здания. - Как Вас зовут и какую оценку Вы получили на экзамене по моему предмету? Вы, кстати, также не представили меня своей даме!

- Я - Клаус, а мою девушку зовут Моника. И она, поверьте, о Вас многое знает! А экзамена было два - по истории Древнего Рима и по римскому праву. По обоим предметам - высший балл! Попутно я тогда освоил латынь и итальянский язык. Прочитал Ваши работы «Römische Geschichte» и «Römisches Staatsrecht», - ответил молодой человек, и повел своего учителя вниз по лестнице, увлекая за собой молчаливую блондинку. - А Вашего внука Вильгельма я хорошо помню - он в то время учился на младших курсах. А сейчас я его вижу вон там - на первом этаже у окна - в плотном окружении немецких журналистов, которые узнали о Вашем успехе и тут же привлекли к интервью первого

interviewing the first person related to you they were able to find! What will happen there once you appear?

"You know, dear Klaus, I will be pleased to give you both of my invitation cards to the Nobel banquet. But in turn you will have to get my grandson out of that trouble and hide me from the eyes of our curious compatriots!" - With these words, smiling Mommsen friendly tapped Klaus on the shoulder and turned to his companion. - Dear Fräulein Monica, I sincerely apologize for the quirks of the old grumbler! "

- Of course, I'll do it, Mr. Mommsen! And I'm very grateful to you for the generosity!" – Klaus seemed very happy, but a moment later he thought of something and turned to his teacher, - Let me ask you a question. You have conducted a great number of excellent studies in the field of history, law and philology. You have achieved great success in science! But yet you don't seem to be pleased with the deserved awards and honours, do you?

- Well, first of all, I'm too old to paint the town red. In addition, I consider any form of pride disgusting. - Mommsen carefully examined the rooms of the Royal Swedish Academy of Sciences crowded with people and smoothed his ruffled hair.

- Secondly, I am of course grateful for high acknowledgement of the results of my work. But I have lived a happy life, and it was happy because I was doing my favourite work. Ancient Rome is incredible. Its history is amazing and crucial for the mankind. Thus I have been studying it not in anticipation of some reward. I would be willing to exchange many things for the opportunity to obtain this knowledge!

This digest includes reports, presented on the CXLVI International Research and Practice Conference "Objective and subjective factors in formation of linguistic mechanisms in the age of domination of liberal values and priority of personal identity" and on the II stage of research analytics championships of various levels in Philology.

We are sincerely grateful to authors of works presented in the digest for active participation in international scientific communications. We congratulate winners and awardees of relevant research analytical championships and we look forward to further participation of these scientists in the Global International Scientific Analytical Project of the IASHE and to their new ideas and scientific innovations.

Yours sincerely, -
Head of the IASHE International Projects Department
Thomas Morgan

July 27, 2017
London, UK

попавшегося человека, связанного с Вами! Что же там будет, когда подойдете Вы?!

- Знаешь, дорогой Клаус, я с удовольствием отдам тебе два своих приглажительных билета на Нобелевский банкет, если ты, благодаря своей расторопности, вызволишь из «беды» моего внука и скроешь меня от глаз наших любопытных соотечественников! - с этими словами улыбающийся Моммзен дружелюбно хлопнул Клауса по плечу и обратился к его спутнице: - А у Вас, милая Fräulein Моника, я искренне прошу прощение за причуды старого ворчуна!

- Конечно, господин Моммзен, я все сделаю! И я очень благодарен Вам за великодушие! – обрадовался неожиданному счастью Клаус, но через мгновение задумался и обратился к своему учителю: - Но у меня, если позволите, есть к Вам вопрос: Вы провели огромное количество великолепных исследований в сфере истории, права, филологии и добились огромных успехов в науке! Почему же Вас, как мне кажется, совершенно не радуют заслуженные награды и почести?

- Ну, во-первых, я слишком стар, чтобы придаваться безудержному веселью, а гордыня в любом виде мне противна. – Моммзен внимательно оглядел заполненные людьми помещения Шведской Королевской академии наук и пригладил у себя на голове непослушно торчащие волосы. – А, во-вторых, я, конечно, благодарен за столь высокое признание результатов моей деятельности. Но я прожил счастливую жизнь, и счастливая она была именно потому, что я занимался любимым делом. Древний Рим столь велик, а его история настолько потрясающа и судьбоносна для человечества, что я изучал его не в ожидании награды, а даже сам был бы готов отказаться от многого ради возможности получить эти знания.

Данный сборник включает доклады, представленные на CXLVI Международную научно-практическую конференцию «Объективные и субъективные факторы формирования языковых средств в эпоху доминирования либеральных ценностей и приоритетного значения индивидуальности личности», а также II этап научно-аналитических первенств по филологическим наукам.

Искренне благодарим авторов представленных в сборнике произведений за активное участие в международных научных коммуникациях, поздравляем победителей и призеров соответствующих первенств по научной аналитике, а также с нетерпением ожидаем дальнейшего участия этих ученых в Международном научно-аналитическом проекте МАНВО, их новых идей и научных разработок.

С уважением и наилучшими пожеланиями, -
Руководитель Департамента
международных проектов МАНВО Томас Морган

«27» июля 2017 г.
Лондон, Великобритания

National Research Analytics Championship

Bulgaria
Russia
Ukraine

Open European-Asian Research Analytics Championship

Bulgaria
Russia
Ukraine

International Scientific and Practical Conference

Bulgaria
Russia
Ukraine

EXPERTS OF CHAMPIONSHIPS AND CONFERENCES

DANIELA GRAVA (ITALY)
Literary agent, DLitt

ELENA KOSYKH (RUSSIA)
Candidate of Philology, Associate Professor

Place of work: Altai State Pedagogical Academy.

Scope of research interests: ontolinguistics, coloring, Russian language history, comparative and contrastive linguistics of kindred languages, ancient and classical languages, linguistic identity.

Scientific works: National Encyclopedia of Color Labeling.

GALINA KONTSEVAYA (BELARUS)
Candidate of Philology, Associate Professor, Brest State University.

Scope of research interests: semantics and pragmatics of network communication, computer linguistics, modern Belorussian language.

Is the author of over 100 scientific works.

MARIANNA BALASANYAN (GEORGIA)
Doctor of Philology (PhD), Associate Professor, member of the Georgian Association of Teachers of Russian Language and Literature and the International Association of Teachers of Russian Language and Literature, member of the scientific advisory board of the periodical «International Journal Of Russian Studies»; head of the "Russian Language and Literature" department of the Faculty of Education, Humanities and Social sciences of the Akhaltsikhe State University; the director and moderator of the program in Russian language and literature.

Place of work: Akhaltsikhe State University.

Scope of research interests: linguistics, semiotics, methods of teaching Russian as a foreign language, problems of intercultural communication.

MEHMED JEMAL (TURKEY)
Kelime Agency, Ph.D.

YULIANA PYKHTINA (RUSSIA)

Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Russian Philology and Russian Language Teaching Methods

Place of work: Orenburg State University

Scope of research interests: Theory and history of Russian literature and literary regional studies; philological analysis of texts; methods of teaching literature

Scientific works: Pyhtina, Ju.G. Funkcional'no-semanticheskaja tipologija prostranstvennyh obrazov i modelej v russkoj literature XIX- nach. XXI vv. [Functional and semantic typology of spatial images and models in Russian literature in the XIX - early XXI centuries]. Dis. ... doktora filologicheskikh nauk: [Thesis by the Doctor of Philology] 10.01.01, 10.01.08. Rossijskij universitet druzhby narodov (RUDN) [Peoples' Friendship University of Russia (RUDN)]. – Moscow., 2014.

MARINA ZHELTUKHINA (RUSSIA)

Doctor of Philology, Full Professor, Academician of the Russian Academy of Natural History (RANH), Professor of the English Philology Department of Foreign Languages Institute of Volgograd State Social Pedagogical University, Director of the Center of Communicative Technologies, Rector of School of Acting named after Anatoly Omelchenko, Head of the Scientific Research Laboratory "Discourse linguistics".

Place of work: Volgograd State Social Pedagogical University, Center of Communicative Technologies, School of Acting named after Anatoly Omelchenko, Scientific Research Laboratory "Discourse linguistics".

Honorary awards: International award «Foyer des Artistes» in the nomination «Linguistics» (Rome, 2002).

Scope of research interests: sociolinguistics, psycholinguistics, pragmalinguistics, cognitive linguistics, semiotics of culture, cultural anthropology, forensic linguistic expertise.

GLOBAL
INTERNATIONAL
SCIENTIFIC
ANALYTICAL
PROJECT

AWARD PROTOCOL № 146c-2017

Date: July 27, 2017

INTERNATIONAL ACADEMY OF SCIENCE
AND HIGHER EDUCATION
1 Kings Avenue
Winchmore Hill
London
N21 3NA
Tel: +44 (20) 71939499 / Skype: iashe_
Email: office@iashe.eu
Website: www.iashe.eu

Following the results of the II stage of the Championship in Philology, held within the framework of the National Research Analytics Championship and the Open European-Asian Research Analytics Championship, the Championship Organizing Committee and IASHE regional expert council decided to single out the following reports as the best research works presented at the championships:

OPEN EUROPEAN-ASIAN RESEARCH ANALYTICS CHAMPIONSHIP

Absolute championship

Philology

Silver decoration,
Money bonus in the amount of Euro 30 and 60 credits

Dimitrina Hamze

Bronze decoration,
Money bonus in the amount of Euro 25 and 50 credits

Iuliana Pykhtina

NATIONAL RESEARCH ANALYTICS CHAMPIONSHIP

Absolute championship

Philology

Ukraine

Silver decoration,
Money bonus in the amount of Euro 30 and 60 credits

Iryna Kobyakova,
Aleksander Kobyakov,
Galina Chulanova

Ukraine

Bronze decoration,
Money bonus in the amount of Euro 25 and 50 credits

Olena Nazarenko,
Nataliia Tatsenko

Alpha-championship

Philology. Section "Open specialized section"

Ukraine

Diploma "Scientific Thought Leader"

Victoria Atamanchuk

All the participants of championships except those who were awarded with diplomas receive certificates of participants of the championship.

On behalf of the Organizing Committee and the Commission of Experts
II stage of the Championship in Philology
of the National research analytics championship
and the Open European-Asian research analytics championship

Head of IASHE International Projects Department
Thomas Morgan

Morgan

РЕЧЕВОЙ АКТ НЕСОГЛАСИЯ

Кобякова И.К., канд. филол. наук, проф.
 Кобяков А.Н., канд. тех. наук, доцент
 Чуланова Г.В., канд. филол. наук, доцент
 Сумской государственный университет, Украина

Участники конференции,
 Национального первенства по научной аналитике

В статье исследуются особенности выражения несогласия в англоязычной речи. Фокусируется внимание на необходимости учета прагматических характеристик собеседников. Осмысливаются прямые и косвенные средства выражения несогласия.

Ключевые слова: речевой акт, коммуникант, диалог, коммуникативная цель, реакция.

The article deals the characteristics of dissent in the English language. Focuses on the need to consider the pragmatic characteristics of the interlocutors. Conceptualized direct and indirect means of expressing disagreement.

Keywords: speech act, communicant, dialogue, communicative purpose, reaction.

Проблематика речевого общения является одной из наиболее привлекательных областей исследования. Распространенность диалогического вида речи в условиях современной коммуникации обуславливает актуальность изучения единиц речи. В фокусе внимания исследователей оказались феномены, которые ранее находились на периферии лингвистической науки: речевой акт, речевое воздействие, проблемы взаимодействия коммуникантов, особенности речевой ситуации, причины коммуникативных неудач, коммуникативные стратегии и тактики разговорной речи. Предметом данной статьи является речевой акт несогласия, объектом – его функционирование в речевой деятельности коммуникантов.

Актуальность темы связана с тем, что несмотря на многочисленные исследования в области речевых актов, отраженные в лингвофилософских концепциях В. Гумбольдта и Ш. Балли в теории языка и речи А. Гардинера и Э. Бенвениста, в теории высказывания М.М. Бахтина, в логико-философской теории речевых актов Дж. Остина, Дж. Р. Серля, П.Ф. Стросона, З. Вендлера, речевому акту несогласия не посвящено специальных трудов. Цель данной работы – выявление особенностей выражения несогласия в англоязычной речи, определение его ситуативных характеристик. Человек не может жить вне связи с другими людьми: он должен советоваться, делиться мыслями, чувствами, сопереживать, искать понимания. Каналом связи с другими людьми является общение. Речевое общение – это «мотивированный живой процесс взаимодействия между участниками коммуникации, который направлен на реализацию конкретной жизненной целевой установки, протекает на основе обратной связи в конкретных видах речевой деятельности» [1, с. 8].

Формой проявления речевого общения является речевое поведение собеседников, а содержанием – их речевая деятельность, которая состоит в совокупности речевых актов. В процессе речевого акта осуществляется передача речевого сообщения от одного или нескольких участников общения другому или другим участникам общения. Речевой акт определяется как «высказывание (речедействие) или совокупность высказываний, совершаемых одним говорящим с учетом другого» [2, с. 150]; «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, существующими в данном обществе [3, с. 412].

Важнейшими чертами речевого акта являются интенциональность, целеустремленность, конвенциональность. Поскольку речевой акт – это вид действия, то при его анализе используются по существу те же категории, которые необходимы для характеристики и оценки любого действия: субъект, цель, способ, инструмент, средство, результат, условия, успешность и т. п. Субъект речевого акта – говорящий – производит высказывание, как правило, рассчитанное на восприятие его адресатом – слушающим.

Высказывание выступает одновременно и как продукт речевого акта, и как инструмент достижения определенной цели. Речевой акт может восприниматься только в диалогическом единстве. Диалог – это «вербальное воплощение процесса сгущения мысли, внутреннего речи говорящего в условиях непосредственного обмена мыслями со слушающим, альтернирующая цепочка предложений, образуемая чередованием высказываний двух участников речевого акта» [4, с. 22]. Особенность диалогической речи как коммуникативной системы заключается в том, что она «характеризуется сиюминутностью производства, быстротой и непосредственностью процесса отражения явлений и ситуаций объективного мира, активностью говорящих в отношении выражения своего индивидуального отношения к фактам, обилием эмоциональных реакций» [5, с. 6].

Главная коммуникативная цель диалога – это стремление к достижению взаимопонимания и согласия между общающимися. Однако взаимопонимание и взаимодействие не всегда являются характерными признаками диалога. Структурно- композиционный анализ диалогических единств позволяет сделать вывод о том, что текст диалога отражает столкновение интенций его участников, которые не просто спорят друг с другом, высказывая отрицательное отношение к тому или иному факту или явлению, но и дают ему оценку со своих позиций, употребляя при этом, необходимые лингвистические средства.

При комплексном исследовании речевого акта несогласия во внимание принимаются следующие факторы:

1) коммуникативная цель, которая «состоит в том, чтобы выразить отсутствия согласия по отношению к действию или высказыванию собеседника; при этом выражение, как правило, предстает как сообщение информации или как оценка информации собеседника» [6, с. 15, 8, с.30]. “Michael, I’m upset about Julia... I think she’s doing a great deal too much. I don’t know what’s come over her. All these parties she’s going to now. These night clubs and things. After all she’s not a young woman any more; she’ll just wear herself out.” “Oh, nonsense. She’s as strong as a horse and she’s in the best of health...” [9, с. 157]. В данном примере четко выражено отсутствие согласия по отношению к высказыванию собеседника;

2) концепция говорящего, который при речевом акте несогласия выражает определенную точку зрения, находясь при этом на противоположных с собеседником позициях по одному вопросу. “You are the best mother in the world.” “No, I am not. You want me to be. And I want to be, I really do. But just wanting something doesn’t make it true” [10, с. 68]. Совершая речевой акт несогласия, говорящий выражает определённую точку зрения, находясь при этом на противоположных с собеседником позициях по одному вопросу;

3) концепция собеседника (как правило, в речевых актах несогласия собеседник провоцирует определенную отрицательную реакцию говорящего): “She, the dope friend, Gabrielle – she killed her mother. She is the one he shielded.” “Nonsense,” I said.

“She was a baby.” “Oh, but it is not nonsense,” the woman said. “She was nearly five, a child of five playing with a pistol that she had taken from a drawer while her mother slept. The pistol went off and Lily died” [11, с. 61];

4) событийное содержание (событийная основа речевого акта несогласия включает информирование собеседника об отрицательном отношении говорящего к его действию или выражаемому мнению): “The stiffness extends to the figure a little, I think, said Payne. “They hadn’t quite mastered anatomy when medievalism ended, at least in the north. That left leg looks to me a good deal out of drawing.” “I’m not so sure, replied Wood quietly. “Those fellows who painted just when realism began to be done, and before it began to be overdone, were often more realistic than we think. They put real details of portraiture into things that are thought merely conventional. You might say this fellow’s eyebrows or eye-sockets are a little lop-sided; but I bet it if you knew him you’d find that one of his eyebrows did really stick up more than the other. And I shouldn’t wonder if he was lame or something, and that black leg was meant to be crooked” [12, с. 78];

5) фактор коммуникативного прошлого (речь идет о репликах-реакциях несогласия – таких как I am not sure; No, I don’t think; Nonsense!; No way! И др.): - She gave him no hint as to what their matter might be? - Unfortunately, no! [13, с. 55];

6) фактор коммуникативного будущего, который предполагает как необязательную ответную реплику, так и отсутствие ответа: - How many times have I told you not to make friends with this awful girl. She has terrible background: her father is a drunker and her mother ... Oh, my God! But Marty only stood up and went away [10, с. 103];

7) языковое воплощение.

Существуют прямые и косвенные средства выражения несогласия. К прямым средствам можно отнести грамматическое и лексическое отрицание, а к косвенным средствам: лексические единицы оценочной семантики, выражения сожаления, эмоционально-окрашенные слова, выражения сомнения и некоторые определенные клише, свойственные речевым актам несогласия. Речевые акты несогласия довольно часто основаны на принципе Ложности. Ложью «принято считать всякое высказывание, рассчитанное на обман, независимо от того, умалчивает или искажает говорящий информацию об известном ему рассматриваемом положении дел или вещей, либо когда он говорит одно, а знает нечто другое» [4, с. 130]. “How old are you? “Nineteen.” “That’s a lie. You’re twenty-two if you’re a day” [9, с. 248]. Ложь может быть продумана и звучать так искренне и убедительно, что позволяет создать иллюзию совпадения коммуникативных намерений собеседников и дает им возможность продолжать общение в сфере действия принципа Сотрудничества. К сожалению, нередки случаи такого общения, когда заведомую ложь пытаются представить как правду или даже истину, прекрасно осознавая, что именно правда и истина служат высшей этической ценности. При коммуникативном анализе речевого акта несогласия важно учитывать некоторые прагматические факторы, к которым относятся возраст и пол собеседников, их социальное положение, ментальная характеристика, их мировоззрение и мировидение. Рассмотрим, к примеру, следующий диалог: “But I think it would be nicer for us both if we just settled up the other little thing first of all. A matter of four pounds a week, say, not much, sir, to you, I mean I wouldn’t want to charge you much. Just that, regular like – so perhaps, sir, if you wouldn’t mind just filling in this banker’s order, I’ve always found that the easiest way –” “A banker’s order?” said Ducane, staring at the apparition of McGrath flourishing a piece of paper in front of him. Then he began to tremble with laughter. One of the candles went out. “A banker’s order? No, no, McGrath. You’ve got it all wrong, I’m afraid. You’re a damnable villain but I’m not a total fool. I paid you a little because I needed you for this investigation. Now that you’ve done all you can for me I’m not paying you another penny” [14, с. 233]. Как видно, социальное положение собеседников неравное: первый коммуникант – подчиненный, второй – начальник. О неравноправии коммуникантов свидетельствуют обращения друг к другу. Первый из них (подчиненный) обращается к другому: “Sir”, используя такие вежливые фразы, как “If you wouldn’t mind just...”

Второй же называет своего собеседника по фамилии – “McGrath”, что говорит о его чувстве превосходства. Кроме того, он его называет “damnable villain”. Еще один диалог: Sophie: They went to the party, Mrs. Griggs. Rose: No! Without me? I must say that’s very rude. They can’t have done that, Sophie [15, с. 75]. В данном примере отношения между собеседницами неравные, о чем говорит обращение Mrs. Однако отношения между ними довольно дружеские. И та эмоционально окрашенная реплика с негативной реакцией второго коммуниканта совсем не относится к личности Sophie. Это отношение к сообщаемому событию. Приведем разговор несколько иного рода: пример беседы двух девочек-подростков: “How do you like our class so far?” “The boys aren’t as cute as the ones in New York,” Arabella said. “But I’ve had my eye on Jimmy MCGregor. He is a kind of cute.” “Rubbish! Nothing of the kind! Besides, I don’t go in for red hair and freckles!” [16, с. 31–32]. Разговор двух друзей: “Hello! The Prof’s moved the ship!! “Nonsense!” I retorted. “It’s exactly where we left it” [17, с. 29]. В приведенном выше коммуникативном акте отношения между собеседниками дружеские, социальное положение равное, о чем говорят реплики-реакции: “Rubbish!”, “Nonsense!” Приведем пример завершающей стадии неприятного разговора отца и дочери, конфликт между которыми дошел до крайней точки (речь идет о неприятии отцом девушки молодого человека, который хочет на ней жениться): “He’s not just an ordinary clerk, father. He’s well thought of by the firm. He goes round the country on business for them every now and then. He – he hoped he might get on – might even buy a partnership later.” “Ye don’t say,” he snarled at her. “Is that the sort of nonsense he’s been filling up your silly head wi’ – not an ordinary clerk, – just a common commercial traveler – is that it? Has he not told ye he’ll be Lord Mayor o’ London next? It’s just about as likely! The young pup!” [18, с. 33]. Социальное положение между коммуникантами здесь в высшей степени неравное. В реплике-реакции отца-диктатора слышны угрожающие нотки, преобладают выражения экспрессивного характера, оскорбляющие жениха девушки [8, с. 32].

Речевой акт несогласия представляет собой сложное явление, выражающее отрицательное отношение к действию или высказыванию собеседника и имеющее определенный набор средств выражения, использование которых в конкретной ситуации зависит от особенностей речевой ситуации. Речевой акт несогласия объединяет все виды отрицательной реакции: опровержение, возражение, осуждение, выражение недовольства, неодобрение. Перспективным является изучение грамматических и лексических средств, посредством которых выражается речевой акт несогласия.

Литература:

1. Казарцева О.М. Культура речевого общения: теория и практика обучения., О.М. Казарцева. – М., Флинта: Наука, 1999. – 496 с.
2. Абрамова Т.В. Диалогизм в прагмалингвистике и изучение речевого этикета., Т.В. Абрамова., Теоретическая и прикладная лингвистика: межвузовский сборник научных трудов. - Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002., С. 148–189.
3. Лингвистический энциклопедический словарь., гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
4. Агапова С.Г. Основы межличностной и межкультурной коммуникации (английский язык), Серия «Высшее образование». – Ростов н/Д., Феникс, 2004. – 288 с.
5. Чахоян Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. – М., Высшая школа, 1979. – 168 с.

6. Колшанский Г.В. Лингвокоммуникативные аспекты речевого общения: автореф. дисс... на соискание ученой степени канд. филол. наук., Г.В. Колшанский. – Тюмень, 2004. – 21 с.
7. Колшанский Г.В. Лингвокоммуникативные аспекты речевого общения., Г.В. Колшанский., Методическая мозаика. – 2006., № 4., С. 27 – 32.
8. Кобяков О.Н., Несогласие как структурная форма диалогического взаимодействия., О.Н. Кобяков, Г.В. Чуланов, А.Н. Ляпа., Філологічні трактати. - 2011., Т. 3, № 3., С. 29-33.
9. Maugham W.S. Theatre. – М., Raduga, 1979. – 288 p.
10. Parsons T. Man and boy. – L., Harper Collins Publishers. - 2002. – 344 с.
11. Hammett D. The Dain Curse. – М., Менеджер, 2005. – 240 с.
12. Chesterton G.K. The Adventures of Father Brown. – М., Менеджер, 2001. – 256 с.
13. Christie A. The Mysterious Affair at Styles. – N.Y., Bantam Books, 1983. – 315 p.
14. Murdoch I. The Nice and the Good. – N.Y., The Viking Press, 1968. – 378 p.
15. Hellman L. The Autumn Garden., Three American Plays. – М., Raduga Publishers, 1973., pp. 61–95.
16. Hermann Ch. Just We Three. – N.Y.: New American Library, 1973. – 120 p.
17. Clark A.C. Jupiter Five., Science Fiction. The Best English Short Stories. – М., Raduga Publishers, 2000., pp. 7–53.
18. Cronin A.A. Hatter's Castle. – М., Foreign Language Publishing House, 1960. – 696 p.

ОТНОШЕНИЕ К „ДРУГОСТИ”, КАК КОММУНИКАТИВНОМУ ВЫЗОВУ В ОСЦИЛЛЯЦИИ МЕЖДУ ОБЪЕКТИВНЫМ И СУБЪЕКТИВНЫМ

Хамзе Д.Г., д-р
Пловдивски университет Паисий Хилендарски, Болгария

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

*Я не верю, что человек не мог бы стать одним из других.
Илия Троянов*

В статье рассматривается „другость” как константа в коммуникативном взаимодействии, которая, подобно маятнику, сочетает собственную „другость” производителя речи с дружостью собеседника, находя почву для взаимопонимания и между наиболее отдаленными культурами. Цель исследования состоит в том, чтобы посредством Кантовского челнока между „объективно” субъективным и „субъективно” субъективным, посредством Ницшеанского аристократизма „воли к власти”, как „воли к жизни”, для познания и утверждения Другого, а также посредством художественно-культурологических экспедиций в мир литературного творчества Или Троянова, открыть волшебный ключ к достижению межэтнической конвергенции и интеркультурного консенсуса.

Ключевые слова: *другость, коммуникация, объективное, субъективное, возвышенное, трансцендентное, гротеск, оксюморон, язык, дискурс, культура, интеграция*

This article examines the „otherness” as a constant value in the communicative interaction that, like a pendulum, combines the own „otherness” of the producer with that of the person he speaks with, finding a ground for mutual understanding even between the most distant cultures. The purpose of this survey is by way of the Kantian shuttle between the „objective” subjective and the „subjective” subjective, through the Nietzschean aristocratism of the „will for power” as „the will to live”, aiming awareness of the Other and reaffirming the Other, and through the artistic explorations in the literary work of Iliya Troyanov, to find the key to inter-ethnic convergence and intercultural consensus.

Keywords: *otherness, communication, objective, subjective, sublime, transcendental, grotesque, oxymoron, language, discourse, culture, integration*

Коммуникативный рефлекс индивидуума отражает поиск подтверждения собственной „другости” в поле Другого и усиление ее „приручить”, ассимилировать, „переплавить”, согласовать и осознать с помощью именно этого Другого. Даже конфликтная постановка по отношению к личности нашего коммуникативного партнера, неприятие его взглядов и убеждений – словно естественное продолжение наших собственных идейно-психических и рефлексивных коллизий, которые мы обычно скрываем за маской благовидно-когерентной целостности, без которой мы были бы болезненно уязвимыми, как голые улитки. Другость – имманентная часть „генотипа” человека, и ее можно обнаружить в различных перевоплощениях: Другой как двойник – это моя собственная трансфигурация, гипотетический „альтернант” Эго или мое альтернативное Я, которое, в его качестве зеркального отражения не только того, чего мне не хватает, но и того, что навязывает мне определенный образ мышления и поведения, обаяя меня „надеть” конкретную Форму, возникшую в процессе неизбежного интерперсонального взаимодействия. Мое „материализованное” Я излучает в свою очередь Формальные директивы в сторону Другого и тоже функционирует как зеркало его поступков (по модели непрерывного Формотворческого и Формогенного обмена имитативными сигналами, в результате чего о-формируется канон (норма)). Эта новоформа начинает „распоряжаться” безнаказанно, заставляя субъекты повиноваться ей беспрекословно. В этой перспективе думающий и творческий субъект, улавливая свою „другость”, будет искать способы для раскрепощения и артистического преодоления деперсонализирующей гегемонии Формы, с целью добиться как созидательного диалога с Другим, так и своей собственной аутентичности. Формальные стандарты, пронизавшие и «запершие» каждую культуру, можно превозмочь только в межкультурном коммуникативном пространстве, где встречаются субъекты, освобожденные от „скафандра” репрессивных условностей, всего лишь благодаря желанию для встречи и сближения с „дружостью” Другого.

1.0. „Маятник” Канта между „объективно” субъективным и „субъективно” субъективным

Если условно назовем „объективным” всеобщее субъективное, то связь между ним и индивидуально субъективным – генеалогическая и априорно имплицитная „дружость” всего за пределами ее конкретного личностного проявления. Сле-

довательно, „другость” не только заложена в нашем психическом устройстве и рефлексивном интенсификате в нашем качестве коммуникативных „депозиториумов” („депо”) и „диспозиториумов” в социальной „интегротеке”, но и является в большей или меньшей степени осознанно (может быть, скорее интуитивно) искомым „кивотом” для обновления и поддержания собственной душевной и культурно-исторической витальности.

Согласно всеобщим законам и закономерностям, в ракурсе Иммануила Канта, опыт (эмпирическое) и мысль (рациональное) переливаются друг в друга и растворяются в чем-то более высшем и посредством чего-то более высшего – трансцендентного, которое дано нам как возможность а priori и, благодаря которому, мы осмысливаем свой опыт как общедействительный. Способность трансцендентного мышления является интегративно-коммуникативной платформой *par excellence*. Априорно всеобщие категории нашего рассудка порождают альтернативу антиципированной „другости” во всевозможных разновидностях. Движение от общего к особому и обратно может быть лучше всего проиллюстрировано Способностью к суждению, которая, с точки зрения Канта, может быть определяющей и рефлектирующей. Определяющая проследивает движение от общего к особому, а рефлектирующая следует в обратном направлении - от особого к общему. Рефлектирующие суждения, такие, как, например, красивое и возвышенное, не основываются ни на опыте, ни на рассудке, а определяются сами по себе. У нас нет определенных сформировавшихся ранее представлений о них. Они только присутствуют в наших мыслях, без понятий, освобождают чувства и способности духа. Способность к суждению и чувство удовольствия зарождаются в самой игре познавательных способностей, рассудка и воображения. Способность к красивому и возвышенному есть имманентная составляющая психической конституции каждого индивидуума, дифференцированная в соответствии с личностными особенностями его восприятия и его аксиологической ориентацией, независимо от того, представителем той или иной культуры он является. Возвышенное – самый надежный коммуникативный рычаг для ассимилирования и оплодотворения „другости”. По мнению Канта, это „то, что нравится непосредственно своим сопротивлением против интереса органов чувств”. В отличие от красивого, возвышенное для немецкого философа может быть бесформенным и может вызвать огромное удовольствие; оно может существовать в хаосе, не в порядке, оно не прямое, а косвенное. Возвышенное безгранично, появляется после моментного подавления жизненных сил, а не непосредственно как повод для их проявления, что характерно для красивого. Красивое привлекательно, а возвышенное могуче, усложнено, оно вызывает уважение, респект, восторг и изумление. Возвышенное со всем своим могуществом отсылает к идеям разума, пробуждает дух. В то время как в красивом дух находится в состоянии спокойного созерцания, в возвышенном он „потрясен”, освобожден, лих, ищущ. Возвышенное создает чувство удовольствия, прошедшего („закаленного”) через „неудовольствие” посредством сложных субъективных эмоций. Эти эмоции, без всяких ограничений, дают волю способности к воображению, выходящей далеко за все границы. Соприкосновение рассудка и воображения, выход за все пределы воображения, приводят к суждению о возвышенном, но оно приходит скорее всего в результате необъяснимого волнения и изумительного (поражающего) феномена, необъятности многообразия после невозможности воображения.

Возвышенное, как и красивое, может быть представлено в соответствии с качеством – как освобожденное от интереса, в соответствии с количеством – как общедействительное, в соответствии с отношением – как субъективно целесообразное, в соответствии с модальностью – как необходимое. Общедействительное, которое ассоциируется с объективным, – это способность человеческого индивидуума к красивому и возвышенному, а субъективное – это личное переживание, связанное с отношением между человеком и объектом. Поскольку возвышенное не может быть определением конкретного объекта или предмета, то мы определяем как возвышенную саму способность воображения, которая приводит к идеям разума, вызванным представлением об объекте. Пространственная внушительность возвышенного как „абсолютного большого” и его духовная грандиозность, требующая соответствующего расположения у субъекта, делают его одновременно „математически обозримым” и метафизически динамичным. Возвышенное воспринимает „воззрение” в одной бесконечной прогрессии, но как цель, пока воспоминания и понятия не исчезнут, пока воображение не достигнет своего предела и не выйдет за его границы. Оно возникает в результате невозможности охватить недоступное и недостижимое, т.е. в момент полного отключения, бегства в неведомое, падения в пропасть из-за бессилия в познании. Оно, однако, не порождает панический и парализующий страх, а пробуждает креативную силу для облагораживающего и возвышающего (возрождающего) слияния с неназываемым. Когда достигнет своего зенита, возвышенное погружается само в себя и вызывает будоражащее чувство удовольствия. Абсолютная необъятность возвышенного ставит его за пределы конвенционального сравнения – оно „несравнимо” большое, большое не относительно маленького, а относительно другого, большего. Большое ассоциируется с субъективно-объективной мерой. Масштаб его конкретно не определен, не задан и не подчинен чему-то другому, он затронут лишь как доказательство преимущества объекта. Этот масштаб представляет субъективную эстетическую оценку разума. Возвышенное является „большим” относительно нашей познавательной способности оценки величины. Оно может быть осмыслено, благодаря „одной способности духа, превышающей любой масштаб органов чувств” [Кант 1993: 126]. Здесь мы оперируем *трансцендентным сравнением*, являющимся „антисравнением” в традиционном смысле понятия. Это акомпаративное сравнение иллюстрирует оксюморонный философский принцип познания и опыта („несравнимое сравнение”).

Два действия, необходимых для достижения абсолютной меры у каждого, это воззрение и охват. В момент, когда воззрение достигает своего максимума, чувственные видимости потухают и разгуливается способность воображения. Так мы вступаем на территорию возвышенного, наиболее полноценного эстетического понятия, с точки зрения Канта. Невозможность воспринять необозримое (неохватное) многообразие вещей порождает „занимательную” функцию воображения и чувство восхищения силой и могуществом объекта, как в природе. Кант считает, что возвышенное несет в себе что-то из могущества природы, чья стихия превосходит любые препятствия и порождает страх, но не страх опасности, а дистанцированный страх опьяняющего изумления, респектирующее преклонение перед ее силой. Когда на нас снизойдет идея, что в определенный момент нам придется оказать сопротивление, но это сопротивление было бы напрасным (бес-сопротивительная сопротива), тогда мы в орбите возвышенного. Это состояние напоминает наше благоговение перед величественной природной панорамой: дерзкие, нависшие скалы делают из нашей способности сопротивляться что-то совершенно ничтожное по сравнению с их силой. С их перспективы, чем страшнее вид, тем заманчивее становится он, лишь бы мы находились в безопасности [по Канту 1993: 127]. В неизмеримости природы обнаруживаем свою собственную ограниченность, но она всего лишь повод перейти за ее границы, выйти за пределы нашей чувственности и достичь *сверхчувственности*. Может быть, мы осознаем свое физическое бессилие, но только как природные существа, а в другом аспекте, вне зависимости от нее, мы обнаруживаем свою мощь – как разумные существа, обладающие „неизмеримой” способностью воображения. Природа отсылает дух к его собственной возвышенности. Именно эта способность, вопреки своим корням, т.е. тому, что является природной данностью для нас, как человеческих существ, нуждается в развитии. Ее развитие и упражнение – наша обязанность. Эта индивидуальная задача отсылает к нашей нравственной природе человеческих существ, к нашему моральному чувству и желанию свободы, мечтания и воли. Способность к красивому и возвышенному является „объективной” данностью в той мере, в

какой она есть часть антропологического „генотипа”. Она может остаться недоразвитой или достичь максимума своего развития, как субъективного преимущества, которое напрямую сказывается на подходе и отношении к Другому. И красивое, и возвышенное связаны с нравственным. Нравственна сама идея о человеческом и человеке, как обладателе этой априорно данной способности. Когда красивое свяжется с определенными понятиями, с определенным отношением или целью, оно „роднится” с нравственным – добром. Человек ценит способность других в соответствии с принципом общей способности, и это должно быть его отправной точкой в интерперсональных отношениях. Принцип нравственности – объективный принцип, распространяющийся на всех; он истинен и узнаваем посредством одного общего понятия, субъективный принцип вкуса является в качестве всеобщего не посредством понятия, а посредством самой способности вкуса. Так, как всех нас объединяет способность вкуса и, спланивая, „разъ-единяет” его субъективное проявление, на том же основании дифференцированный подход в отношении к Другому нельзя непременно расценивать как дискриминацию, репрессию, неприятие или отвержение. Порой мы определяем красивое нравственными понятиями типа „величественное и великолепное”, „невинное, скромное”, потому что оно вызывает ощущения, отсылающие к сознанию о моральных суждениях. По моему мнению, связь между красивым и нравственным реципрочна – как красивое направляет внимание на нравственное, так и наоборот – нравственное „украшает” субъект.

2.0. Возвышенное в коммуникативной ткани гротеска как мост к помирению и о-созвучиванию „другостей”

Возвышенное с его свободной природой является как раз той связью между чувственным и рациональным, моральным и надрациональным. Оно допускает страх и неудовольствие, как скачок на пороге следующего осознания и развития, в котором временное неудовольствие превращается в невысказанное (невыразимое), метафизическое наслаждение. Без этой транспозиции возвышенное нельзя было бы осознать как таковое – оно не перешагнуло бы через стадию страшного, ужасающего, безобразного. Чудотворная спайка между эстетическим и нравственным в зоне возвышенного отсылает к трансцендентному. Именно возвышенное, как условие для трансценденции, есть отличительная примета *гротеска*¹ – одного из наиболее суггестивных и эффективных инструментов миролюбивой коммуникации между культурами, как встречи „другостей”. Гротеск есть универсальный ключ для гармонии и взаимопонимания среди них, благодаря двум своим главным преимуществам: 1/ в концептуально-рефлексивном плане иллюстрирует и утверждает совместимость и наиболее несовместимого; 2/ в эстетическо-визуальном плане „рисует” на глазах у реципиента свои необычайные, неожиданные, причудливые симбиозы. Его изобразительная мощь делает его сверх-коммуникативным и „сверх-красивым”, но это уже другого типа красивое, не то, что противостоит возвышенному и занимает более низкую ступень в иерархии человеческих перцептивно-ментальных состояний, а эстетически возвышенное не-красивое, которое приобретает специфическое очарование и превращается в трансцендентное. Кант также считает, что возвышенное имеет решающее значение для гротеска. Подобно представлению о гротеске и Георга Гегеля, несмотря на то, что он использует другие определения. С его точки зрения, он является одновременно символическим и романтическим искусством. Символическое искусство представляет духовную сферу в „искаженных” формах, т.е. выделяет „сверхестественное” посредством „неестественного”. Для обозначения гротеска Гегель использует понятие „фантастическая символика”.

Виктор Гюго, подобно Канту, пишет о необходимости гротесковых сочетаний возвышенного и смешного, и считает, что без гротеска возвышенное и красивое были бы несовершенными. В психологическом аспекте гротеск – это плод нашего штурмуемого воображения, которое ассоциативно фокусирует гетерогенные элементы, нуждающиеся в интеграции, чтобы начать функционировать как новая целость. Адресат вызван (и призван) принять вновь созданную реальность как существующую и ассоциировать ее с возможными коммуникативными конвергенциями даже диаметрально противоположных как народопсихология культур. Архаический „субстрат”, первичность гротесковых источников, засвидетельствованных гротесково-демоническими образами в сновидениях, в искусстве, в мифологии примитивных народов, в видениях душевнобольных, представляет первооснову и эталон коммуникативного „стечения” культур и „достижения взаимного понимания” между ними. Смех в гротесковой зоне тоже является спланивающим центром. Он есть претерпевший сублимацию посредством эстетического страх, а гротеск, как вместилище и обеих психических реакций, иллюстрирует наиболее ярко связь между эстетикой и комикой. Точка пересечения демонического страха и комической тенденции находится в глубине человеческой психики и становится источником эстетически деформированных изображений. *Прогрессивный* (отвергающий каждую бессмыслицу и ищущий логичную связь между вещами) и *регрессивный* (наслаждающийся оксюморонными сочетаниями) аспекты нашей психики – основные понятия в психологии Карла Густава Юнга – это ключевой ориентир в коммуникативной стратегии для примирения и понимания между культурами, составляющими пеструю палитру „другостей”. Упомянутые два аспекта не противоречат друг другу, а взаимно обогащают друг друга: регрессивный „поток” не отвергает логику прогрессивного, а как бы дополняет ее, „заряжает” и доводит с помощью своей собственной метафизической сверхлогики – автоконцептуальной логики Абсолюта, которая не каждому доступна и не для каждого уловима, но которую возможно развивать и освершенствовать в каждом. Прогрессивный аспект – вторично объективированная мысленная деятельность субъекта, которая воспринимается как объективная данность (естество) вещей, а регрессивный „живописует” полотно метафорично-креативного превосходства общепринятого посредством индивидуальной способности субъекта к возвышенному и трансцендентному. Гротеск в максимальной степени отражает эту оплодотворяющую амбивалентность восхищения и „эстетикогенного” отвергания. Фундаментальные квалификанты психики: страх, смех и чувство эстетического (основные маркеры гротеска) являются и основными коммуникативными в потенциальной готовности (и в состоянии) проложить дорогу к единению „другостей”. Мария Янион убедительно сплавляет гротеск и возвышенное: „От созидательной связи между гротеском и возвышенным рождается современный дух, такой сложный, такой разнородный в своих формах, столь неисчерпаемый в своих творениях и столь противоположный монотонной простоте античного духа” [Янион 1984: 43, здесь и далее перев. мой – Д. Х.].

Другой взгляд на знакомое, проторенное и формализованное религиозное „усердие” мирян, маркированное их слепой, стадной преданностью к церковному канону (институционализированной „набожностью”) предлагает Витольд Гомбрович, создавая яркую гротесковую образность в романе „Порнография”. Своим „безбожным”, скандально-эксцентрическим поведением Фридерик бросает дерзкий коммуникативный вызов „праведной” толпе, обнажая механику ее стерильной, имитативной и „обредофильной” веры. Возвышенный и трансцендирующий атеизм героя более духовный, чем религиозная стереотипность массы, а его вселенская симбиотичность – словно приглашение к религиозному универсализму, пример коммуникативного созвучия всех религий, их объединения в единую над/религиозную платформу. Функционирующее как экспозитив в коммуникативной интеракции действие героя – „osunął się na kolana” („опуститься на колени”), пародийное и вместе с тем возвышающее: пародирует бессмысленную рутинность ритуала „богомольев” и возносит высоко благоговяющего перед Космическим таинством субъекта.

1 Больше о гротеске как эстетической категории и об оксюморе как его алгоритме см. в монографии Езыкът на комичното (Язык комического) [Хамзе 2016].

Гротескогенна резкая асимметрия между заклтым атеизмом героя и его смиренным опусканием на колени в церкви во время торжественной литургии, которое похоже на провокацию. Еще более вызывающей выглядит молитва в устах одного „безбожника”. Эта ситуативная гротесковская додекафония усиливается языковой гротесковостью эротической метафоры („i msza oklapła w strasznej impotencji... zwisająca... niezdołna już do zapłodnienia”) („и литургия замерла в страшной импотентности... повисшая... негодная уже к оплодотворению”), звучащей кощунственно в окружении высших сакральных символов. Этот, казалось бы, кричащий диссонанс между атеизмом и религиозностью символизирует совершенную гармонию между духовным пиететом героя перед делом Всевышнего и Космическим совершенством – источником пиетизма – как аттестат безошибочности Творения и глубокой (истинной) веры того, кто его оценивает и пульсирует с его ритмом. Эти ковибрации есть знак предощущенной трансценденции. В данном аспекте аккуратная обрядность становится карикатурой на веру. Сплошная негация нормативной и „нормированной” веры превращает неверу Фридерика в откровенное преклонение перед Сотворением архитектурного совершенства Универсума. Герой словно приобретает демиургические способности и посредством перформативной силы писательского слова его действия становятся магическими – Космос „спускается” к людям, приобретает „плоть и кровь”, а обыкновенная церковь становится частью Космической симфонии:

Jednakże Fryderyk [...] osunął się na kolana... i to nieco popsulo mi spokój, gdyż było może nieco przesadne... i trudno mi było nie pomyśleć, iż może osunął się na kolana po to, aby nie popelnić czegoś, co by nie było osunięciem się na kolana... [...] Ale Fryderyk! [...] „Modli się” wobec innych i wobec siebie, ale modlitwa jego była tylko parawanem, zasłaniającym bezmiary jego niemodlitwy... więc to był akt wyrzucający, „ekscentryczny”, który wyprowadzał z tego kościoła na zewnątrz, na obszar bezgraniczny zupełnej nie-wiary – w samym rdzeniu swoim zaprzeczający [...] Kościół przestał być kościołem. Wdarła się przestrzeń, ale przestrzeń już kosmiczna, czarna, i to nawet nie działa się już na ziemi, lecz raczej ziemia przeistoczyła się w planetę zawieszoną we wszechświecie, kosmos stał się obecny, to odbywało się w jakimś jego miejscu² (P, 1986: 16-18).

Гротеск является компаратогенной и консолидирующей „литературной” о-совмещенных бытийностей, генерирующих новый смысл на трансцендентном уровне. В эстетике ее сугестивная образность стимулирует зернышко консенсуса прорасти в коммуникативных подступах к Другости.

3.0. Ницшеанская воля, как коммуникативная воля субъекта

Недалеко от сферы возвышенного Ницшеанская воля к власти. Жизнь, как конечный „феномен” познания, который не поддается дальнейшему анализу, с точки зрения Фридриха Ницше, представляет специфическую волю к аккумуляции силы. Эта воля есть не только смысл и цель жизни, но и ее синоним. У нас есть основание толковать ее не как субъективный императив тиранического и уничтожительного властвования над остальными, а как волю к пониманию Другого. Если бы аккумуляция силы означало отказ от интеллектуального и духовного сближения культур, то это означало бы и отказ от самой силы, добровольное удаление в бессилие, причиненное двумя факторами: 1/ самоизоляции, вырождающейся в догматическое, иррациональное упрямство; 2/ изматывающей, перманентно выкачивающей силы конфронтацией, ведущей к угрожающей редукции человеческого потенциала. Благородный человек, как воплощенная воля власти, является в первую очередь духовным предводителем, а не политическим и социально-экономическим диктатором, „экзекутором”.

„Ницше считает, что воля к власти не имеет и не может иметь ничего общего со стремлением к власти в его чисто политических измерениях, с простым и так хорошо знакомым и античной, а и современной государственности, *властолюбием*, которое Ницше ненавидит в той же степени, в какой он привязан к воле к власти ко всеобщему жизненному творческому принципу” (Паси 2001: 163).

Власть – это неудержимый порыв к познанию, к всеобъемлемости и полноте существования; она есть экзистенциальный экстаз и опьянение самой жизнью; как и благословенное постоянство в поиске эстетического и нравственного познания. Воля к власти – метафора созидания.

„С точки зрения Ницше, в своей глубокой сути *воля к власти* тождественна с творческим, созидательным началом – воля к власти есть неисчерпаемая творческая, созидательная *воля к жизни*. Власть и жизнь не просто связаны, а неотделимы как две стороны монеты” [Паси 2001: 160].

И Ницше является „поклонником” возвышенного, в чьем пространстве располагает власть. Не случайно, кроме философа, он еще и экзальтированный филолог – ваятель речи, которая со всей своей пышной образностью „воспевает” эту духовно-эстетическую волю к власти – над нищими духом. Его Заратустра задуман как пророк-поэт или как поэт-пророк. По мнению Фридриха Шлегеля поэтизирующий философ и философствующий поэт являются пророками [по Паси 2001: 31].

Исаак Паси говорит, что Ницше „относится к языку, как музыкант, поэт и живописец, и *Так говорил Заратустра* является одновременно лирической исповедью, эпической округленностью и драматической напряженностью, сочетанными в *философской поэме*, избилующей притчами, аллегориями и метафорами, отличающейся ораторской приподнятостью и полной профетического пафоса и хлещущей назидательности. Здесь афористичная сентенциозность сочетается со строго ритмической прозой, инспирированной в одинаковой степени библейским синтаксисом и древнегреческой дифирамбой” [Паси 2001: 155]. Болгарский поэт Пенчо Славейков делает подобную констатацию: „Ритм, темп его речи, формы и краски, гармония звуков, сила жизни, оживототворение, в этих свойствах своего стиля Ницше добился недостижимой красоты и высоты. И никто не может быть более хорошим учителем, чем он, в области художественного стиля, и более опасным: это стиль темперамента, легко поробощающего тех, у кого нет своего” [по Паси 2001: 155–156]. Его философия-литература как огненно пульсирующая магма, как торжествующий взрыв, как ликующая симфония; порой похожа на молнию. Усовершенствование стиля, с точки зрения Ницше, прежде всего означает усовершенствование идей. „Каждое слово пережито глубоко и внутренне, сверхболезненно, от некоторых слов как бы капает кровь” (*Ессе Ното*, по Паси 2001: 40).

Слова в творчестве Ницше имеют психическую предысторию, которая развивается в молчании; имеют они и следы – перенесшие много страданий и обессиленные, мы просто не выговариваем их.

2 Но Фридерик [...] опустил на колени... и это в какой-то мере нарушило мое спокойствие, потому что было слегка слишком, и мне было трудно не подумать, что, может, он опустил на колени лишь для того, чтобы не совершить чего-нибудь другого, отличающегося от опускания на колени... [...] Но что он вытворяет! [...] „Молится” только для виду, но молитва его служила всего лишь ширмой, прикрывающей необъятность его немолитвы... на самом деле это был непримиримый, «эксцентрический» акт, который выводил из церкви, в безграничную сферу сплошной не-веры – в корне своем отвергающий [...]. Церковь перестала быть церковью. И обрушилось пространство, но оно было уже космическим, черным пространством, и все это происходило уже не на земле, а скорее всего земля превратилась в повисшую во Вселенной планету, космос стал осязаемым, сцена разыгралась в какой-то части его [P, 1986: 16 – 18].

Для Ницше аристократизм не есть отрицание жизни, а утонченность, возвышенность и благородство духа, к которому относятся в одинаковой степени красота и достоинство, сила и энергия, предприимчивость и бесстрашие, воля и самоконтроль. Власть, как уничтожение (как репрессия и элиминация), была бы отрицанием жизни, причем не только чужих, но в конечном итоге и своей собственной. Можно говорить об уничтожении всего лишь устаревших и опасных мысленных моделей, закостенелых поведенческих и управленческих стереотипов. Одно из наиболее важных преимуществ субъекта, согласно позиции Ницше, это способность к оценке. Желание, оценка и творчество связываются в мощном триединстве, за которым проступает подлинная сущность человека, как существа создающего и самосоздающегося. Оценивать означает создавать, но перед этим нужно познать. Познание - это желание человека львиной воли, а само желание освобождает, потому что оно есть творчество. В познании ощущается наслаждение замыслом и творческим осуществлением субъективной воли. В коммуникативном континууме оценка приобретает до некоторой степени объективное измерение, именно благодаря познанию, предшествующему и сопутствующему ей, а также благодаря его распространению (пропагандированию), способствующему удачной реализации и эффективности коммуникативного обмена. Воля и жизнь, оценка и переоценка являются творчеством, и Заратустра любит тех, кто хочет творить, преодолевая себя, но так они гибнут, следовательно, в этом смысле оказывается, что созидание есть уничтожение. Оксюморон, как концептуальная модель, онтологическая матрица, познавательный алгоритм и формула ко-семантизации противоположностей, является и оптимальным средством перспективной коммуникации. Яркое предпознание Ницше оксюморонного художественного выражения делает его подчеркнуто коммуникативным и авангардным в современном плане. Вот что говорит Ис. Паси об оксюморонной пристрастности немецкого философа: «*Оксюморон* (буквально *остроумно-глупо*), пренебрегая нормальным, логичным, значимым, с точки зрения нормального, простого человека, на самом деле ищет таких оттенков того, что выглядит несовместимым, несочетаемым, которые добиваются одной высшей нормальности, одной более глубокой значимости» [Паси 2001: 167]. Именно в проповедях проповедующего пророка оксюморон находит благодатную почву. Заратустра - учитель, призывающий, советует своим ученикам отделиться от него, не верить ему, защищаться и даже стыдиться его, он, призывающий верить и следовать ему, внушает им не верить и не следовать ему. Чтобы они остались одни, чтобы отправились в путь одни, поверив уже в себя [по Паси 2001: 167]. Именно эту вдохновенную самостоятельность и индивидуальность мышления и действия - такую ценную для подлинной коммуникации - поощряет Ницше посредством своего Заратустры. В одноименном произведении философа число оксюморонов огромно. Сохраняя себя как лексическое целое - прилагательное-существительное, - они обнаруживают более глубокую связь между вещами, из которой выходят обогащенными, получившими новые оттенки, значения, смыслы: *хороший враг, сентиментальный лицемер, пурпурное горе, горестная мудрость, разумная слепота, умный глупец, смертельное счастье* и т.д. Ницше расширяет сферу классического оксюморона, возвышая его до сочетаемой несочетаемости моральных тезисов и антитезисов, от которых и те, и другие становятся еще более глубокими и вдеобъемлющими [по Паси: 2001: 167]. Тяга Ницше к оксюморонной *сильной слабости* субъекта напоминает призыв Витольда Гомбровича к полякам превратить свою слабость - комплекс геополитической, исторической и культурной периферийности, а также чувство цивилизационной неполноценности, - в силу - оригинальную и неустойчивую. Ницшеанский избранный (элитарный) субъект, предводитель, имеет символическую роль - он является символом свободного, раскрепощенного и универсального мышления, имеющего жизненно важное значение для безопасности и продвижения вперед межэтнической коммуникации. Очень неясно содержание нынешнего термина «индивидуализм». Его тиражируемая семантика связана с бегством от проблем общества, с безразличием и отсутствием эмпатии, с интересом единственно к собственному удобству, благополучию и удовольствию. В этом случае, оставаясь на уровне обыкновенного индивидуума, как части «стада», субъект отказывается от своей индивидуальности мыслящего существа. Этому «безмозглому индивидуализму» противопоставляется «мыслящий индивидуализм», следовательно, индивидуализм может обладать и позитивной коннотацией - его можно понимать и как индивидуальное, нестандартное мышление и спонтанный порыв к содействию, катализирующему межкультурную коммуникативную интеракцию.

Страх „чужого“, как возможного нарушения локальной целостности и эрозирования, даже распада установленного и стандартизированного знания, неоснователен, потому что встреча фрагментов различных видов знания всегда оплодотворяющая, жизнепринносящая и обогащающая. Здесь особой важностью обладает Ницшеанская идея фрагментарного интеллектуального продукта. Философ ищет более глубокие, онтологические основания преимуществ фрагментарного мышления вообще и своего предпочтения фрагментарного письма. Поэтому он отдает предпочтение обрывочному, незаконченному мышлению и поиску, вот почему его книги создают впечатление, что они незакончены и смонтированы, а не стройно и аккуратно составлены (если вытаскиваем отрывок из одной книги и вставим его в другую, от этого не пострадает целое) [По Паси 2001: 25-26].

„Наши наиболее возвышенные и наиболее смелые мысли - это характерные фрагменты *действительности*. Наше мышление той же субстанции, что и все остальное“ [По Паси 2001: 26].

Эта глубокая мысль бросает прочные рефлексии на восприятие и оценивание „другости“, выделяя свою собственную преобразовательную силу - она в состоянии менять эту действительность и превращать свою субъективность в „объективную“ данность. Ницше связывает фрагментарное с волей к власти: „Фрагментарное субстанционально. Философия не только может, но и должна быть несистематической, если хочет не отходить далеко от жизни человека, который тоже немного похож на систему. Она скорее всего есть воля к власти, хаос, случайное переплетение причин и следствий, при котором из всего может произойти все, так как у Диониса“ [по Паси 2001: 26]. Ницше - один из самых восторженных апостолов фрагмента как прозрения-озарения. Его фрагменты (афоризмы) - формы вечности. Кажущиеся частичность, беспорядок, эпизодичность и незаконченность фрагментарного, которое ищет свои элементы-дополнения, устремленного к одной вождельной универсальной целостности, являются как бы призывом к консолидированию народов и культур в гармонично-коммуникативном оркестре. В этой разбросанности, как замечает Ницше, есть что-то от художественного, эстетического, которое с давних пор воспринимали как порядок в беспорядке и беспорядок в порядке. „Дух богат и различен и он удовлетворяет свои различные потребности различными духовными образованиями“ [Паси 2001: 26]. Как Ницше убежден в том, что фрагмент обеспечивает победу того нового способа выражения, получающегося в результате слияния воедино поэта, мыслителя, философа и пророка, и ведет к слиянию науки, искусства и философии [Паси 2001: 30-31], подобным образом в человеческом сознании могут интегрироваться и взаимодействовать друг с другом ментальные

ансамбли (конструкции) множества „другостей”.

4.0. Познание о «другости» как зов о коммуникативном сотрудничестве между культурами в творчестве Илии Троянова

*Obecność moralności sprawia, że
przetwanie człowieka staje się przetrwaniem
człowieczeństwa w człowieku³.*
Zygmunt Bauman

*Omne Solum Forte Patria
За сильня всяко място е родина⁴.*
Илия Троянов

Для Ганса-Георга Гадамера усилие понимать Другого и быть понимаемым не имеет ничего общего с метафизикой – не идет речь о поддержании собственных оснований, ни о „копании” в слабых местах во взглядах партнера, а скорее всего об укреплении его позиции, чтобы она стала более понятной и более убедительной. Это начинание не столь трудное, как кажется на первый взгляд, поскольку опирается на основные понятийные процессы, которые, с точки зрения Риччи Крейпо, „являются универсалиями для человеческого вида, а специфические продукты этих процессов, различные для отдельных групп, могут символически быть выражены на любом другом языке” [Крейпо 2000: 200]. Познание другости начинается с „одинаковости”, с общей антропологической платформы, чтобы продолжить по различным маршрутам культурных специфик. В сфере коммуникации и дискурсивных практик есть немало объединительных фокусов. Речевые акты и/или жанры речи как типология одни и те же в различных культурах, но отличаются друг от друга по семантике и ситуативности. Как отмечает Анна Вежбицка, межкультурные исследования, связанные с ними, долгое время не могли развиваться из-за отсутствия семантического метаязыка, который был бы освобожден от влияния одной культурой и одного языка [Wierzbicka 1999: 228]. Общей территорией для понимания и сотрудничества между культурами является именно обстоятельство, что члены всех обществ обладают утвержденными способами коммуникации, которые они воспринимают как обособленные комплексы, характеризующиеся специальными речевыми правилами и невербальными практиками, и отличающиеся от других видов дискурса. Неучитывание этого факта может привести к неприемлемой гегемонии одной речевой культурой над другой: „Если мы посмотрим на репертуар неанглийских жанров речи сквозь призму английских общепринятых понятий, то пойдем на риск сделать искаженное, этноцентрическое описание” [Wierzbicka 1999: 229]. Важно помнить две вещи, на которых акцентирует польская исследовательница: 1. что общеизвестные названия актов и жанров речи зависят от соответствующей культуры и являются важной предпосылкой для понимания коммуникативных конвенций, характерных для данного общества, и 2. что для того, чтобы дойти до их источника и использовать его наиболее рационально, нужно провести внимательный семантический анализ названий и представить его результаты в независимом от данной культуры метаязыке. Подпитываемый универсальными простыми понятиями, он позволяет уловить и показать сходства и различия между различными речевыми актами. Придерживание универсальных семантических матриц и эмоциональных универсалий А. Вежбицкой, понятийных универсалий Р. Крейпо, дискурсивности и интертекстуальности как универсалий, обеспечивает прочную базу для узнавания другости.

Каждый дискурс – часть другого дискурса, т.е. „кусочек” интердискурсивного пространства, что означает, что *полемика* есть естественный элемент природы дискурса, а не что-нибудь чрезвычайное и антагонистическое в коммуникативном пространстве. Халина Грзмиль-Тылутки приводит мнение английского философа Карла Попера, который считает, что только дискуссия, в которой перекрещиваются различные взгляды, принадлежащие к различным парадигмам, может дать плоды, при условии, что диспутанты знают не только свою понятийную схему, но и схему своего оппонента [Grzmiel-Tylutki 2010: 191]. Полемика есть легитимация дискурса. Он конструируется именно в созидательном споре между парадигмами, которыми каждый хочет быть идентифицирован как „искатель” Истины, Добра, Красоты, часто релятивизированных узурпировавшими свое право над этими категориями интеллектуальными и философскими системами [по Grzmiel-Tylutki 2010: 192]. В сущности, условное „со-непонимание” („współ-niezrozumienie”) может оказаться очень плодотворным – оно может увеличить интерес к определенной культуре и дать мощный толчок культурной интерференции. В интернациональном плане моногlossия должна быть заменена полигlossией и должна быть введена (и разработана) новая научная дисциплина – *эмпатология*, которая имела бы решающее значение для мультиэтнического понимания и для избежания стигматизации идеологической реальности.

Дискурс как антропологическое занятие *par excellence* в состоянии не только очеловечить мир, но и спасти его. В этой перспективе слова Ханны Арендт, процитированные Зигмунтом Бауманом, весьма красноречивы: „Мир человеческий не потому, что его создают люди, он становится человеческим лишь потому, что в нем громко звучит и отдается эхом голос человека. Мир заслуживает этого определения, только когда становится предметом дискурса (...). Мы очеловечиваем то, что происходит в мире и в нас самих, единственно путем разговора, а, разговаривая, мы учимся быть людьми” [Bauman 2003: 300].

Частью дискурсивной ткани является и молчание как коммуникативная стратегия. Мы должны научиться уважать, ценить и понимать молчание Другого. Поскольку одни культуры „молчат” больше, чем другие, хорошо было бы усвоить „смыслопорождающее” и „этнолюбивое” молчание. В подобном духе и рассуждения Евы Славковой: „Давайте обратим внимание на тот факт, что западноевропейские общества представляют прежде всего вербальную культуру. Когда мы прекращаем говорить, нас охватывает раздражение. В восточных культурах тишина не воспринимается как угроза, а как уважение, проявляющееся в размышлении над словами Другого” [Sławkowa 2006: 56–57]. Молчание, в сущности, может быть универсальным средством коммуникации – оно есть ингерентный, имплицитный Речевой акт. Молчаливое взаимопонимание („взаимное согласие”) есть и языковое явление, потому что иллюстрирует нашу совместную ориентацию в мире, которая непрерывно созидает и поддерживает язык. Молчание – это что-то вроде „чужого” (великого, незнакомого и неконвенционального „чужого”) в собственном коммуникативном ареале и наряду с этим „свое” – в чужом ареале – гостеприимном, толерантном и великодушном.

Сама интертекстуальность – это интеграция „другостей”. Она также залог универсальной конвергенции между культу-

³ Мораль заставляет нас думать, что сохранение человека превращается в сохранение человеческого в человеке.

⁴ Для сильного любое место является родиной.

рами. Несомненно первостепенная заслуга в закладке основ и развитии теории интертекстуальности принадлежит Михаилу Бахтину с его теорией полифонического диалога. Важное уточнение относительно интертекстуальности делает Х. Гжмил-Тилутки: кроме бесспорного факта, что термин нееднозначен, его этимология имеет и более широкое измерение – как связь текста (или текстов) с окружающим миром, причем независимо от сознания автора рассматриваемого текста [Grzmil-Tylutki 2010: 277]. Польская исследовательница убедительно считает, что понятие интертекстуальности может разрастись в сторону современных техник репродукции культурных благ (и ценностей – зам. моя – Д. Х.) в перспективе т.наз. *эстетики повторения* [Grzmil-Tylutki 2010: 278]. Это наблюдение направляет наше внимание и на *традицию* как мост между культурами. Возвращение (реанимация и актуализация) собственной традиции не только дает нам возможность открыть или вспомнить о более ранних исторических связях нашей собственной культуры с другими культурами, как и переосмыслить эти связи, но и путем самого интеркультурного сравнения в диахронном и синхронном плане – пробудить специальное внимание к чужим культурам – к их прошлому (их традициям) и настоящему. Каждая культура – это и *метакультура* для остальных культур – главное, чтоб „метакомментарий” не был тенденциозным и злонамеренным, пронизанным эгоцентризмом, снобизмом и остракизмом, пропитанным всевозможными маниями: грандоманией, мегаломанией, „гегемонманией”. И в конечном итоге – стратегически уничтожительным. Потому что кровавая расправа – как „коммуникационный прием” – над невинными и равноценными человеческими жизнями не может быть ни „зародышем”, ни „плодом” межэтнического и межкультурного (и интердуховного) единения.

Такую калейдоскопическую интертекстуальность представляют собой литературные тексты немецко-болгарского писателя Или Троянова. Она разворачивается на нескольких уровнях: 1/ как и все писатели, он интерферирует различные литературные тексты, „переплавленные” в конкретном произведении; 2/ выходит навстречу литературной текстуальности с действительностью как „текст”; 3/ переплетает различные мысловые и концептуальные модели-„тексты” (возможно, и неосознанно): Зигмунта Баумана, Юлии Крыстевой, Цветана Тодорова, Ришарда Капушчинского, Славоя Жижека, Милана Кундеры и др.; 4/ интегрирует разнокультурные тексты друг с другом, а также и тексты „другости” с текстами собственной культуры; 5/ в своем же творчестве сочетает разножанровые тексты: романы, путевые записки или путевые заметки, философско-эстетическую и культурологическую эссеистику, художественно-социологические „трактаты”, репортажи, беллетризованные дневники, документально-артистическую прозу... Эта пестрая интертекстуальность сама по себе является яркой иллюстрацией вдохновенного сплочения „другостей”. Даже жизнь писателя есть живая картина (цикл картин) этого единения – открытая, мультикультурная и полидуховная автокреация, как „автотекстуальность”. Писатель родом из Болгарии, шестилетним ребенком он переезжает с родителями в Германию, где получает политическое убежище. Оттуда отправляется в Кению, где его отец работает инженером, и проводит 12 лет, в течение которых учится в школе, в Найроби. Позже живет несколько лет в Париже, на 5 лет поселяется и в Индия. Получает высшее юридическое образование в Мюнхене, где оканчивает и специальность „Этнология”. Пишет на немецком языке. Не перестает ездить, пешком исхаживает всю Танзанию, путешествует в течение 7 лет по следам сэра Ричарда Бёртона по Индии, Аравии, Африке и Северной Америке. Не задерживается долго на одном месте. Живет в Австрии, Германии, Южной Африке и в других точках мира.

В своих текстах Ил. Троянов словно воплотил и возвышенное Канта, и Ницшеанскую „волю к власти” исключительной личности, как познание и утверждение „другости”. Воплощенное субъективное „средоточие” этносов и культур представляет собой одна из наиболее эмблематических фигур 19-го века – сэр Ричард Франсис Бёртон, бесспорный прототип писателя. Он английский путешественник, исследователь, офицер, дипломат и шпион, философ и культуролог, антрополог, геолог, географ, переводчик. По духу он эрзетик, провокатор, эксцентрик и бунтарь, т.е. привлекательный герой романа, путевых записок или литературного портрета. Водимый страстью „коллекционировать” миры и перешагивать границы, англичанин объездил почти весь мир. Он искал истоки Нила и является первым европейцем, проникшим внутрь Восточной Африки. Он предпринял паломническую поездку в Мекку и вошел в запретный город Харар. Выучил почти 30 языков и написал около 60 книг. Помимо всего перечисленного, Р. Бёртон еще и современная личность, которая глубоко переживает, сомневается и задает вопросы. В романах „Собираетел миров” [Троянов 2007] и „Номад на четырех континентах” [Троянов 2008] Ил. Троянов с респектирующими психологической тонкостью и художественным мастерством воссоздает его ментальные странствования: его аккуратное, упорное до жертвоготовности изучение чужих философий, религий, языков и культур, поиск идентичности в „другости” и мостов к ее усвоению путем ее приобщения и „преодоления”, нередко ценою тяжелых личных потерь, терзаний и поражений. Его полная отдача благородной идее помирения и слияния культур, относительно которых он убежден, что они могут жить в симбиотическом пространстве духовно-религиозного универсализма, маркирована в любой момент его готовностью принести себя в жертву этой идее. Всем своим литературным творчеством, и в частности беллетризованной судьбой Р. Бёртона, Ил. Троянов доказывает исключительно ценное наблюдение Юджина Найды относительно человеческой способности адаптации к другим поведенческим образцам. Мы располагаем чем-то вроде устройства, с помощью которого переформулируем свой собственный опыт в категориях других концептуальных систем. Если захотим, мы можем отождествиться и с наиболее отдаленными от нас индивидуумами, поставить себя на их место, пережить их эмоции. Решающим значением обладают понимание ненужной демонизации культурных различий и осознание бесспорного наличия „общего знаменателя”, объединяющего народы и культуры, и это как раз биология, среда, наше участие в широко понимаемой культурно-цивилизационной традиции, наши эмпатические способности. Коммуникация, как всеобщая потребность, способ и форма существования, предлагает и способы взаимного понимания: „Вот почему идея столкновения культур бессмысленна. Культура – та часть человеческого опыта и самовыражения, которая не может согласоваться с банальностью полярного противопоставления” [Троянов, Хоскоте 2011: 120]. В своем общем произведении „Стечение. Путь ко всем культурам” Ил. Троянов и Ранджит Хоскоте как соавторы задаются грандиозной целью и ее блестяще реализуют: „В этой книге мы покажем, что стечение – это самая жизненная и динамичная энергия человеческой культуры. Для культуры стечение то, что гравитация для природы. Или, иными словами: без стечения нет культуры. Когда культура жива, она меняется посредством импульсов с близи и издалека и таким образом меняет свое направление. Культура есть вечный формопреобразователь. Лишь взаимодействуя с другим, одна культура может оставаться живой. Вот почему величайшие цивилизации построены на стечении” [Троянов, Хоскоте 2011: 13].

Сделанный обзор выбранной проблематики наводит на следующие выводы:

1. „Неовладеваемая другость” овладеваема посредством способности трансцендентного мышления, как интегративно-коммуникативной платформы.
2. Возвышенное, на которое способны все люди в мире, является наиболее надежным коммуникативным рычагом для ассимилирования и стимулирования „другости”.
3. Всеобщие („объективные”) моральные и психологические принципы обеспечивают сплавляющую платформу как субъективных дифференциаций духовно-культурных комплексов, так и объективированных разноэтнических моделей.
4. Прогрессивный и регрессивный аспекты человеческой психики являются главными рычагами в коммуникативных подступах к о-совмещению культур.

5. Благодаря своей трансцендирующей способности, гротеск есть одно из наиболее воздействующих и эффективных средств для плодотворной коммуникации между этносами, как встречи „другостей”.

6. Ницшеанская „воля к власти”, как духовное предводительство, оценочный императив и метафора созидания, имеет опознавательную функцию по отношению к „другости” и содействует ее приобщению.

7. „Мыслящий индивидуализм”, как антипод (контрапункт) безмозгло, инертного, апатичного и эгоцентристского «индивидуализма», восстает против антагонизации этносов и стимулирует коммуникативную интеракцию между культурами.

8. Предпочитаемый Ницше фрагментарный дискурс имеет свои глубокие основания в контексте поликультурного единения. Его кажущаяся разбросанность и эпизодичность есть отблеск прозрения-озарения и эстетически притягивает свои дополнения, чтобы достичь космической целостности – образца коммуникативной спайки между культурами.

9. Общие антропологические платформы: семантические матрицы, эмоциональные, понятийные, дискурсивные и интертекстуальные универсалии, речевые акты и способы коммуникации жалонируют познание „другости” и создают надежность в поиске взаимопонимания и мирного сожительства между культурами.

10. Сплочение между культурами возможно, если мы откажемся от коммуникации, как „собственного владения”, и „признаем” ее всеобщим достоянием; если будем относиться к ней с пиететом, если будем ее беречь и поддерживать как высшую ценность. Только стечение, как перманентное взаимодействие с Другим и как генератор человеческой культуры, поддерживает ее живой.

Эксерпированная литература:

1. Гомбрович 2001: Gombrowicz, W. Pomografia. – Kraków., Wydawnictwo Literackie, 2001; сокр. Р
2. Троянов 2006: Троянов, Илия. Събирачът на светове.- София., Сиела, 2006.
3. Троянов 2008: Троянов, Илия. Номад на четири континента. – София., Сиела, 2008.
4. Троянов, Хоскоте 2011: Троянов, Илия, Ранджит Хоскоте. Стичането. Пътят към всички култури. – София., Сиела, 2011

Литература:

1. Бауман 2003: Bauman, Zygmunt. Razem osobno. – Kraków., Wydawnictwo Literackie, 2003
2. Вежбицка 1999: Wierzbicka, A. Język – Umysł – Kultura. - Warszawa., PWN, 1999.
3. Гжмил-Тилутки 2010: Grzmil-Tylutki, Halina. Francuska teoria dyskursu. – Kraków., UNIVERSITAS, 2010.
4. Кант 1993: Кант, Им. Критика на способността за съждение. – София., БАН, 1993.
5. Крейпо 2000: Крейпо, Ричли Х. Културна антропология. – София., Лик, 2000.
6. Ницше: Ницше, Ф. Така каза Заратустра. - София
7. Паси 2001: Паси, И. Фридрих Ницше – философът и писателят. В: Ницше, Фридрих. Раждането на трагедията. Том 1. – София., Издателство „Захари Стоянов”, 2001, с. 9–227.
8. Славкова 2005: Sławkowa, E. Style konwersacyjne w perspektywie komunikacji międzykulturowej., POSTSCRIPTUM, 2005, 2 (50), 46–58.
9. Хамзе 2016: Хамзе, Д. Езикът на комичното. – София., ИК „Авлига”, 2016.
10. Янион 1984: Janion, M. Czas formy otwartej. – Warszawa., PWN, 1984.

УДК 811'11

ФРАКТАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДИСКУРСА: ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Таценко Н.В., доцент
Назаренко Е.В., преподаватель
Сумской государственной университет, Украина

Участники конференции,
Национального первенства по научной аналитике

Фрактальное измерение дискурса: лингвосинергетический аспект. В статье анализируются отдельные методологические наработки фрактальной теории, используемые в построении дискурса. В частности, основное внимание уделяется термину “фрактал” и, соответственно, пониманию того, как фрактальные структуры, используемые в теории хаоса и бифуркаций, могут составлять основу любого языка. Следовательно, цель этой статьи имеет два аспекта: а) согласовать сравнительно новое понятие – фрактал – с онтологическими и гносеологическими характеристиками дискурса; б) доказать, что дискурс может быть запрограммирован с помощью самоподобных моделей через процедуру отождествления рекурсивных смысловых компонентов. Показательно, что теория фракталов позволяет выявить закономерность в хаотической системе языка, являясь одновременно ограничивающим фактором и генерирующим инструментом. Фрактальная метафора актуализирует тот факт, что дискурсивная реальность подобна другим природным процессам и формам безотносительно к масштабам времени и пространства. Она дает методологическое основание для установления связи между фактами различных системных уровней дискурса, включая экстралингвальные.

Ключевые слова: дискурс, лингвосинергетика, рекурсивный смысловой компонент, самоподобная модель, фрактал.

Введение

Одним из самых перспективных междисциплинарных подходов, формирующих универсальную научную парадигму, является теория самоорганизации сложных систем или “синергетика”. Эта теория постепенно получила статус особого методологического направления, в рамках которого осуществляется конструктивный диалог представителей научного сообщества. Основные идеи и концепции синергетики подвергаются активному осмыслению и плодотворному использованию во многих сферах научных знаний (В.И. Аршинов, Т.И. Домброван, С.П. Курдюмов, С.М. Еникеева, Л.С. Пихтовникова, Д.С. Чернавский, P. van Geert, H.R. Maturana, P. Werth и др.).

Будучи широко востребованными в современном мире, принципы и методы синергетики постепенно вышли за пределы естественно-научных дисциплин, часто не используя присущие этим наукам сложные математические операции. Соответствующая специфическая терминология попадает в общенаучный язык, при этом значения многих понятий часто метафоризируются и упрощаются, подстраиваясь под нужды конкретной сферы человеческого знания. Для гуманитарных наук **актуальность** этой универсальной научной парадигмы состоит в том, что она исследует точки пересечения неживой и живой природы, интуитивных и рациональных аспектов познания.

Лингвисты не могли не заметить перспективность синергетики, обратив внимание на синергичность языка и речи, а также текста как неравновесно устойчивого состояния системы, зафиксированного в структуре. Продуктивно освоив учение о системности, учёные осуществили логический переход к развитию лингвосинергетики, которая синтезирует эмпирический и теоретический материал и результаты исследований в сферах структурно-функциональной, когнитивной, прагматической, социо- и этнолингвистик. Принимая во внимание сложность языковой природы – биологической, физической и социокультурной – доминантными стали кросс-дисциплинарные научные изыскания [Таценко 2016: 151].

Теоретические концепции хаоса, бифуркаций, самоподобия, рекурсии, диссипативных структур, аттракторов и фракталов обеспечили чрезвычайно эффективную интерпретативную основу для синергетических исследований в языкознании. К тому же, ученые-релятивисты утверждают, что дискурс не является линейным, это – динамический процесс, который конструирует, реконструирует, воспроизводит и преобразует общество [Chia 2000]. Всё это мотивирует современных лингвистов внедрять методологию с использованием фрактальных структур для анализа дискурса. В связи с этим, **целью** данной работы является раскрытие сущностных причин и взаимосвязей фрактальной теории построения дискурса. Достижение этой цели предполагает решение следующих **задач**: 1) согласовать сравнительно новое понятие – фрактал – с онтологическими и гносеологическими аспектами дискурса; 2) доказать, что дискурс может быть запрограммирован с помощью самоподобных моделей через процедуру идентификации рекурсивных семантических компонентов. **Объектом** данного исследования являются дискурсивные фракталы, а **предметом** – фрактальная парадигма семиотической динамики дискурса.

В статье используются следующие **методы**: тезаурусный анализ для раскрытия сущности фрактала в различных дефинициях; метод теоретического обобщения и классификации для репрезентации основ фрактальной теории построения дискурса; дискурсивный анализ для актуализации рекурсивной структуры смысловых элементов в англоязычном дискурсе; корреляционный анализ для сопоставления специфической терминологии из сфер синергетики и лингвистики.

Фракталы

Для создания общей картины мира и её узкодисциплинарных вариантов в последнее время часто используется фрактал как некое метафизическое образование. Фрактальному измерению универсума положили начало математические исследования. Известный математик Б. Мандельброт ввел термин “фрактал” для обозначения множества, размерность которого не совпадает с обычной [Mandelbrot 1982: 18-31]. Этот термин происходит от латинского прилагательного *fractus* и в переводе означает “состоящий из фрагментов”, а соответствующий латинский глагол *frangere* означает “разбивать, то есть создавать неправильные фрагменты” [Дворецкий 2000: 335]. Удачное определение фрактала предоставил Е. Федер, назвав его структурой, которая состоит из частей, в определённом смысле подобных целому [Feder 1988: 19]. Такая дефиниция представляет собой отход от чисто математического теоретического понятия фрактальных измерений и соответствующих характеристик детерминизма и предсказуемости, что дало ключ к созданию “фрактального метаязыка” в области гуманитарных наук.

Не зря в современной трансдисциплинарной научной парадигме фрактал занимает центральное место, представляя собой универсальную измерительную модель, которая постоянно развивается и создает самоподобные структуры с каждой точки своего развития (см. Рис. 1).

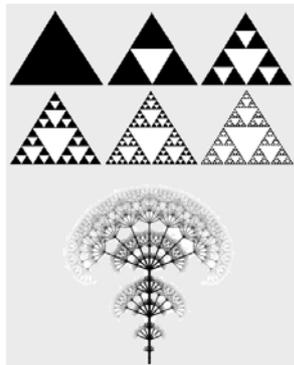

Рис. 1. Фрактальная структура

Простейшие формы фракталов обычно изображаются в форме дерева (см. Рис. 2). Сложные модели представляют собой спиралевидные, звездообразные фракталы и т.п. (см. Рис. 3).

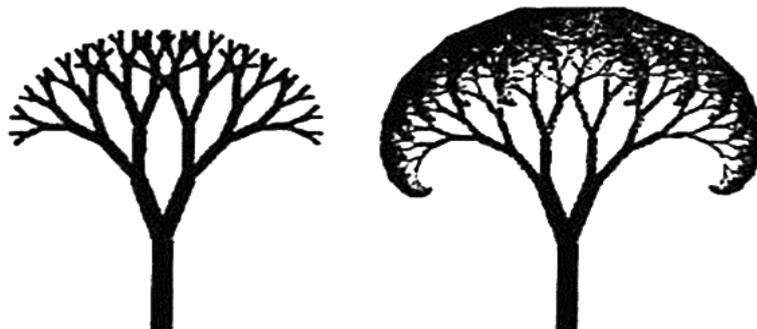

Рис. 2. Деревopodobные фракталы

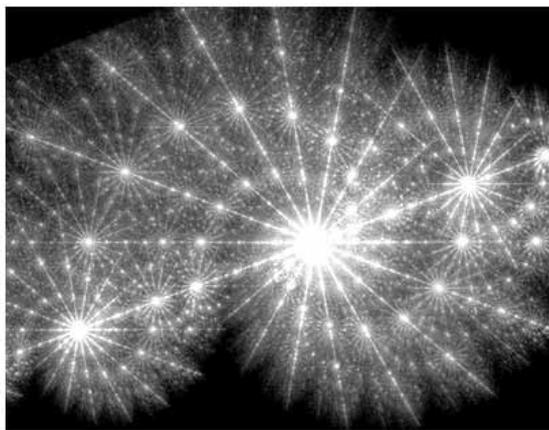

Рис. 3. Спиралевидные и звездообразные фракталы

Инвариантность (фундаментальное свойство геометрической регулярности) характеризует многие структуры материального мира. Она является особой формой симметрии, фрагменты целостности которой структурно подобные. На наш взгляд, фрактальная размерность дает чрезвычайно компактный способ описания объектов и процессов, будучи переходным квазиустойчивым состоянием системы, характеризующимся хаотичностью и нестабильностью, которая постепенно эволюционирует к устойчивому, упорядоченному целому. Такое сетевое образование существует среди подобных себе объектов и бесконечно повторяет себя на разных уровнях. Фрактальная система растет в соответствии с заданным алгоритмом развития, делится и снова растет. Эти процессы происходят, образуя совокупность систем, подсистем и надсистем, подобных друг другу.

Фрактальная размерность любой фигуры служит количественной характеристикой её важной особенности, а именно – заполнения пространства. Она является результатом моделирования, который позволяет с помощью ограниченного количества элементов судить о качестве всей совокупности частей в рамках наблюдаемого уровня сложности. При этом фракталы на любом уровне иерархии подчиняются одинаковым закономерностям независимо от масштабов времени и пространства. Также считается, что фрактальность является проявлением изоморфизма форм и структур системных объектов [Бронник 2009: 19; Снікеева 2011: 14].

Фрактальная идеализация в реальной жизни ограничена по техническим и другим причинам: мы не можем зафиксировать на бумаге или на экране бесконечное дробление фрактала и представляем этот процесс только мысленно. Природа создает деревья, корни только в виде ограниченной части фрактала. Также отмечается, что теоретически и практически фракталы могут быть не только плоскими, как узоры, но и многомерными [Пихтовникова 2015: 116-117]. Следует добавить, что фракталы базируются не на тождестве, а на приблизительном сходстве целого и частей в пространстве и времени, поэтому они являются весьма удобными инструментами для описания явлений, лишенных определенной регулярности и порядка.

То же самое касается и языка: какими бы “фрактальными” не были морфологические конструкции, их структура не измельчается дальше морфем. Язык представляет собой классический пример онтологически и эпистемологически сложного и нерегулярного феномена, для анализа которого полезным может быть именно фрактальное измерение. Подобно береговой линии Б. Мандельброта, понятие значения является комплексным, динамичным и дробным: “неуловимым знанием, что течет сквозь пальцы того, кто желает его осмыслить” [Mandelbrot 1982: 25]. В общем, фрактальные системы стремятся к бесконечности, и это свойство присуще дискурсу.

Дискурсивные фракталы

В языкознании теория фрактального измерения предлагает универсальную модель описания лингвистических явлений, причем моделирование используется для описания, объяснения, порождения высказывания, а также для анализа семиотики языка эмоций и формообразующих параметров художественного дискурса [Воробьева 2010; Домброван 2014; Снікеева 2011; Москальчук 2010; Пихтовникова 2015; Шамаева 2012]. Фрактальное моделирование позволяет анализировать и описывать языковые и речевые процессы, структуры нерегулярностей в дискурсе с высокой степенью наглядности. Опираясь на эту мысль, можно считать, что основы дискурса составляют идеи фрактальной геометрии.

К примеру, алфавит индоевропейских языков базируется на алфавите с определённым количеством букв, которые не имеют смысла, пока не соединены в слова. Геометрия Эвклида так же состоит лишь из нескольких элементов (прямая, окружность), из которых строятся сложные объекты, которые геометрически выражают определённый смысл. Аналогично также проводят с генеалогическим деревом мировых языков, где базовой точкой развития является праязык. При использовании такой модели обычно описываются “сочленения” в их синхроническом аспекте и каждый вектор развития в диахроническом аспекте. Отмечается, что введение параметра фрактальности отдельного знака и процесса семиозиса в целом становится возможным при объединении постулатов о триадической структуре знака и о представлении и восприятии знака по одновременному принципу сходства и различия [Белозерова URL; Юргенс URL].

Последовательность возникновения языковых уровней в процессе эволюции повторяется в онтогенезе. Данные эмпирических исследований доказывают, что ребенок начинает своё речевое развитие на стадии протоязыка, которая сочетает определённое количество звуков и жестов, возникающих случайно, а не происходящих от слов материнского языка [de Beaugrande 1997: 126]. Этот факт наводит на мысль о том, что в ходе онтогенеза в сознании всегда воспроизводится уменьшенная структурная копия или фрактал социально-культурного инварианта языка, причем повторение наблюдается в принципах, а варьирование касается отдельных случаев.

Самое очевидное проявление фрактальности в дискурсе – его структурное самоподобие. В языке как в абстрактной системе знаков, где каждая единица состоит из единиц низших уровней и является, в свою очередь, “строительным материалом” для единиц высшего уровня, межуровневые отношения единиц (фонем и морфем, морфем и слов, слов и словосочетаний) являются однотипными. Это касается и внутриуровневой дистрибуции: характер синтагматических отношений фонем повторяют морфемы, лексемы, фраземы и т.д. [Бондаренко 2007: 3]. Заметим, что такое самоподобие не является абсолютным и стопроцентным: воспроизводятся только усреднённые, статистические характеристики.

С фрактальной точки зрения также объясняют фазовый переход в языковой системе, рассматривая его на примерах “на-

низывания” придаточных предложений (в каждом придаточном предложении содержатся повторы и/или указательные и определяющие местоимения, что позволяет считать конструкцию самоподобной); использование глагольных времён (если расположить все формы выражения времени одного глагола по возрастанию сложности, то такая умозрительная шкала является фракталом); конкуренцию фракталов рифмы и метрических схем в стихотворных текстах [Пихтовникова 2015: 119-122].

Привлекая фрактальную геометрию к анализу системы словообразования, С. М. Еникеева подает ее как огромный “макрофрактал”, структурно подобный “микрофракталам” – комплексным микросистемам словообразования. В таком случае микрофракталы словообразовательных моделей, рядов, гнезд, алигатур являются относительно автономными стереоскопическими объектами, изоморфными по принципам строения каждого типа словообразовательных микросистем. Каждый элемент такой микросистемы имеет потенциальную способность порождать новые единицы, таким образом достраивая и развивая её [Еникеева 2011: 14-16]. Т. И. Домброван использует фрактальность для описания модели развития английского языка, которая охватывает несколько уровней: сложноподчиненные предложения, словообразование, построение словосочетаний. Считается, что в основе этого явления лежит единая субъектно-предикативная структура [Домброван 2014].

Некоторые учёные оперируют двумя взаимосвязанными понятиями: “фрактальность дискурса” и “дискурсивное пространство”. Дискурсивное пространство представляет собой определённую логическую среду, в которой сосуществуют дискурсы, при этом логическая среда – это абстрактная протяжённость, континуум. Она формируется по фрактальному принципу – самоподобия, итерации и рекурсии дискурсов-фракталов, заполняющих общее дискурсивное пространство. Наиболее устойчивые фрактальные системы характеризуются многомерностью и бесконечностью самоподобных дискурсов-фракталов [Плотникова 2011: 132]. На наш взгляд, такое разделение не является целесообразным, поскольку определённая логическая абстрактная протяжённость, континуум – это и есть дискурс, который имеет своё пространство, и правомернее говорить об иерархии дискурсов-фракталов и их типологизации.

Структурное самоподобие языка рассматривается также представителями когнитивного подхода в лингвистике: П. Верт, один из основоположников теории текстовых миров, утверждает, что концептуализация является фрактальной по своей структуре, а человеческий мозг напоминает фрактальный объект [Werth 1999: 337]. При развёртывании рече-ментальных структур в пространстве определённая топологическая конфигурация взаиморасположения их частей повторяется. В частности, с помощью фрактальной идеи исследователи пытаются ответить на вопрос о том, каким образом структурируется информационная система мышления, которая является основой языковых знаков различных уровней (от слова к тексту). С.А. Жаботинская предполагает, что свойствами фрактала обладает предметный базовый фрейм (НЕЧТО есть СКОЛЬКО (число); НЕЧТО есть ТАКОЕ (качество); НЕЧТО существует ТАК (способ бытия); НЕЧТО есть/существует ТАМ (место бытия); НЕЧТО есть/существует ТОГДА (время бытия)), а также комплексный паттерн, где предметный фрейм интегрируется с таксономическим и поссессивным фреймами [Жаботинская 2004].

Из приведённых исследований можно сделать вывод, что единство дискурса, а также иерархическая упорядоченность всех размещённых в нём подструктур обеспечивается телескопической организацией по принципу вложенности одних компонентов в другие, что позволяет сравнительно легко сворачивать дискурсивные структуры в ретракты разного объёма (слово, словосочетание, отдельное высказывание). Любой дискурсивный акт включает в себя контур обратной связи, который привлекает адресата и в результате завершает круговорот информации в когнитивном пространстве адресанта. Смысл отдельного предложения может включать в себя смысл всего предыдущего текста (обобщать его), или содержать в себе схему будущего развития сюжета (предвидеть его). Иначе говоря, в основе всей дискурсивной конструкции лежит процедура фрактальной рекурсии.

Рекурсия является способом организации сложной системы дискурса, при котором выделяется определённый набор базовых подсистем: система способна в процессе своего функционирования создавать неограниченное количество копий базовых систем, осуществлять взаимодействие между ними, и, если необходимо, уничтожать их. Функционирование сложной системы заключается в функционировании активных копий базовых подсистем (при запросе копий допускается её изменение, которое определяется ситуацией в момент запроса). С одной стороны, рекурсивная система за счет создания собственных копий получает возможность неограниченного роста и усложнения, с другой стороны, эта сложность имеет организованный вид, который определяется локальными правилами функционирования [Личутин 2006].

Заметим, что рекурсивное строение характеризуется смысловыми повторениями, для которых не характерно отсутствие информации, так как при этом меняется состояние мыслей адресата. Каждая новая интерпретация дает возможность привлечь практически неограниченное количество смысловых элементов, связанных с доминантным смыслом. При этом свойство самоподобия, обеспечивая выполнение закона единства в многообразии, порождает целостное восприятие дискурса:

John glanced warily at Chett, standing beside the door; his boils red and angry. “He could help you.” he said quickly. “He can do sums, and he knows how to read and write. I know Chett can’t read, and Clydas has weak eyes. Sam read every book in his father’s library. He’d be good with the ravens too. Animals seem to like him. Ghost took to him straight off. There’s a lot he could do, besides fighting. The Night’s Watch needs every man. Why kill one, to no end? Make use of him instead.” [Martin 2011: 436].

Поведение дискурсивной структуры может в определённые моменты значительно изменяться под влиянием асимметричного распределения смысловых флуктуаций и случайного совпадения направленности их движения. Изменение заданных параметров системы дискурса может приводить к возникновению новых структурных модификаций. Следует отметить, что структурные модели дискурсивной системы эволюционируют и изменяются на разных этапах по-разному. Такая фрактальная парадигма семиотической динамики дискурса предполагает, что финальное состояние дискурсивной системы зависит от бесконечных коммуникативных интеракций больше, чем от начальных условий и цели участников процесса общения.

Выводы

Показательно, что теория фракталов позволяет выявить закономерность в хаотической дискурсивной системе (дискурс является хаотической, стихийной системой, поскольку он не может быть полностью сформированным и заданным), являясь одновременно ограничивающим фактором и генерирующим инструментом. Чрезвычайное разнообразие состояний в любой языковой системе может быть сведено к определённым унифицированным моделям – фракталам-структурам и фракталам-процессам. Такая стратегия значительно упрощает процедуру научного познания в лингвистике. По меткому выражению Л. С. Пихтовниковой, принцип фрактальности в языке и речи играет роль калейдоскопа, превращая асимметрию в языковых явлениях в симметрию, и наоборот [Пихтовникова 2015: 124].

Можно утверждать, что дискурсивные фракталы наделяются рядом характеристик, которые позволяют включить их в ядро современной лингвосинергетической парадигмы. Такими характеристиками являются:

- сложность и динамичность;
- рекурсивность;
- голографичность (в каждой части свёрнута информация о целом, а целое обладает знанием о каждой своей части);
- наличие обратной связи;

- отсутствие необходимости во внешнем пространстве и локализация самодвижения в самом себе;
- принадлежность к категории единого при одновременной дробной размерности;
- возможность входа и выхода из любой точки;
- нерегулярность.

Таким образом, фрактальная теория является особым методологическим направлением, которое делает возможным программирование дискурса как сложной многоуровневой системы с помощью самоподобных моделей через процедуру отождествления рекурсивных смысловых компонентов. Однако фрактальный анализ не является процедурой логического упрощения, сжатия информации. Фрактальное измерение – это процедура описания различных по сложности дискурсивных аспектов с помощью ряда достаточно простых моделей-метафор.

В развитии дискурса заложен эволюционный принцип единства и взаимосвязи всего сущего в его самодвижении от части к целому, от простого к сложному. Фрактальная метафора актуализирует тот факт, что дискурсивная реальность подобна другим естественным процессам и формам безотносительно к масштабам времени и пространства. Она оказывает методологическую возможность установить связь между фактами различных системных уровней дискурса, включая экстралингвальные. Ключевым является также мнение о том, что принцип фрактальности играет важную роль не только в построении дискурса, но и в вербализации концепта как основного теоретического конструкта лингвосинергетичних исследований. Анализ этого явления представляется нам **перспективой** дальнейших научных изысканий.

Литература:

1. Белозерова Н.Н. Можно ли поверить дискурс фракталом? Н.Н. Белозерова., Режим доступа: <http://frgf.utmn.ru /last/No16/text01.htm> (дата обращения 25.07.2016).
2. Бондаренко Е.В. Эволюция языковой системы в диахронии (лингво-синергетический и лингвопрогностический аспект): автореф. дис. ... докт. филол. наук: спец. 10.02.19., Елена Валентиновна Бондаренко. – Белгород, 2007. – 39 с.
3. Бронник Л.В. О фрактальном самоподобии в языке., Л.В. Бронник., Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филол. науки. – 2009., № 10 (44), С. 15–19.
4. Воробьёва О.П. Словесная голография в пейзажном дискурсе Вирджинии Вулф: модусы, фракталы, фузии., О.П. Воробьёва., Когнитивия, Коммуникация, Дискурс. – 2010., № 1., С. 47–74.
5. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь., И.Х. Дворецкий. – М., Рус. яз., 2000. – 846 с.
6. Домброван Т.И. Синергетическая модель развития английского языка: монография., Т.И. Домброван. – Одесса., КП ОГТ, 2014. – 400 с.
7. Єнікєєва С.М. Система словотвору сучасної англійської мови: синергетичний аспект (на матеріалі новоутворень кінця ХХ – початку ХХІ століть): автореф. дис. ... докт. філол. наук : спец. 10.02.04., Санія Маратівна Єнікєєва. – К., Київ. нац. лінгв. ун-т., 2011. – 32 с.
8. Жаботинская С.А. Геометрия смысла: концептуальные модели языка и фрактальные формы., С.А. Жаботинская., Первая российская конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов. – Казань., Казанский гос. ун-т, 2004., С. 85–87.
9. Личутин А.В. Онтология рекурсивных структур: дис. ... канд. филол. наук: 09.00.01., Артём Вячеславович Личутин. – Архангельск, 2006. – 207 с.
10. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс., Г.Г. Москальчук. – М., Едиториал УРСС, 2010. – 296 с.
11. Пихтовникова Л.С. Синергетика в филологических исследованиях: монография., Т.И. Домброван, С.М. Енікєєва, Л.С. Пихтовникова и др.; под общ. ред. проф. Л.С. Пихтовниковой. – Х., ХНУ имени В.Н. Каразина, 2015. – 339 с.
12. Плотникова С. Н. Фрактальность дискурса как новое лингвистическое понятие., С.Н. Плотникова., Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011., № 3 (15), С. 126–135.
13. Таценко Н.В. Синергетика як методологічна основа сучасних філологічних досліджень., Н. В. Таценко., Філологічні трактати. – Том 8, № 2. – Суми., СумДУ, 2016., С. 151–159.
14. Шамаева Ю.Ю. Фрактальная семиотика языка эмоций: лингвокогнитивное измерение., Ю.Ю. Шамаева., Вісник ХНУ. – № 1003., 2012., С. 45–52.
15. Юргенс Х. Язык фракталов [Электронный ресурс], Х. Юргенс, Х.О. Пайтген, Д. Заупе., Режим доступа: <http://www.ega-math.narod.ru/Nquant/Fractals.htm> (дата обращения 12.01.2015).
16. Chia R. Discourse analysis as organizational analysis., R. Chia., Organization. – 2000., No. 7 (3), pp. 513–518.
17. de Beaugrande R. New foundations for a science of text and discourse: cognition, communication, and the freedom of access to knowledge and society., R. de Beaugrande. – Norwood, NJ., Ablex, 1997. – 670 p.
18. Feder J. Fractals., J. Feder. – New York., Plenum Press, 1988. – 256 p.
19. Mandelbrot B.V. The fractal geometry of nature., B.V. Mandelbrot. – San Francisco., W.H. Freeman and Co., 1982. – 468 p.
20. Martin R.R. George. A game of thrones. – Harper Voyager, 2011. – 801 p.
21. Werth P. Text worlds: representing conceptual space in discourse., Paul Werth. – London., Longman, 1999. – 390 p.

УДК 82-94:001.85

ПОЕТИКА СЮЖЕТУ І КОМПОЗИЦІЇ РОМАНУ «ЧОРНИЙ ВОРОН» В. ШКЛЯРА

Пономаренко В.В., аспірант
 Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова, Україна

Учасник конференції,
 Національної першості з наукової аналітики

У статті проаналізовано домінуючі риси поетики сюжетно-композиційного каркасу історичного роману В. Шкляра «Чорний Ворон». Розглядаються особливості художнього історизму автора, висвітлюється специфіка прочитання історичних подій початку ХХ століття, аналізується моделювання художньої та історичної правди у творі.

Ключові слова: історичний роман, поетика, сюжет, українська ідентичність, художній домисел.

The poetics dominant features of the plot-composite frame of the historical novel by V. Shklyar «Raven» were analyzed in the article. The features of the artistic historicism are considered, the reading specificity of the historical events of the beginning of XX century is discussed, the modeling of the historical and artistic truth in the novel is analyzed.

Keywords: historical novel, poetics, plot, Ukrainian identity, artistic speculation.

Творча постать В. Шкляра у контексті дослідження сучасної української літератури (жанру історичного роману зокрема) вирізняється самобутніми рисами, оскільки корелює із неординарним типом осмислення української ідентичності. Своєрідна компенсаторна функція історичної романістики письменника (романи «Чорний Ворон», «Маруся») реалізується в звертанні до маловивчених сторінок української історії.

«Не задовольняючись повторенням даних історичної науки, а осягаючи спільний із нею матеріал за законами художньої трансформації дійсності, історичний роман створює художній світ, який не можна регламентувати в панорамності, не можна обмежити в часі, у кількості персонажів і сюжетних ходів, переплетень та в поетапному, описовому характеротворенні» [5; с. 145]. Тому поетична складова сюжетно-композиційної парадигми роману В. Шкляра «Чорний Ворон» є, перш за все, відображенням авторської інтенційності у плані реанімації національної свідомості, єдинонаціональних прагнень, патріотизму та жертвності. «Чорний Ворон», фактично, реабілітує національну свідомість Центральної України. Рівень такої самосвідомості, на думку автора твору, до 1933-го був вищий, ніж на Заході» [8; с. 308].

Останнім часом простежується кількісне зростання досліджень, об'єктом для яких виступає літературна спроба В. Шкляра відновити національну пам'ять про визвольні змагання українців у час більшовицької окупації [6]. Звертаються дослідники до аналізу висвітлення проблематики твору, специфіки відображення автором історичних подій [4]. Окрім того, представлено аналіз поетики роману «Чорний Ворон» у розрізі виявлення рис мікро- та макропоетики у творі [3]; розглянуто аспекти поетичного простору уяви, що пов'язані з анімалістичним образом птаха ворона [11]. Тому метою нашої розвідки є аналіз поетики сюжету та композиції роману «Чорний Ворон» крізь призму жанрово-стильового синкретизму історичного роману.

Історичною основою сюжетної структури роману «Чорний Ворон» виступають події українського повстанського руху, що зародився біля Мотронинського монастиря – у колісці гайдамаччини XVIII століття. Створений на прохання ігумені загін самооборони поступово перетворюється у полк, очільником якого обирають сільського вчителя Василя Чучупаку. Утворюється Холодноярська республіка із 15-тисячною армією та контролем над багатьма населеними пунктами. Про розквіт республіки, час національно-патріотичного піднесення вдало описано у книзі-спогаді холодноярського осаула Ю. Горліса-Горського «Холодний Яр» [1].

В. Шкляр акцентує увагу на тому, що його роман виходить за семантичні межі контексту спогадів учасників повстанського руху: «Річ у тім, що він (Ю. Горліс-Горський. – В. П.) завершує свою оповідь двадцятим роком, коли повстанство було в розквіті, підтримувалося селянством, люди несли партизанам харчі, віддавали своїх синів, коней, усе, що мали. А от уже після НЕПу селянин відвернувся від лісовиків, бо йому дали погосподарювати, поторгувати, пожити з масною кісткою. Я описав період, коли вже не було надії і віри на визволення – 22–24-ті роки. Була неймовірна змора: ліс, холод, ночівля на снігу...» [13; с. 1]. Таким чином, автор фокусує свій мистецький погляд на жертвній, безкомпромісній та відчайдушній боротьбі «залишенців» – тих, хто не прийняв після відходу за Збруч армії УНР нових трагічних реалій, звідси й етимологія другої назви роману В. Шкляра – «Залишенець».

Специфіка авторського прочитання сторінок української історії, трансформована у макро- та мікропроблематику роману, – це творення новітнього національно свідомого та ідентично відродженого міфу, що апелює до історичного досвіду часів козацьких звитяг. О. Пухонська у Шкляревій «спробі картографувати національну історичну пам'ять» виділяє три лейтмотиви роману: «епізоди жорстоких розправ», що відображають «травматичний характер ситуації, який заклад підвални суспільного несприйняття нової влади» [6; с. 203]; «загроза окупації, яка передбачає відсутність будь-якого права і можливості до не лише національного, а й індивідуального самовизначення» [6; с. 204]; «власне національна ідея – ідея незалежної України» [6; с. 205]. Зародженню ідеї національної самостійності та української державності В. Шкляр протиставляє жорстоку комуністичну складову із прерогативою загарбництва і нищення: «Оскаженілі, розбурхані вогнем і жіночим лементом, забродили кинулися одне поперед одного по коморах, льохах, келіях гребти все, що траплялося під руку, на ходу жлукнули солодке причасне вино, пускаючи по підборіддях червоні патьоки, набивали роти й кишені проскурками. Вони вдерлися до другої — Свято-Троїцької — монастирської церкви, де почали хапати й ховати за пазуху все, що блищало, — золочені хрести, трисвічники, срібні дискоси, дароносиці, чаші...» [12; с. 82-83].

Споконвічний вітаїстичний струмінь національної української ідентичності у романі трансформовано в холодноярський ренесанс козацтва та наскрізну ідею повстанської боротьби: «Воля України або смерть». І особливо символічно-сакрального змісту набуває у цьому контексті епізод віднайдення прапора як віднайдення екзистенційної істини: «Ворон розгорнув полотнину. На ній було вигптовувано срібною заполочню герб-тризуб у терновому вінку. І головний холодноярський девіз — **«Воля України або смерть»**. Із другого боку полотнища над тризубом у вінку яскравіло Тарасове пророцтво. Як заклик: **«І повіє новий огонь з Холодного Яру»**» [12; с. 334].

Осмислення національної ідентичності у романі закорінено і на рівні поетикальної структури. Художні засоби і прийоми (персоніфікація природи, національні символи – ворон, кінь, Святе Письмо, традиційні мотиви всезнання юридичних, боротьби добра зі злом тощо), які найповніше передають національно-патріотичний, навіть етносакральний колорит, реалізують художні шукання В. Шкляра та творять персонажів реально-містичними, непереможними, загадковими. Особливо це яскраво виражено у конструюванні жіночих характерів (Тини, Досі), при якому «нуртує» правічний струмінь жіночого начала.

В. Шкляр знаходить форму злиття власне художнього нарративу та документальних вкраплень. Дослідники відзначають поєднання у романі двох площин оповіді – художню (історія отаманів Веремія і Чорного Ворона) та документальну [7], [10], які існують у різних варіаціях: одночасно, в хронологічній послідовності, а інколи – випереджаючи одна одну чи по-вторюючись, адже після цитування документальної частини у романі подекуди іде дубльований виклад художньої версії подій. Таким же способом представлено у творі опис зовнішності персонажів «у порівнянні через фактуальне і фікціональне письмо» [11; с. 291].

Художня та документальна площини трансформуються у кілька сюжетних ліній: 1) боротьба холодноярських повстанців, їхній побут, військові перипетії та баталії; 2) доля отамана Чорного Ворона; 3) любовна лінія – кохання Тини і Чорного Ворона; 4) трагедія сім'ї отамана Веремія. Містична постать отамана Веремія (чи то живого, чи мертвого) епізодично з'являється в сюжетній структурі роману, ці події, накладені на епізоди твору, наснажують його, розгалужують подієвий ланцюг, а в ідейному плані – відсилають до експлікованій теми козацького характерництва.

Подієвий ланцюг у розрізі аналізу хронотопу роману набуває згущеної наповнюваності. Крижановська Н. вдало виділяє особливості хронотопного моделювання історичного роману «Чорний Ворон». Дослідниця звертає увагу на те, що часова

категорія хронотопу реалізується синхронно, інколи порушується зміною просторових вимірів. У романі введено документи, у яких датовано події, вказано місця і міста подій. Хронотоп одночасно реалізується і як історичний час, і як час, що виміряє людське життя. Категорії простору – національно-локальні. Творові притаманні окремі риси пригодницького роману (сюжет насичений подіями, динамічний, є атмосфера загадковості), тому хронотоп вирізняється згущеністю подій у часі і просторі [3; с. 2].

У твореному В. Шклярем національно-романтичному міфі чітко простежується лінія традицій «хімерної прози» 70-80 рр. із превалюючим елементом самобутнього етнографізму та «реалістичної містики» [10; с. 376]. В. Фесенко, досліджуючи питання «можливості викристалізації не концепту, а самої реалії: український народ є масою без національної ідеї чи народ, що має пам'ять» у романі «Чорний Ворон» зосереджує увагу на містичному образі пророка ворона як наратора-усезнавця. Живучи 270 років, «він був свідком тих подій, які визначили самість держави. Оповідач стоїть вище, бачить далі, знає більше, його екстрадигетичність є запорукою широті інформації щодо внутрішніх станів, знань і переконань персонажів, не проголошених вголос» [11; с. 291]. Особливості поетики постмодерністського твору, що дозволяють та культивують авторську взаємодію із текстом-як-світом, яка породжує численні ремінісценції, дозволяють творити авторську парадигму візії у тому ключі, який якнайкраще відображає основну ідею твору. Жанр історичного роману дещо обмежує таку постмодерністську взаємодію, втискає її у рамки традиційності.

Окрему увагу, на наш погляд, варто звернути і на головного героя роману – отамана Чорного Ворона. Р. Коваль, один із перших дослідників подій Холодноярської республіки, у своїй книзі «Чорний Ворон: п'ять біографій» розкриває особливості життєпису повстанських отаманів під псевдо Чорний Ворон – «Чи не найвідомішим отаманом Чорним Вороном став Микола Скляр (Шкляр) із Жовтих Вод – завдяки Юрієві Горлісу-Горському, який яскраво змалював його у своїх спогадах «Холодний Яр». Менше знають про Платона Петровича Черненка із Криворіжжя, Віктора Чекірду з Поділля, отамана Петренка з Радомишльського повіту, Івана Яковича Черногузька з Піщаного Броду та Івана Яковича Черноусова зі Шполянщини. А ще був Білоус, «простий козак» з Новоукраїнки. Його також називали отаманом Чорним Вороном. Узимку 1921-1922 рр. він діяв трійками та п'ятірками, а навесні зібрав свій загін загибів» [2; с. 8]. Зрозуміло, що образ отамана Чорного Ворона у романі є збірним: «Життєві факти, риси характеру різних повстанських отаманів зливалися – і виник збірний образ, але це по суті реальна постать» [13; с. 1].

Змодельований характер акумулює у собі найкращі риси, що були притаманні повстанцям – відвага, розсудливість, безкомпромісність, віра в ідею, вірність. «Люди з тотемом Ворона – серйозні, суворі, відособлені. Вони не люблять підкорятися і здатні струсити з себе будь-яку опіку і будь-який гніт. Вища харизма Ворона – це харизма пророка» [11; с. 292]. Беручи за основу історичну правду про отамана повстанського руху Чорного Ворона – Івана Яковича Черноусова – В. Шкляр художньо правдою врівноважує документальне і творить атмосферу містичної невмирущості отамана, забезпечуючи тим самим відкритий фінал роману: «Ворон поліз у проїму. Через два сажні свічка освітила печеру. Він розглянувся, подумав, сам собі кивнув головою: сюди не полізуть. Та обачність — понад усе. Дві гранати одна за одною покотились через проїму до льоху» [12; с. 378]. Синтез героїзму та романтизму в творенні образу головного персонажа та його лісових побратимів, поєднання рис неоромантичного та неореалістичного дискурсів, доповнення історичних фактів вдалими портретними характеристиками, особливостями мови персонажів та присутній символізм і міфологізм забезпечують симбіоз історичної та художньої правди.

Історичний роман – це твір, заснований на історичному сюжеті і відтворює в художній формі якусь епоху, де історична правда поєднується з правдою художньою, історичний факт – із художнім вимислом. На нашу думку, художня версія подій Холодноярської республіки від В. Шклара значно розширює діапазон уявлень про роки повстанської боротьби. Вводячи колоритних вигаданих персонажів, наснажуючи їхнє мовлення фразеологізмами, народнопоетичними вкрапленнями, обрамлюючи роман уривками української пісенної творчості, письменник реанімує «національну травму» забуття Холодноярської епопеї.

Вибудовуючи роман «Чорний Ворон» на засадах історичної достовірності, В. Шкляр вдало доповнює лінію історизму художнім моделюванням сюжетної канви, а також таких образів як Ходя, Вовкулака, Дося тощо. М. Слабошпицький дав високу оцінку зображеному персонажеві Ході: «Це один із найколотніших образів, на яких тримається роман. А твір, до речі, поліфонічний, написаний то на драматичній, то на ліричній, то на гумористичній ноті, це як симфонічний оркестр. З Ходою пов'язано найбільше гумористичних мотивів. Чого вартує сцена з чекісткою Цілею, де Ходя виявляє дуже колоритно-специфічне знання української мови, фольклору і ненормативної лексики» [13; с. 2].

Крижановська Н. зауважує, що макропоетика роману характеризується широкомасштабністю тематики і проблематики, переважанням історичної правди, художнього доміслю над художньою правдою і вимислом [3; с. 3], тому роман «Чорний Ворон» В. Шклара належить до художньо-історичного масиву української прози. У ньому художній домісел виходить на перший план, залишаючи позаду історичне тло. «Автор надає перевагу достовірності атмосфери часу, елементам побуту, психології персонажів» [8; с. 308]. Окремі фрагменти роману В. Шклара передані із точки зору головного персонажа, розкривають особливості просторово-часових співвідношень.

Отже, роман В. Шклара «Чорний Ворон» у сучасній постмодерністській українській літературі займає чільне місце у контексті нового прочитання історичних подій. Поєднання історичних реалій та художнього доміслю В. Шклара витворює епічне полотно боротьби холодноярських повстанців із більшовицькою навалою. Ключ до розуміння засадничих ідей, етнопсихологізму твору та центральних проблемно-тематичних вузлів роману – у національно-патріотичному підґрунті художнього мислення письменника. Поетика сюжетно-композиційного каркасу твору забезпечується використанням різноманітних прийомів, переплетінням сюжетних ліній, двоплановістю (двоплосчинністю оповіді) у межах фікційного світу та презентованої документальної течії; відтворенням наскрізно національно-локальних просторових характеристик, накладанням часових планів, їхнім паралельним транслюванням, а інколи – «випнутістю» наперед із скомпонованого подієвого ланцюга. Авторський суб'єктивізм та «реальна містичність» В. Шклара витворюють той єдиний белетристичний континуум, що в поетикальній структурі історичного роману накреслює тенденційність до переважання художнього доміслю над історичною правдою, змалюванням історичних подій початку ХХ століття у світлі героїчно-романтичної легенди.

Література:

1. Горліс-Горський Ю. Холодний Яр., Ю. Горліс-Горський. – Львів., Червона калина, 1992. – 284 с.
2. Коваль Р. Чорний ворон: п'ять біографій., Р. Коваль. – Київ, 2013. – 96 с.
3. Крижановская Н.В. Поэтика украинского исторического романа XXI века (на примере романа В. Шклара «Черный ворон») [Електронний ресурс]., Н.В. Крыжановская., Universum: Филология и искусствознание: электрон. научн. журн. – 2014., № 3 (5)., Режим доступу: <http://7universum.com/ru/philology/archve/item/1118>

4. Новиков А.О. Українська історія кризь призму творчості Василя Шкляра., А.О. Новиков., Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Одеса, 2016. – Сер. Філологія., № 21., С. 20-23.
5. Ляшов Н.М. Жанрові особливості історичного роману: історико-літературний дискурс., Н.М. Ляшов., Вісник Запорізького національного університету. – № 2., 2010., С. 307-312.
6. Пухонська О.Я. До витоків національної травми або «білі плями» «темної пам'яті» у романі Василя Шкляра «Залишенець. Чорний Ворон», О.Я. Пухонська., Синопис: текст, контекст, медіа. – 2016., № 3 (15), С. 200-207.
7. Романенко О.В. «Чорний Ворон» Василя Шкляра: між високою та масовою літературою? О.В. Романенко., Наукові праці. Наук.-метод. журнал. – Миколаїв., Вид-во МДГУ ім. П. Могили, 2010. – Вип. 128: Філологія. Літературознавство. – Т. 141., С. 85-89.
8. Стадніченко О. Роман Василя Шкляра «Чорний Ворон»: історична та художня правда., Ольга Стадніченко., Вісник Запорізького національного університету. – № 2., 2008., С. 142-146.
9. Старовойт Л.В. Художнє відображення українського національно-визвольного руху у романі В. Шкляра «Чорний Ворон», Л.В. Старовойт., Науковий вісник Миколаївського державного університету ім. В.О. Сухомлинського: Зб. наук. пр. – Миколаїв., МДУ, 2010. – Вип. 6., С. 91-96.
10. Ушневич С.Е. Осмислення національної ідентичності в романі «Залишенець. Чорний Ворон» Василя Шкляра., С.Е. Ушневич., Прикарпатський вісник НТШ. Слово. – 2015., № 2(30), С. 372-380.
11. Фесенко В. «Залишенець. Чорний Ворон»: до проблеми героїчної постури., В. Фесенко., Сучасні літературознавчі студії. Топос тварини як антропологічне дзеркало. – Київ, 2011., Вип. 8., С. 287-295.
12. Шкляр В.М. Залишенець. Чорний Ворон [Текст]., Василь Шкляр. – Харків., Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2010. – 384 с.
13. Шкляр В. Мій Чорний Ворон – це білий янгол волі. [Електронний ресурс]., Режим доступу: <http://www.vox.com.ua/data/osnovy/2010/02/08/vasyl-shklyar-mii-chorni-voron-tse-bilyi-yangol-voli.html>.

УДК 821.161.2.09

ЧОРНОБИЛЬСЬКА ТРАГЕДІЯ В ХУДОЖНІЙ РЕЦЕПЦІЇ «ТИХИХ ЛІРИКІВ»

Шарагіна О.В., наук. співробітник
Київський міжнародний університет, Україна

Учасник конференції

У статті розглянуто художнє моделювання чорнобильської тематики у віршах «тихих ліриків». Доведено, що у поетичній рецепції екологічної катастрофи, митці вдавалися до екзистенційних модусів самотності, болю, спустошеності та смерті, які відображали внутрішній стан ліричного героя. Зазначено, що особливого значення у віршах «негучних» митців набували концепти мовчання – *homo silentio* та тиші – *naturalis silentio*, які виражали відчуття безнадійного застою, зумовленого людським втручанням у світ природи.

Ключові слова: «тиха лірика», екзистенціалізм, мовчання – *homo silentio*, тиша – *naturalis silentio*, код

The article considers the imaginary modeling of Chornobyl theme in the verses of «quiet poets». It has been proved that in poetic comprehension of environmental catastrophe poets resorted to existential modes of solitude, pain, emptiness and death, which reflected the internal state of the lyrical hero. It is indicated that the concepts of silence – homo silentio and quiet – naturalis silentio, reflecting the feeling of hopeless stagnation caused by human intervention in the natural world acquired particular importance in the verses of «quiet poets».

Keywords: «quiet poets», existentialism, silence – «homo silentio», quiet – «naturalis silentio», code

Наприкінці 1960-х початку 1970-х років, внаслідок політичного пресингу та жорсткої цензури, значна кількість літературних митців, що розвивалася і творила поряд із гучним шістдесятництвом, сформувала поетичне річище «тихої лірики», яке урізноманітнювало художнє бачення ліричного тексту, зумовивши глибинне проникнення автора у власний мистецький простір. Замість возвеличення технологічного прогресу у творчості «негучних» поетів стало помітним звернення до традицій, що демонструвало ціннісні моральні орієнтації в народному досвіді та його духовних витоків. Принциповою ідеологічною позицією цього поетичного явища стало так зване «творче мовчання» – відповідь на стандартизацію культурних замовлень влади. У поезії «тихих ліриків» концепти безголосся набували колосального значення: вони позиціонували стійке громадянське протистояння культурної еліти, що зверталася насамперед до особистісного осмислення історії власного народу, відстоювання гуманістичних принципів, загальнолюдських ідеалів та цінностей.

Для того, аби найбільш доцільно донести до реципієнта власну мистецьку програму, «негучні» поети вдавалися до мовчання (*homo silentio*), яке виступало опозицією сполітизованій культурній догматиці та номінувалося внутрішнім станом самовдосконалення, а тиша (*naturalis silentio*) апелювала до навколишньої беззвучності в дуальній площині «страху-спокою». Варто зазначити, що концепти безголосся у кожному десятилітті вказаного періоду відзначалися семантичною неоднозначністю: у 60-ті роки ХХ століття вони номінували набридливий ідеологічний стан культурного середовища, у 70-ті презентували активну громадянську позицію митця та пошуки внутрішньої гармонії ліричного героя, а в 80-ті демонстрували апогей творчої досконалості «негучних» поетів.

Вселенський національний біль, який виник внаслідок екологічної катастрофи – ядерного вибуху в Чорнобилі, зумовив написання поезій, присвячених цій проблематиці, в рядках яких презентувався власне, українське буття – націо-екзистенціалізм. Криза суспільної свідомості і відчуття безнадійного застою в країні, доповнилися чорнобильською трагедією, що «у контексті катастрофічного фатуму, який нависає над Україною, нав'язуючи їй роль мовчазної, терплячої жертви» [1, с. 7], посилили увагу поетів до її художнього опису. Трагедія світового масштабу поглибила екзистенційний стан буття пересічного українця, провокуючи митців до рефлексій над власним існуванням у технократичному світі прогресивних ідей «щасливого» майбутнього та наслідків від перебування у ньому.

Метою роботи є дослідження чорнобильської проблематики та провідних екзистенційних модусів у поетичній творчості «тихої лірики», які, формуючи художньо-образну систему «негучних» поетів, відображали творчу індивідуальність представників вказаного феномену, їхню неоднозначність в культурному процесі 1960-80-х років.

Серед українських літературознавців дослідженням цього модерного ліричного явища займалися Н. Анісімова, Т. Головань, І. Дзюба, В. Дончик, О. Каленченко, Ю. Ковалів, Т. Кремінь, Л. Кулакевич, В. Моренець, Ю. Мендель, М. Павлишин, Б. Рубчак. До вивчення чорнобильської теми у поетичному тексті зверталися І. Гоцинець, Л. Залеська-Онишкевич, Г. Косарська, О. Мануйкін, А. Михайленко, Л. Онишкевич, В. Панченко, О. Пахльовська.

Багатогранність екзистенціалів людського буття на землі у творчості «тихих ліриків» зображувалася модусами самотності, страху, горя, смерті та розлуки, які апелювали до депресивних і больових почуттів у душі ліричного героя. Це свідчить про неперервність межових ситуацій у буттєвому вимірі національного існування, які відзначалися пошуками сенсу життя, морального вибору, духовного стоїцизму та свободою творчого самовираження. Варто зазначити, що поетичні тенденції у передачі напруженого емоційного світу ліричного героя, в якому домінували депресивні стани, супроводжувалися концептами мовчання – homo silentio та тиші – naturalis silentio, що стали маркерами непогодженості із фізичним існуванням в тогочасних суспільно-політичних умовах.

Чорнобильська катастрофа – одне із кризових явищ у технологічному прогресі другої половини ХХ століття, стала презентантом моральної деградації людства, яке під впливом космізму та індустріалізму втрачало особистісно-ціннісні орієнтири, обираючи основою людського існування абсолютний технократизм. Так, у поезії В. Коржа «Велика могила велике мовчання таїть» (1987) увага зацентована на трагічності людського буття, спричиненого масовою смертністю людей:

«мовчання хатам припадає до вікон...

Кобзар на сторожі

стойть над громами століть,

над віком недобрим,

над ядерним віком.

Коли до Чорнобиля виповз отруйний туман,

скажені вітри над полями промчали, –

скорботою степу озвалось велике мовчання» [4, с. 493]. Спостерігаємо нагромадження епітетів, які відзначаються негативним семантичним нагромадженням. Так синонімічні тропи «вік недобрим – ядерний вік» свідчать про негативне ставлення митця до технологічного прогресу, який завдав нищівних наслідків довкіллю. «Отруйний туман» посилює характеристику нещадної сили екологічної катастрофи, а «скажені вітри» влучно підкреслюють божевілья часу, коли відбувалася масова загибель значної частини людства. Мовчання – homo silentio стає повноправним художнім образом, символізуючи біль українського народу, зумовлений великою кількістю смертей, які виникли внаслідок згубного радіоактивного опромінення.

Важливу роль відіграє алюзія на «Розриту могилу» Т. Шевченка, адже аналогічно до поезії Кобзаря, могила символізує «плоди» нерозумного людського панування на власній землі. І якщо у першому вірші народне горе трапилося внаслідок несправедливого втручання загарбників та відсутності сильної керівної руки, то в останньому – могила символізує самовпевнене втручання людини у світ природи. Масштабне лихо, що супроводжується безслів'ям на загальнонаціональному рівні, трансформується у вимір людського буття, демонструючи руйнівні наслідки вибуху.

Жахливою видається загибель опроміненої тварини, що уособлює осередок руйнації у вірші того ж самого В. Коржа «Смерть коня» (1988):

«Більма ще зрячі – то очі коня,

вже не життя – очікування:

блимає привид смерті...

Чорнобильський кінь

мчить навмання

через пущирица смеркі...» [4, с. 460]. Спостерігаємо художню варіативність у змалюванні тварини, образ якої символізує згубну реальність у прояві екологічного лиха та водночас постає абстрактним явищем, яке відображає людське горе, що охопило українську землю. Автор намагається підштовхнути спільноту до усвідомлення наслідків екологічного лиха. Адже, саме «мова віршів про чорнобильські події, на думку І. Гоцинець, відбиває моральні й соціально-екологічні умови, що склалися в Україні після ядерної катастрофи» [2, с. 95]. Тому проблематика, яка зображена у художньому світі поезії, акцентує увагу на загальнонаціональній деградації, що зумовлювала загибель не лише природного довкілля, але й людської спільноти, погіршену вала стан майбутніх поколінь.

Тема ядерної катастрофи набуває актуальності у творчості С. Йовенко, зокрема в поезії «Акустика Прип'яті» (1987), де авторка називає Чорнобиль – «містом мовчання»:

«Прости мені, місто мовчання,

Місто ілюзій похованих!

Я віри тут читала супутникам,

Щоб почути

Серце т в о є...

Так в мертвого

Й нерв не здригається...

Так, над покійником шепчучи,

Власного голосу

Й спів самих

Не збагнемо,

Не впізнаєм...» [3, с. 470]. Простежуємо своєрідне голосіння ліричної героїні, яка усвідомлює причетність людини до цієї трагедії. Вона засуджує лицемірство, з яким винуватці біди висловлюють співчуття загиблими і закликає не повторювати цієї помилки в майбутньому. Рядки вірша супроводжуються градаційним наповненням дієслівних форм, влучно відображаючи те, що вже встигла накоїти людина і спонукають до дій, які хоча би частково могли б загладити її провини. Особлива увага фокусується на больових відчуттях людини, які виникають внаслідок глобальної самотності.

Подібна проблематика звучить в рядках вірша «У Чорнобилі вишні цвітуть»: екологічна трагедія постає фатальним відголосом необдуманих дій людини. Поетеса акцентує увагу на обездуховленій генерації вісімдесятих і надіється на правильні вчинки майбутніх поколінь, які житимуть у цілковитій гармонії із навколишнім середовищем:

«У Чорнобилі вишні цвітуть.

У Опачинах білється хата...

Хто вертає на хресну путь –

не боїться вмирати.

Розтинаються «за народ»

біофлюгери усюдисуді:

збирачі відзнак, нагород –

плід мутації таки невиспущий» [3, с. 85].

Релігійний образ хресної дороги символізує буття українського народу, його «нерозумних» дітей, які, зрозумівши наслідки руйнівного впливу технологічного процесу, прагнуть виправити власні помилки – стати світочами гідного існування на землі. Для цього поетеса вводить білий колір («вишні цвітуть», «білиться хата»), який уособлює надію на краще та підкреслює могутність природи, що з часом набирає сили та відроджується. Варто звернути увагу на авторський неологізм «біофлюгери усюдисущі» (поетеса зумисне використовує модерну термінологію, аби якнайточніше відобразити того дня) – це природний універсум – «збирач відзнак, нагород», який внаслідок екологічної біди став «плодом мутації».

У поезії «Ліс» П. Осадчук вважає територію Чорнобиля мертвою:

*«Ліс поруділий, ліс іржавий
В смертельній тиші занімів,
Як перші полчища держави,*

Що зупинили ворогів» [5, с. 103]. Зображення лісу у вигляді епітетів типу «поруділий», «іржавий» відзначається різнобарвною гамою, що презентується у вигляді червоно-рудоватого кольору, який асоціюється із кров'ю, та беззвучних модуляцій навколишнього середовища, що підкреслює масштаби трагедії. Особливого рецептивного навантаження набуває екзистенціаль болю, зумовлений рядом масштабних межових ситуацій: зокрема екологічною катастрофою, що в кінцевому результаті все ж таки спонукає людину до осмислення та аналізу власних дій.

У творчості Г. Світличної, а саме у вірші «Чорнобильські ліси», аналогічно до попередньої поезії П. Осадчука, ліси – опромінені території, постають примарами, де природа перед технологічним прогресом зазнає *fiasco*:

*«Тут же не ліси – тільки міні лісів.
Тільки згадки лісів в кімнаті блукають...
Опромінені горлечка їх слів "ів*

Не співають уже, не співають» [8, с. 53]. Ця моторошна картина нерозумного втручання людини в неосяжний універсум, відображає катастрофу, яка, сягнувши великих масштабів, забрала значну кількість живого на планеті. Зменшено-пестлива лексика «горлечко» підкреслює трагізм існування живої природи, зокрема слів'я – символічного голосу нації. В рядках поезії звучать заклики берегти навколишній світ та розумно володіти як технологічними, так і природними ресурсами тогодення.

Зауважимо, що концепти безголосся (мовчання – *homo silentio* та тиші – *naturalis silentio*) – герметичні маркери, відігравали значну роль в поезії «негучних» поетів, зокрема чорнобильській проблематиці. Завдяки художній інтерпретації тиші та мовчання «герметична поезія відмовляється від звукописання» [6, с. 532], і саме, «мовними засобами, – на думку Т. Пастуха, – така поезія <...> витворює образ мовчання; площину, у якій панує німування; оніміння, котре породжене захватом, відчуттям мовної безсилості, глибинним внутрішнім діалогом тощо» [7, с. 263] У нашому випадку людське безслів'я виникає внаслідок больових відчуттів, зумовлених нерозумним втручанням у навколишнє середовище. Художній герметизм, заснований на розгадуванні прихованих смислів, свідчить, що вірші «тихих ліриків» створювалися для суб'єктивного сприймання.

Багатогранність людського існування на землі у творчості «тихих ліриків» зображувалася модусами самотності, страху, горя та смерті, які виникали внаслідок екологічної катастрофи. Поетичні тенденції у передачі напруженого емоційного світу ліричного героя, в якому домінували депресивні стани, супроводжувалися концептами мовчання – *homo silentio* та тиші – *naturalis silentio*, що стали маркерами непогодженості із фізичним існуванням в тогочасних суспільно-політичних умовах та презентантами згубного втручання людини у природне довкілля.

Зображення ліричного героя відзначалося суб'єктивізмом та інтровертивністю, адже ідейно-естетична позиція митця, його реакція на суспільно-політичний стан та власні вчинки, що спричинили екологічну катастрофу, проявлялася аутокомунікативно – у внутрішньому діалозі із власним «Я», наслідок цього приходило своєрідне одкровення – душевний катарсис.

Література:

1. Бакула Б. Софія Майданська – поетка з букової країни., Богуслав Бакула., Зійшло мені сонце печалі. – К., Факт, 2007. – С. 4–14.
2. Горинець І. Словник чорнобильської поезії., І. Гоцинець., Культура слова. – 2011. – Вип. 74., С. 95–102.
3. Йовенко С. Любов і смерть: Вибрана лірика 1963-2010 рр., Світлана Йовенко. – К., Ярославів вал, 2010 – 720 с.
4. Корж В. Чиста сила: поезії., Віктор Корж. – К., Український письменник, 2010. – 590 с.
5. Осадчук П. Незрима стріла часу: Поезії., Петро Осадчук. – К., Дніпро, 1997. – 302 с.
6. Пастух Т. Герметична поезія та київська школа., Тарас Пастух., Парадигма. – 2008. – Вип. 3., С. 252–273.
7. Пастух Т.В. Київська школа поетів та її оточення (модерні стиліові течії української поезії 1960 – 1990-х років), Тарас Васильович Пастух. – Л., ЛНУ ім. І. Франка, 2010. – 698 с.
8. Світлична Г.П. Інші : поезії (зі старих зошитів), Галина Павлівна Світлична. – Дніпропетровськ., Пороги, 2003. – 77 с.

УДК 82-21

С ОЩУЩЕНИЕМ НЕОДОЛИМОГО ТРАГИЗМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ («ПАТЕТИЧЕСКАЯ СОНАТА»)

Атаманчук В.П., канд. филол. наук, доцент, руководитель центра огиенкознанства
Каменец-Подольский национальный университет им. И. Огиенко, Украина

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Каждый из нас живет в веках, потому что мы, прежде всего, — идеи.
Н.Г. Кулиш

Матеріал статті посвящен дослідженню жанрово-стилевих особливостей п'єси Н. Кулиша «Патетическа соната», котрє состоят в трагедийном освещении судеб конкретных персонажей, что проектируется на реальную историческую обстановку, и, есть отражением идеи неодолимого трагизма человеческого бытия.

Ключевые слова: патетика, жанр трагедии, трагедийность, идейный конфликт, человеческое существование.

The material of the article is devoted to the study of genre and style features of N. Kulish's play "Pathetic Sonata", which consists in the tragic coverage of the destinies of specific characters, that the real historical situation is projected, and it is a reflection of the idea of the irresistible tragedy of human existence.

Keywords: pathetic, the genre of tragedy, tragedy, ideological conflict, human existence.

Емкую оценку художественным качествам «Патетической сонаты» Н. Кулиша дал писатель Ф. Вольф, который в предисловии к немецкому изданию этого произведения в начале 30-х годов XX ст. называл его «шедевром» и подчеркивал, что «за формой. - это донныне наибольшее творение украинской драмы - можно сравнить в мировой литературе лишь с такими драматическими шедеврами, как «Фауст» и «Пэр Гюнт» [3].

Период написания «Патетической сонаты» есть порою формирования новой системы миропонимания в искусстве в виде модернизма, который в украинской литературе не воспринимался как целостное явление, а существовал в форме отдельных импульсов, характерных, в частности, и для творчества Н. Кулиша, которое выражается в изменении критериев отбора и толкования предмета художественного изображения. Общественная одномерность теряет доминирующую роль в искусстве, зато происходит объективация метафизического начала, которое становится мерой восприятия и оценки многомерной реальности или «существования современного мира в его сложности и разнообразии» [10, с. 45]. В «Патетической сонате» внешнее действие является воплощением и развитием идеологической линии действующих лиц, сознание человека становится источником конструирования реальности согласно сформированному миропониманию. Пьеса лишена однозначности: с одной стороны все персонажи включаются в действие из-за трагических обстоятельств (гражданская война), другой - каждый из них занимает позицию, которая уже и определяет ход дальнейших событий. Противостояние на идеологическом уровне усложняется идейным ослеплением главных героев, позиции которых взаимоисключают друг друга, превращая идейное противостояние в решающий фактор в определении судеб героев, потому «Патетическая соната» является подтверждением тезиса З. Митосек: «Драма XX века возмущает привычные модели выражения и контакта, обнажая стереотипные формы виденья мира, присущие языку и демаскируя их в строении действия, в поведении персонажей, в конечном итоге - в отбрасывании традиционной интриги» [9, с. 330].

Пьеса «Патетическая соната» принадлежит к жанру трагедии, которая подтверждая имеющийся непримиримый конфликт интересов между общественно-политическими силами большевиков, монархистов, борцов за национальную идею, которая приводящий к гражданской войне. О том, что это конфликт трагедийный, свидетельствует противостояние представителей каждого из лагерей через наличие комплекса идей, который отображает их виденье миропорядка, которые кардинально отличаются, потому происходит взаимоотрицание задействованных сил. На уровне отдельных личностей происходит противостояния Илька и Марины, что защищают противоположные идеалы класса и нации. То есть конфликт реализуется в сфере сознания, определяется моральными установками его участников. Их моральная позиция становится индикатором трагедийного решения судьбы каждого из них. Ответственность Илька и Марины за собственный выбор заключается в закономерности последствий воплощения их идей, которые есть первичными определяющими относительно действий. Характеризуя особенности жанра трагедии, Г. В. Ф. Гегель отмечает: «Моральная субстанция, будучи конкретным единством, является целостностью разных отношений и сил...» [1, с. 576]. Герои «Патетической сонаты» идею сочетания общечеловеческого и национального («моральную субстанцию», по определению Гегеля) раздробили ее на составные части, что в их интерпретации взаимоисключаются, поэтому действительность воспринимается как одномерная, что приводит к трагическому ослеплению.

Оба героя оказываются перед проблемой выбора между личным и общественным, что разрушает гармоничность их духовного мира. Сознательно предоставляя приоритет общественной борьбе они или полностью отрицают гуманистическое начало как способ воплощения мечтаний о любви и, вообще, как меру реализации человеческой личности (Илько), ибо оказываются в ситуациях противоречий (например, между идеей и любовью у Марины), которые не могут однозначно решить. Противостояние между этими действующими лицами не может нейтрализоваться еще и в силу их трагедийной противоречивости. Марина идет на компромисс с врагом своей идеи, берется за борьбу без поддержки народа, что уже свидетельствует о ее обреченности на поражение; Илько сам избирает путь преступлений, отрекаясь от своей национальной сущности. Результатом сложного переплетения судеб этих персонажей становится смерть Марины и моральная деградация Илька.

В «Патетической сонате» происходит борьба разных группировок за право определения судьбы украинского народа. Я. Голобородько считает, что «Образ Украины изображен драматургом в трагедийном ракурсе» [2, с. 143]. Подтверждением трагедийности обстоятельств является тот факт, что Украина оказывалась заложницей политических соревнований, при том, что интересы самой Украины защищали немногочисленные сторонники идеи ее самостоятельности, для остальных (большевиков и монархистов) Украина была лишь средством для воплощения своей программы (классового равенства или имперского всемогущества).

Н. Кулиш делает срез общества, показав расположение действующих лиц в доме Пероцкого, характеризует их социальные роли, что будут изменяться с развитием событий. Дом выступает в качестве твердыни власти - сначала монархической, когда его владельцем был Пероцкий, потом большевистской, когда его превратили в ревком, демонстрируя трагизм ситуации, состоящий в том, что при власти оказываются лишь враги украинской идеи.

Н. Кулиш специфически представил событийную сторону пьесы, охватив промежуток времени между двумя Пасхальными днями, указывая тем самым на закономерность воскресения. Однако это явление не соотносится ни с одним из действующих персонажей: «Погибает человеческая душа - без надежды на воскресенье» [4, с. 697]. Трагедийность главных героев в том, что ни Марина, ни Илько не переживают стадию прозрения: присвоив себе право на установление точки отсчета при оценке нравственности своих взглядов, они, соответственно, не задумывались над своими поступками с позиций их ошибочности или правильности.

В «Патетической сонате» представлена украинская идея в двух полярных проявлениях: восхищение славным прошлым Украины, попытки спроектировать его на время нынешнее, склонность к конформизму ради иллюзии самостоятельности государства (взгляды Ступай-Ступаненка); радикальное решение национальной проблемы с помощью оружия (взгляды Марины). Позиция Ступай-Ступаненка не могла повлиять на перераспределение сил в обществе в силу ее комичной пассивности, создающей лишь видимость деятельности. Слабость позиции Марины оказывалась в отсутствии тех сил, которые она могла бы реально использовать. То есть, трагизм украинской идеи в «Патетической сонате» в том, что с самого начала она не могла реализоваться. Самой могущественной оказывается группа большевиков - недостаточное осознание украинцами себя как народа, псевдогуманистические призывы стали причиной доминирования большевистской идеи, сторонником которой становится Илько Юга.

Образ Илька Юги [7; 8] является организующим началом пьесы, поскольку он опосредованно передает мысли и поступки всех персонажей в форме собственных воспоминаний. Товарищ Илька большевик Лука сразу зачисляет его в ряды «своих» за классовыми признаками - он бедный выходец из села, получающий образование самостоятельно. Тот факт, что он написал любимой уже сто тридцать писем и ни одного не отправил, свидетельствует с одной стороны о его нерешительности, с другой - это дает ему возможность жить своей мечтой, созданным идеалом, который он связывает с действительностью через музыку «Патетической сонаты» в исполнении Марины. Его захватывает предчувствие любви, невоплощенная еще возможность: «Возможно, еще и это порву, но пишу и буду писать». Любовь Илька к Марине не противоречит его концепции «вечной любви», поскольку свою земную любовь он не лишает качеств метафизичности. Поэтическое воображение Илька рисует ему картины даже не идеализированные, а сказочные: страна вечной любви, юноша на лошади, девушка, которая ожидающая возле окна, обращения к ветру и звездам. Понятие «вечной любви» Илько иллюстрирует примером Петрарки, из чего можно сделать вывод, что он имеет в виду очищенное, выкристаллизованное чувство, которое символизирует победу гуманистического начала.

Сначала Илько остается вне революционных событий в роли наблюдателя: «над миром полощется кровавый флаг борьбы» - дает он объективную оценку ситуации, однако не отрицает исторической необходимости такой борьбы: «Чтобы завтра взвился над нами флаг свободного труда». Хотя он верит в необходимость изменения социальной структуры общества («Только тогда, как Петраркой станет тот, кто сегодня бьет женщину, - наступит всемирная социальная весна» [8, с. 230]), но он склонен смотреть в корень проблемы, потому что признает, что эти изменения возможны лишь при условии переориентации личности; «только когда каждый постигнет необходимость изменений, возможны какие-то сдвиги в обществе» [13, с. 61]. Илько высказывается за эволюционное развитие общества, но его взгляды носят утопический характер, и в этом есть предпосылки для его будущего трагического ослепления: он не учитывал тот факт, что чудодейственное превращение на Петрарку маловероятно, поскольку человеческое сознание очень трудно радикально изменить, тем больше в масштабах всего мира, - таким образом он соединил свои гуманистические идеалы с социальными доктринами большевиков, не заметив, что большевиков менее всего интересовала отдельная личность. Такие идейные гибриды опасны тем, что внешняя форма идеи не воссоздает ее истинной сути. Трагедия Илька состоит в том, что он, сознательно сделав выбор в пользу большевизма, потеряет способность к объективной оценке.

Интуитивно он чувствовал, что революция обезличивает человека, делает его частью общественной силы, в которой ответственность за содеянное расплывается в массу, зато в любви человек должен самораскрыться, поделиться своими переживаниями. Он болезненно воспринимает встречу Марины с Андре Пероцким: идеал, не совпав с реальностью, претерпевает деформаций. Поскольку мечты, составлявшие сущность его духовности, обесценились, то в его взглядах на жизнь появился оттенок фатальности и ненадобности: «Так, Луко, все дороги в мире - это лишь орбиты: какой бы не пошел, все равно вернешься туда, откуда вышел - в яму...» [8, с. 248]. В данном случае представляя жизнь как замкнутый круговорот, Илько игнорировал ее смысловое наполнение, всплывал «вопрос об абсурдности существования» [5, с. 180].

Любовь Илька набирает более конкретных черт: если раньше он представлял собепросто девушку и юношу, то позже они индивидуализируются в лицах Марины и Илька, когда фантазия трансформируется в сон. Однако его любовь начинает отступать на второй план перед революционной обязанностью - во сне он отплывает на казачьей лодке с Мариной и осознает себя изменником из-за того, что покинул пост. Этот сон является своеобразной прелюдией, намеком на реальную измену при спасении Андре Пероцкого от большевиков. Даже во сне Илько и Марина появляются в первую очередь не как личности, а как носители идеи, о чем свидетельствует наличие желто-голубого и красного флагов.

В воображении Илька, тронутого музыкой «Патетической сонаты», возникают яркие образы, являющиеся ключом к пониманию будущего развития событий: Илько, Марина и Ступай-Ступаненко имеют какое-то духовное родство, воплощенное в виде корабля «Арго» («Мы плывем над жизнью на корабле «Арго»... [8, с. 236]), но цели в них разные: «каждый за своим золотым руно» [8, с. 236] (выделено нами. - В. А.). Это проектируется на развертывание гражданской войны: отсутствие единственной цели, приводит к тому, что герои оказываются в разных лагерях.

Когда Илько окончательно закрепляется в лагере большевиков, то свою страстность и способность полностью отдаваться своему увлечению он переносит на служение идее. Его оригинальные мысли о «вечной любви» уступают место трафаретным заявлениям: «Мир, Луко, будет наш!» [8, с. 263]. Поэтому закономерно, что Марина при встрече спрашивает Илька: «Отнеси к поэту, который писал мне письмо. Он еще живой?» [8, с. 274], ведь поэзия трудно согласуется с революционными событиями, а в того, кто сознательно бросается в революционный водоворот, остаются мало шансов не предать в себе поэта. Измена самого себя создает глубинную трагедию личности - человек лишает себя права на самоопределение путем воплощения своих потенций. Сохраняется иллюзия свободы выбора, которая не означает его правильности, что приводит к фатальным последствиям.

В своих глазах Илько будто прозревает: «Жил мечтами. Жил в прошлом. Теперь он хочет жить грядущим» [8, с. 275], в действительности он меняет угол зрения на проблему, вульгаризируя ее, ведь гуманистические идеалы, которых он фактически отрекается, важны всегда. Но в натуре Илька чувствуется противоречие: он будто оставляет свои мечты в прошлом, а в разговоре с Мариной сознается, что еще верит в Петрарку и «вечную любовь». Подобное противоречие и является очевидно причиной того, что, по словам М. Кудрявцева, «жесткие реалии бытия низводят поэта-романтика с «дороги любви» на «дорогу революции» [6, с. 5] - массовое сознание, а не собственное сердце, становится для него определяющим. В образе Илька постепенно углубляются черты трагедийности: общечеловеческие принципы, которые становятся настоящей ценностью как основу существования, он игнорирует, зато делает главной для себя большевистскую идею как ее деформированный вариант (моральные и материальные блага для каждого человека превращаются в приоритет лишь для класса избранных). Нетерпимость Илька к «классовому врагу», на которой эта идея базируется, является прямым путем к преступлениям, которые ни одна идея не может оправдать или качественно преобразовать.

В душе Илька происходит конфликт личного и общественного: его революционное рвение не способно заглушить любовь к Марине, более того, любовь берет верх, когда он идет на измену большевиков, спасая Андре Пероцкого за просьбой Марины. В этом поступке чувствуется инерция его предыдущего состояния - еще воспоминания о мечтах, от которых он то отказывается, то признает их, слишком яркие, он не может сразу выбросить целый кусок своей жизни. Илько постепенно подстраивается под большевистские каноны, они еще не стали единственным смыслом его жизни, поэтому осталась возможность такой измены.

Илько называет свою встречу с Лукой после набега кавалерии патетической. Он уже дошел до той стадии, когда идея заполняет сознание, вытесняя остальные моральные ценности. Он с восторгом воспринимает все, что с этой идеей ассоциируется, потому его охватывает радость, когда он видит большевика Луку. Илько, как он говорит, ходил за горизонт. Горизонт

воспринимается как иллюзорная завершенность, предел, намек на то, что из-за горизонта он вернулся другим человеком (раньше во сне за «черным горизонтом» его ожидала Марина, то есть это было символом несвершенной мечты, теперь означает полную переоценку своих позиций). Это «кружение по орбите» в противоположном значении: жизнь потеряла для него смысл из-за измены, самоубийство не очистит его, потому он жаждет наказания от «класса», которое придает смысл его существованию.

Как уже сформированный большевик, Илько Юга отождествляет все общество лишь с классом: «А наказанием будет то, что даст мне общество. Лука, все вы, класс» [11, с. 313] (выделено нами. - В. А.). У Илька формируется новая система ориентиров, и человеческая жизнь уже не является наивысшей ценностью: «Однако живых в землю не закапывают, - отжитых и мертвых» [8, с. 277]. Он уже не только «сортирует» людей по принципу классовой принадлежности, но и вообще отрицает право на существование тех, кто не принадлежит к их классу.

Илько идет в подвал к Марине удостовериться, что он смог окончательно порвать с прошлым, чтобы полностью посвятить себя служению идее: «Но надо, непременно надо, чтобы состоялся еще разговор человека в подвале со своей вчерашней мечтой, чтобы вернулся навсегда и пошел за вами и с вами твердым, безошибочным шагом...» [8, с. 315]. Илько испытывает необычную метаморфозу: из идеалиста-мечтателя превращается в «солдата революции». Подобное превращение приводит к трагедии личности: он осуществляет насилие над своей природой - приглашает свойственные ему черты, а классовому чувству отводит главную роль. Пример Илька свидетельствует о том, что искусственные большевистские идеи, исказили его духовный мир и стали причиной его ослепления. Он попал в идеологическую ловушку, не осознавая того: неопытному романтику, который проповедовал гуманизм, показалось, что большевистская доктрина является улучшенным вариантом его идей, ведь большевики якобы выступали за общечеловеческие ценности, которые, по мнению Ф. Ницше, «каждая революция только переводит в кровь и преступления» [11, с. 309], то есть стремление достичь всемирного добра (эфемерного по существу) путем преступлений представляло трагедию всех тех, кто искренне поверил в идею.

Трагедия Илька усугубляется тем, что измена самого себя, отказ от собственных идеалов приводит к отречению своей национальной сущности. Илько, будучи представителем интеллигенции, у которой должны были бы быть зародыши критического мышления, не просто усвоил большевистскую идеологию, но и отрицал национальную идею - Илько считает ее той преградой, которая мешала ему стать сознательным большевиком («моим палачом была национальная идея» [8, с. 321]). Массовость ослабляет или отключает механизмы регуляции, уменьшает ответственность за совершенное, что и становится основой для фанатизма, как это случается с Ильком. Идею он сделал единственной ценностью, избавившись тем самым от моральных ограничений, что в свою очередь дает ему основания думать, что он имеет право решать чью-то судьбу: «У меня ключ и от дверей, и от жизни» [8, с. 315]. На этот период истории, и, в частности, на образ Илька Юги, можно спроектировать слова Ф. Дюрренматта: «Нас погубит свобода, которую мы позволяем другим и позволяем себе» [3, с. 252]. Трагедийность образа Илька состоит в ошибочном понимании идеи, ради которой он абсолютизирует свободу собственных деяний, становясь ее заложником.

Через одухотворение, которое он чувствует после выстрела в Марину, Илько видит окно «как огненный флаг» [8, с. 322], что символизирует смертоносное пламя идеи, на котором он сжег свою душу. Стреляя в Марину, он уничтожает и лучшую часть своей души, тем самым лишая себя возможности прозрения - он «собственноручно расстреливает свою мечту, Любовь, Украину» [12, с. 7].

Эмоционально болезненная заостренность чувства Илька в сочетании с «всемирной» Патетической симфонией в финале указывает на агонию личности, которая в результате выхолащивания ее гуманистической сути, что, прежде всего, не позволяет зло отождествлять с добром, уже не способна к духовному обновлению и моральной очистке. Трагедийность положения Илька в том, что он сам сделал выбор, который приводит его к подобной развязке.

«Патетическая соната» по образной системе, за фатальностью ситуаций, за трагедийностью характеров, бесспорно, принадлежат к жанру «личностно-психологической трагедии». Она воспринимается как специфический носитель ощущения неодолимости трагизма человеческого бытия.

Література:

1. Гегель Г.В.Ф. Эстетика. – В 4-х т. – М., Искусство, 1971. – Т. 3. – 621 с.
2. Голобородько Я. «Патетична соната» України: художні версії Миколи Куліша., Вітчизна. – 1998., № 1-2., С. 143-147.
3. Куліш М.Г. Твори: В 2 т. – К., 1990. – Т.2.Історія української літератури ХХ століття. У 2 кн., Кн. 1: 1910-1930-ті роки., За ред. В.Г.Дончика. – К., Либідь, 1994. – 784 с.
4. Кореневич М. У пошуках «невмирущого «Я»., Українська мова й література в середніх школах, гімназіях, ліцеях та колегіумах. – 2001., № 3., С. 175-180.
5. Кудрявцев М. Драма Миколи Куліша «Патетична соната»: сучасне прочитання., Українська література в загальноосвітній школі. – 2004., № 7., С. 4-12.
6. КУЛІШ Микола Гурович [Електронний ресурс], Енциклопедія історії України: Т. 5., Кон – Кю., Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. - К., В-во "Наукова думка", 2008. - 568 с.: іл., Режим доступу: http://www.history.org.ua/?termin=Kulish_M_G (останній перегляд: 30.05.2017).
7. Куліш М. Вибрані твори. – Харків., Ранок. – 2003. – 397 с.
8. Мітосек З. Теорії літературних досліджень. – Сімферополь., Таврія, 2003. – 408 с.
9. Наливайко Д. Про співвідношення «декадансу», «модернізму», «авангардизму», Слово і час. – 1997., № 11-12., С. 44-48.
10. Ницше Ф. Антихрист., Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – Москва., Фолио. – 2003., С. 267-336.
11. Панченко В. Сандормох як розплата за утопізм. МиколаКуліш і ВолодимирВинниченко: трагедіяпіслялілзій., ЛітературнаУкраїна. – 1998. – 7 травня. – С. 7.
12. Шевчук О. До проблеми «суспільство і особистість» у творчості Миколи Куліша., Дивослово. – 1994., № 5-6., С. 60-62.

SKILLS OF THE STUDENTS OF THE 21ST CENTURY

L. Zaika, Senior Teacher
State Higher Educational Institution “National Mining University”, Ukraine

Conference participant

The article deals with the main points of education today. It is stressed that all integral parts of learning process such as knowledge, skills, personal qualities and meta-learning must be introduced. It is necessary to balance theoretical knowledge and understanding of skills which allow usage that knowledge in the real world. It is stressed that implementation of computer communications raises the level of requirements to the writing skills and technology of cooperation positively influences the development of thinking, motivates and stimulates students to cooperation.

Keywords: skills, personal qualities, competences, cooperation, knowledge, meta-learning, information communications technologies, innovative methods of teaching.

Modern technologies change future job positions and requirements to the skills of students. It is necessary to give our students such skills which will allow them to compete and prosper in that future which will inspire students to analyze, communicate, interact, and adapt. Today students need quite different knowledge, skills, and personal qualities of character. Today the main point of education is to help a personality to develop a reliable inner pivot and skills to find his/ her way in the complicated world. The main point of education today is in the development of creativity, critical thinking, communication and cooperation; in the urgency of knowledge, understanding and ability to use the potential of new technologies; in personal qualities, due to which students can self-realize and work to develop society. The universal students who are able to apply profound knowledge in the set of situations and experiences, obtaining new competences, building up relationships and undertaking new roles and responsibilities are greatly valued. They are able to continued adaptation, learning and development, to find their own place in the changing world. It is necessary to prepare students for the world in which they will have to interact with people from different cultures and be ready to consider and accept different ideas, perspectives and values; for the world in which people have to trust each other and cooperate despite the differences; for the world in which their life will be influenced with the issues breaking out the frames of the national borders. In our century we need competences and special space where students will be able to make decisions themselves about what to study in their own context and for their own future. We need to enrich our teaching methods with constructors which will teach them to think, study, synthesize information and think critically. It is necessary to introduce all integral parts of education process: knowledge, skills, personal qualities, and meta-learning. It is necessary to balance theoretical knowledge and understanding of skills which allow usage that knowledge in the real world; personal qualities which create motivation, resilience, and social intellect; and strategies of meta-learning as well, which help students to become profound, self-dependent, and professional. Meta-learning (learning how to learn is the internal processes, the way we understand and adapt to learning. It is necessary to include 3 strategies of meta-learning into such blocks of learning as knowledge, skills, and personal qualities.

Internet and information communications technologies became an integral part of all spheres of people activities. Information communications technologies are technologies of information processing. Connection of terms “communication” and “information” stresses the double character of the technology – information content (information environment) and communicative abilities (means of communication). The term information communications means the system of methods and ways of input, processing, storage, output, search, and transfer information in computer networks. Traditionally they are divided into technologies of synchronous (on-line) and asynchronous (off-line) communication (e-mail, teleconferences). Those technologies provide both interpersonal and one-side communication; interactive mode of work with the training aids; dialogues of the studies which is carried out in special information communications environment (the closest environment of students and other participants of the education with the use of computer and communications technologies which provides favorable conditions of students’ activities to reach the aims of education). Implementation of computer communications raises the level of requirements to the writing skills, foresees the abilities to use information resources of computer technologies. The main communicative opportunities of computer communications include the following: a) multimedia connection which combines voice, video, and text which are transferred along one physical line of connection; b) hyper-systems which stimulate an inner dialogue of the user, showing ways of thinking, helping to compare different points of view, facilitating self-dependent thinking, estimating points of view, and individual decisions; c) telecommunication technologies which are based on communication, free exchange of ideas and information of the participants of the joint project. The information systems of supporting interpersonal communication include the following: a) interactive personal letters (chat); b) postponed personal letters (e-mail); c) collective interactive letters; d) postponed collective letters (forums). Application of information technologies during learning foreign languages determines the intensity of the dialogue, that is, if information exchange is carried out with the help of e-mail, the dialogue is slowed down as it is carried out in the written form. High level of intensity of the dialogue is reached with the help of computer conferences, in the process of which teachers and students answer the questions of others and everyone takes place in a dialogue, enriching it with new information.

Communication is information exchange, supposing joint work, which can be effective way of learning communications skills, their evaluation and getting the necessary feedback for their development. The other method of developing communicative skills is mutual learning in the frameworks of which students consult with each other.

According to the technology of cooperation students are united into the groups of 3-4 persons and get one and the same task. While carrying out the task, students face the problem of enriching knowledge, vocabulary or communicative skills, so they make more active work and during the process of communication they try to solve the tasks. That process positively influences the development of thinking, motivates and stimulates students’ cooperation. That is why all the tasks must have deficit of information. To do the tasks the students will need additional information, intensify efforts to reach it and will be able to organize their activity more effectively. The more effective forms of work are think-pair-share, pair interviews etc. The basic principles of cooperation include: a) positive mutual dependence – the group reaches success under condition of good fulfillment of tasks by each student; b) individual responsibility – every student fulfills his individual task working in a group; c) the same participation – each student is given the same time to do the task; d) the simultaneous interaction – when all the students are involved into work.

Due to the ability to consider different points of view within the frameworks of well-organized cooperation, a group of students is able to make better decisions than each participant can do that independently. There are some proved methods of teaching the skills of cooperation in the education activity: a) achievement of common agreements concerning the assigning tasks and charging those responsible for the tasks that lays the foundation for the coordinated activities; b) learning the ability to listen to others which allows

to create the ground to exchange ideas to perceive and apply the ideas; c) learning the art to ask questions, making to think, motivating to expand knowledge and helping to search new decisions; d) demonstration and application of skills to come to an agreement (skills to listen to attentively, to compromise, to formulate agreements and support the ability to think clearly in the stress situation) are useful in any situation, supposing close cooperation. Learning which is built up on the basis of cooperation, leads to improvement of educational results and self-evaluation of students, an increase of their tolerance to the differences. When learning is based on cooperation, students have better attitude to the subject and each other.

Implementation of information and communication technologies as well as application of innovative methods of teaching give teachers an opportunity to change the content, structure, and organizational forms of education qualitatively. The main aim of innovative technologies in the world is strengthening of students' intellectual abilities in information society, as well as individualization of education process and an increase of its quality at all levels of education process.

References:

1. Биков В.Ю. Інформаційне забезпечення навчального процесу: інноваційні засоби і технології., В.Ю.Биков, О.О. Гриценчук. – К., Атіка, 2005. – 252 с.
2. Жук О.Ю. Планування навчальної діяльності з урахуванням використання засобів інформаційно - комунікаційних технологій., Ю.О. Жук., Інформаційні технології і засоби навчання: зб. наук. праць. - К., Атіка, 2005., с. 96-99.
3. Кужель О.М. Використання персонального комп'ютера у вивченні іноземних мов., О.М. Кужель, Т.І. Коваль., Нови інформаційні технології навчання в навчальних закладах України: наук.-метод. Зб. – Вип. 8. Педагогіка., редкол.: І.І. Мархель (гол. ред.) та ін.. – Одеса., Друк. 2001.
4. Ahmad K., Corbett G., Rodgers M. and Sussex R. (1985) Computer language learning and language teaching. – Cambridge.
5. R.I. Johnson and D.W. Johnson. Cooperative Learning and Achievement. In S. Sharan (ed.), Cooperative Learning (San Juan Capistrano, CA: Kagan Cooperative Learning, 1990).

УДК 81'366

ІМПЛІКАТУРА МЕТАФОРИ

**Кіншак О.М., канд. філол. наук, проф.
Київський міжнародний університет, Україна**

Учасник конференції

У статті розглядаються алгоритми декодування лінгвістичної образності, репрезентованої в художньому тексті, а саме в англійській поезії інтенціональними й імплікаційними метафорами, та її еквівалентного відтворення в мові перекладу, зумовлені ідентифікацією низки семантичних сигніфікатив у рамках рема-тематичної конфігурації тропу, що здійснюється в процесі перекладацького аналізу тексту мови оригіналу.

Ключові слова: інтенціональна, імплікаційна, локативна, орієнтаційна, акціональна, атрибутивна метафора, референція, ідентифікація, декодування.

The article deals with algorithms of decoding linguistic imagery represented by intensional and implicational metaphors in fiction texts, particularly in the English poetry, and its equivalent conveying in the target language determined by identifying a series of semantic signifiers within the rheme and theme format of a trope during the source text translation analysis.

Keywords: intensional, implicational, locative, orientational, actional, attributive metaphor, reference, identification, decoding.

Ідентифікація прагматичної функції тропейних засобів/імплікатури, як частини лексичного значення, перебуває в центрі уваги семантики, лінгвістичної прагматики, лінгвоконцептології [1; 2; 3; 8; 9].

Методологічна основа нашого дослідження – теорія інтенціоналу та імплікаціоналу лексичного значення. Імплікація може бути відображенням одноразових і багаторазових, статичних і динамічних, жорстких і ймовірних, слабких – просторових і часових та сильних – причинно-наслідкових та інших взаємодій концептів [2].

Декодування образної інформації, репрезентованої в художньому тексті, а саме в англійській поезії, інтенціональними й імплікаційними метафорами та її еквівалентна реалізація в мові перекладу зумовлені ідентифікацією низки актуальних семантичних сигніфікатив у рамках рема-тематичної конфігурації тропу: *position in space /horizontal, upright/ – proud towers* [13, p. 46]; *motion /slow, quick/ – willing waves* [15, p. 234]; *intensity /low, high/ – shouting sun* [10, p. 173]; *shape – fleecy clouds* [15, p. 180]; *colour – copper sky* [13, p. 54]; *location – cloudy winds* [11, p. 68]; *temperature – icy hand of death* [7, p. 27] etc., що здійснюється в процесі перекладацького аналізу тексту мови оригіналу.

Верифікація лінгвістичної образності інтенціональних та імплікаційних атрибутивних метафор у мові перекладу відбувається з урахуванням їхньої належності в мові оригіналу до таких логіко-семантичних типів, як онтологічні, локативні, орієнтаційні [8] й акціональні метафори. При цьому необхідно мати на увазі, що окрім атрибутивних метафор, які актуалізують якусь одну інтенціональну та імплікаційну семантичну ознаку: *snowy arm* [13, p. 163]; *young footsteps* [12, p. 29], в художньому тексті функціонують метафоричні епітети, які реалізують цілий комплекс основних і факультативних сем, створюючи синкретичний образно-стилістичний знак. У поетичному тексті:

“These, hush’d awhile with patient eye serene // Shall watch the mad careering of the storm;

Then o’er the wild and wavy chaos rush // And tame the outrageous mass with plastic might” [13, p. 57] – у метафоричному епітеті *mad careering of the storm* комплекс імплікаційних сем *motion + sound* пов’язаний із інтенціональними значеннями лексеми *mad*: *disordered intellect, proceeding from madness*, які створюють умови для деривації таких імовірних ознак, як *unrest* та *vociferous*.

Імплікаційні ознаки *motion* та *sound* у метафоричному епітеті *happy wave* мотивовані інтенціоналом поняття *happy, feeling, or expressing pleasure, contentment*. Семантичні структури компонентів бінарної синтагми *happy wave* взаємодіють таким чином, що тоді, як лексема *happy* вказує на інтенсивність імплікаційної ознаки *motion – lively, active*, метафорично значуване поняття *wave* зумовлює специфіку звукового прояву імплікаційної ознаки *sound – lapping, purling*. Лінгвістичний макроконтекст сигналізує значення метафоричного епітета *happy wave* такими лексичними засобами, як *stream-flow*:

"Her bright eyes will be imaged in thy stream, // Yes! they will meet the wave I gaze on now: Mine cannot witness, even in a dream, // That happy wave re-pass me in it's flow" [12, p. 104]

У наступному катрені: "When I have seen the hungry ocean again // Advantage on the kingdom of the shore, // And the firm soil win of the water main, // Increasing store with loss and loss with store" [17, p. 78] – логічна основа імплікаціональних значень *motion* та *sound* закладена в інтенціональній структурі метафоричного епітета *hungry*: *craving for food, showing signs of hunger*. Образне значення сем *motion* та *sound* полягає в асоціативному зіставленні руйнівної дії океанських хвиль на берегову лінію із зовнішніми ознаками процесу втамування голоду.

Імплікаціональна сема *motion* властива й структурі лексичного значення дієслів *advantage* та *win*, що об'єднує всі засоби тропеїчної образності строфи в межах одного лексико-семантичного поля. Семантична когезія лінгвістичного контексту цієї строфи дозволяє декодувати метафоричний зміст епітетного словосполучення *hungry ocean*.

Метафоричний епітет *angry clouds*: "Chill and mirk is the mighty blast, // Where Pindus' mountains rise, And angry clouds are pouring fast // The vengeance of the skies" [12, p. 57] – відображає складний образний зміст, який складається з таких імплікаціональних компонентів, як *motion* + *shape* + *colour*.

Імплікаціональний компонент *motion* семантизується в метафоричному епітеті на основі інтенціонального значення лексеми *angry*: *excited with anger*. З ним логічно пов'язана й актуалізація ознаки *shape* в значенні *disfigured, torn, rough, chaotic* у структурі атрибутивної бінарної синтагми *angry clouds: motion* → *clouds = shape*.

Актуалізація імплікаціональної ознаки *colour* лексеми *angry* пов'язана з ефектом імовірної зміни кольору обличчя людини в стані гніву: *black in the face*.

У лінгвістичному макроконтексті строфи відбувається також актуалізація інтенціонального значення лексеми *angry*: *hot displeasure involving desire for retaliation*, яке експлікується такими лексичними засобами, як *pouring* та *vengeance*.

Таким чином, унаслідок інтерференції різних рівнів семантичної актуалізації метафоричного епітета *angry clouds* створюється конкретно-образний зміст, який адекватно характеризує стан поетичного об'єкта.

Розкриття поетичного образу лінгвістичними засобами інколи ускладнюється у зв'язку з тим, що не вдається адекватно визначити, яку понятійну ознаку атрибута використав поет з метою художньої характеристики, або які асоціативні зв'язки лежать в основі метафоричного статусу епітета, тобто обов'язкова інтенціональна та ймовірнісна імплікаціональна структури є недостатніми для ідентифікації образного змісту метафоричного епітета. У такому випадку необхідно або звертатися до широкого контексту твору, його екстралінгвістичної основи, або гіпотетично реконструювати еквівалентний елемент образного висловлювання.

Відзначимо у зв'язку з цим, якою мірою метафорично адекватні словосполучення *marble heaven* та його український варіант перекладу *небо мармурове*:

"Even so my bloody thoughts, with violent pace, // Shall ne'er look back...

Till that a capable and wide revenge // Shall swallow them up –

Now, by yond marble heaven, // In the due reverence of a sacred vow

I here engage my words" [14, p. 896];

"Так і криваві заміри мої // Помчать вперед, нестримно забувши,

І вже назад не вернуться ніколи, // І не оглянуться і не відринуть,

До ніжного, тремтливого кохання, // Аж поки їх безмежна й люта помста не поглине,

Тобою я клянусь, о небо мармурове!" [5, с. 652].

У цьому поетичному перекладі подано аналогічний план вираження метафоричного епітета *marble heaven*. Однак, незважаючи на еквівалентне відтворення десигнатора метафоричного епітета, в перекладі не досягнуто еквівалентності щодо змісту – не зрозуміло, який рівень сем актуалізує свою метафоричну валентність у цьому тропі. У мовленнєвому контексті перекладу відбувається деметафоризація атрибута *marble*, зміст метафоричної транспозиції "затемнений", а комунікація на рівні художнього образу не зберігається.

У перекладі Б. Пастернака: "...Клянусь тобой, мерцающее небо, // В святом сознании этих страшных снов, // Даю обет расплаты" [6, с. 308] – метафоричний епітет *marble heaven* перекладач інтерпретує як *мерцающее небо*. Якщо ми накладаємо цей варіант на семантичну структуру лексеми *marble*, то виявляється, що він споріднений з інтенціональним рівнем структури й відповідає семам *crystalline, shining*. Інакше кажучи, в російському перекладі словосполучення актуалізована інтенціональна сема лексичного значення метафоричного слова *marble*.

Епітет *мерцающее* в цьому контексті постає як нетропеїчне означення, що не має якогось особливого образно-характеристичного навантаження, але однозначно експлікує розуміння перекладачем авторської художньої ідеї. Втрата метафоричності епітета, таким чином, компенсується недвозначністю онтологічної характеристики, коли «в ясное поле сознания» [4, с. 201] читача входить об'єктивно ймовірна ознака поняття.

Метафоричний епітет *marble heaven* правомірно розглядати і як імплікаціональний епітет, у цьому випадку означуване *heaven* проявляє такі свої значення, як *the Deity (deities), the Providence*.

У контексті визначення структури цього поетичного образу звернемося до прагматичного змісту мовленнєвої ситуації, який на нашу думку, асоціативно детермінує актуальне значення метафоричного епітета *marble heaven*. Унаслідок розмови з Яго у Отелло з'являється непохитне переконання в невірності Дездемони. Він хоче справедливої помсти, яку мусить звершити. На підтвердження свого наміру Отелло клянеться небом. Очевидно, що саме цей психічний стан персонажа породжує те істинне значення, яке він вкладає у звернення *marble heaven*. Апелюючи до неба, Отелло закликає до всевишньої справедливості, щоб засудити й покарати зло. Отже, сигніфікативне значення метафоричного імплікаціонального епітета *marble heaven* – це *impartial, merciless*.

Аналогічний метафоричний епітет *deaf heaven* використав В. Шекспір у 29 сонеті: "When in disgrace with fortune and men's eyes

I all alone bewep my outcast state,

And trouble deaf heaven with my bootless cries

And look upon myself and curse my fate" [17, p. 44].

У цьому контексті метафоричний епітет *deaf heaven* характеризується відмінністю предметної основи асоціативності образу й типологічного статусу, але як дискретна семантична одиниця він пов'язаний із певним рівнем метафоричного словосполучення *marble heaven* і може розглядатися як його гіпосема. Справді, під час порівняння цих епітетів виявляється, що бінарне словосполучення *marble heaven* десигнує широкий спектр значень і в процесі сприйняття неминуче стає об'єктом лінгвістичного аналізу, мета якого полягає у виявленні компонента значення, релевантного конкретному мовленнєвому контекстові. Стосовно епітета *deaf heaven* зауважимо, що він сприймається як актуалізація однієї зі структурних імплікаціональ-

них сем метафоричного словосполучення *marble heaven*, тому репрезентований ним поетичний образ однозначно семантизується як *insensible (hard-hearted)*.

Реальна передумова будь-якої спроби декодування образу – це насамперед формування уявлення про цей образ, оскільки «если образ – это акт сознания, то представление – это познание этого сознания» [2, с. 176].

Ідентифікацію інтенціональних та імплікаційних значень метафоричних епітетів ми кваліфікуємо як процес розщеплення образних поетичних уявлень на семантичні сигніфікативні компоненти, що можуть сприйматися як логічна основа (критерій істинності) художнього відображення дійсності поетом.

Лінгвістична образність цілої низки метафоричних епітетних сполучень із метонімічною організацією компонентів характеризується взаємодією імплікаційної та / або інтенціональної семантики їхнього атрибутивного компонента й партитивного або ж холістичного значень означуваного (*melting eye* [12, р. 69], *marching heart*: [16, р. 16], *slavish knees* [11, р. 116], *eager hand* [13, р. 30]).

Семантична кореляція компонентів епітетної метафоричної синтагми цього типу з погляду первинної та вторинної номінацій здійснюється за такою схемою:

Первинна номінація ознаки → холонім *man*, метафорична номінація ознаки → партитив (*eye, neck, breast...*). У тексті:

“There comes a fellow crying for help;

And Cassio following him with determined sword

To execute upon him” [14, р. 890] – двоплановість образного змісту метафоричного епітета *determined sword* проявляється як у змісті поетичного макроконтексту, який вказує на наміри Кассіо, так і в актуалізації імплікаційних значень метафоричної лексеми *determined*. Розвиток актуального значення метафоричного епітета *determined sword* відбувається у двох напрямках: в контексті холоніма *man* – на основі логічної причинно-наслідкової імплікації *determined – in action*, а також з урахуванням зображувальної функції лексичного партитива *sword: determined – elevated in the air – pointed at its prey*. Метафоричний епітет *thirsty lance*:

“Then fix ‘d on the cross of deep distress,

And at safe distance marks the thirsty lance,

Pierce her big side! But O! If some strange trance

The eye-lids of thy stern-brow’d Sister press” [13, р. 40] – відображає аналогічну ситуацію застосування зброї, а саме – *lance*, яка декодується з урахуванням подвійної референції епітета *thirsty*: холонім *man* і актуальний партитив *lance*.

У першому випадку метафорична лексема *thirsty* позначає внутрішній психологічний стан людини, яка застосовує зброю (*lance*). Вона актуалізує в цьому лінгвістичному мікроконтексті метафоричного епітета *thirsty lance* структурний семантичний компонент *vehement desire* інтенціонального значення лексеми *thirst: feeling caused by a desire to drink, suffering caused by this*, що осмислюється тут як *passion, rage* і, відповідно, імплікує семи *volition* та *intention*.

Двоплановість сигніфікативної семантики характерна і для метафоричного епітета *careless robe*:

“Nymph of the downward smile and sidelong glance!

In what diviner moments of the day art thou most lovely?

...Or when starting away // With careless robe to meet the morning ray,

Thou sparest the flowers in the mazy dance” [11, р. 33].

Перший план – інтенціональний: епітет *careless* → холонім *man*, що вказує на психологічний стан персонажа. Другий – імплікаційний: епітет *careless* → партитив *robe* – із значенням зовнішнього прояву цього стану. Актуальне значення метафоричного епітета *careless robe* в цій строфі мотивоване лінгвістичним макроконтекстом *when starting away in the mazy dance*, що вказує на характер руху німфи та форму, якої у зв’язку з цим набуває її убір. Таким чином, контекстуальна характеристика *careless* означуваного *robe* конкретизується як *flattering, streaming with motion*. Декодування метафоричного змісту епітетів цього типу та їхній переклад здійснюється з обов’язковою ідентифікацією згаданих рівнів референції атрибута на означуване.

Таким чином, нами з’ясовано семантичний механізм формування та актуалізації метафоричної образності на основі поняття інтенціонального та імплікаційного рівнів семантичної структури слова.

Література:

1. Приходько А.М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики., А.М. Приходько. – Запоріжжя., Прем’єр, 2008. – 332 с.
2. Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании., М.В. Никитин. – Владимир., 1974. – 222 с.
3. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. – В., Новая книга, 2009. – 272 с.
4. Томашевский Б.В. Стилистика и стихосложение., Б.В. Томашевский. – Л., Учпедгиз, 1959. – 535 с.
5. Шекспір Уільям. Том 2. Багато галасу з нічого. Дванадцята ніч, або як вам подобається. Гамлет, принц Датський. Отелло, венеціанський мавр. – Переклад з англійської. – Київ., Дніпро, 1964. – 773 с.
6. Шекспир Вильям. Трагедии. Сонети. Перевод с английского. – М., Художественная литература, 1968. – 790 с.
7. Johnson P. (Tekahionwake). Selected Poems., P. Johnson – Lvov., Lvov University Press, 1962. – 73 p.
8. Lakoff G. Metaphors we live by., G. Lakoff, M. Jonson. – London., University of Chicago Press, 2003. – 276 p.
9. Levinson S.C. Pragmatics. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – 420 p.
10. Longfellow H.W. The Song of Hiawatha., N.W. Longfellow. – Houghton Mifflin Company: The Riverside Press Cambridge, 1901. – 193 p.
11. The Poems of John Keats. – London and Toronto: Published by J. M. Dent and Sons Ltd and in New York by E.P. Dutton and Co, 1928. – 383 p.
12. The Poetical Works of Lord Byron. – Amen Corner, E.C., London : Herry Frowde, Oxford University Press, 1907. – 667 p.
13. The Poetical Works of Samuel Taylor Coleridge. – London., Macmillan and Co, 1893. – 667 p.
14. The Works of William Shakespeare. – London., Macmillan and Co, 1895. – 1138 p.
15. The Poetical Works of William Wordsworth. – London., Herry Frowde, Oxford University Press, 1895. – 976 p.
16. Thomas D. Miscellany One. – Aldine Paper Back, 1965. – 118 p.
17. William Shakespeare. Sonnets. Сонети. Вільям Шекспір. Переклад Дмитро Павличко. – Львів., Літопис, 1998. – 365 с.

TRANSFORMATIONS OF ENGLISH PROVERBS FROM THE STANDPOINT OF SYNERGETIC PARADIGM

O. Ovsianko, Cand. of Philology
Ye. Osypenko, Student
Sumy State University, Ukraine

Conference participants,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

Работа посвящена исследованию структурно-семантических модификаций англоязычных пословиц в публицистическом дискурсе с использованием понятийно-категориального аппарата лингвосинергетики. Сфокусировано внимание на модификациях исследуемых пословиц, их типологии. В частности, рассмотрены модификации пословиц расширением и компрессией, проанализированы их структурные и семантические девиации.

Ключевые слова: англоязычные пословицы, публицистический дискурс, эволюция, модификация, лингвосинергетика, аттрактор, репеллер.

This paper presents the study of structural-semantic modifications of English proverbs in publicistic discourse on the basis of fundamental concepts of linguosynergetics. Special attention has been focused upon notion of modification and typology of studied proverbs. The types of modification such as extension and compression of proverbs meaning, their structural changes, and semantic deviations have been studied.

Keywords: English proverbs, publicistic discourse, evolution, modification, linguosynergetics, attractor, repeller.

The investigation of folklore small texts has always provoked the interest of both native and foreign scholars (I.K. Kobyakova, H.A. Levinton, L.S. Pikhtovnikova, H.L. Permiakov, V.O. Samohina, L.I. Taranenko, S.O. Shvachko, P. Carnes, A. Dundes, P. Kirkpatrick, A. Lang, W. Mieder, P. Skandera).

Being based upon studying of relevant materials [4] and conducted researches [1], we can argue that proverbs belong to complex synergetic systems and new texts, genres and discourses serve as situational deviations for them. Proverbs generate in certain conditions and eventually by the process of modification they turn to similar but slightly different situations. Thus, their intention in the modified form is changed. Proverbs like terms within the process of transformation and determinologization change their paroemiological positions and extend semantic meaning.

The concept of synergetic analysis has been developed by such national scholars as T.V. Dombrovan, S.M. Yenikyeyeva, L.S. Pikhtovnikova, A.M. Prykhodko [5]. In particular, they analyze problems of textual self-organisation and evolution (L.S. Pikhtovnikova), word formation synergetics (S.M. Yenikyeyeva), diachronical linguosynergetics (T.I. Dombrovan).

Review of scientific papers has showed that systematic researches of evolution, modification of English proverbs in publicistic discourse with the use of conceptual and categorical framework of linguosynergetics did not attract attention of scientists. In this work we offer a fundamentally new approach concerning the study of modified proverbs.

The topicality of our research is confirmed by the crucial role of English proverbs that like a folk masterpiece reflect worldviews, people's consciousness. The innovation of the research is strengthened by the absence of deep investigations in the light of linguosynergetics as methodological foundation that studies open, dynamic systems like proverbs. The material of the research has been extracted from phraseological dictionaries and publicistic discourse. The chief tasks of our work is to establish the evolutionary changes of English proverbs, identify key lingual factors of these changes, interpret the functioning of attractors and repellers during the process of proverbs' development.

Dynamic character of English proverbs shows that signified is represented in the process of their modification by specific lexical and phraseological elements that are capable to express analogies of many related phenomena. Transformations of proverbs' structure by addition/cutting/replacement define more exactly the meaning of the lexical component and bring up to date author's intention.

Proverbs have their own form and content corresponding to attractors of the appropriate text. Attractors are verbalized in the basic features of proverbs, their criteria: literary representation (figurativeness, expressiveness), accuracy, clarity, general value, informative density and so on. The main task of attractors is to create attraction areas for proverbs to achieve their new equilibrium condition, accumulate, and select the required information.

The role of repellers is to monitor changes in proverbs (especially – structural and semantic). These changes are controlled by such characteristic features as small size, laconic brevity etc. As attractor directs the system to gain new aim, this system is forced to use its only possible parameter (or group of parameters), which is relatively mobile and able to change. The main order parameters in proverbs are the following two groups: structural changes (transformations conducted by extension) and semantic deviations. Order parameters are characterized by quantitative and qualitative indicators. As a result these order parameters lead to a new balance of a system that is creation of the modified proverbs. Comprehension of attractors and repellers actions enables recognition of self-settlement and self-control of proverbs as a complex synergetic system. Their confrontation is the main force of self-organization of this open dynamic system.

The conducted analysis of the selected examples concerning identification of the system order parameters has become a separate part of work. Empiric material has proved the presence of two groups of changes and their related parameters of the system – structural and semantic changes. In terms of structural changes extension of proverb's structure by expansion appeared to be predominant. Semantic changes are characterized by filling modified proverbs with new meaning, introducing modern terminology realities.

Let's consider the example of proverb transformation: *Good men are hard to find* → *Good friends are hard to find – and even harder to keep* [3]. In modified version we could notice substitution of lexical units: *men* → *friends*, which in this case acts as specifying element. The author applies such type of transformation as expansion introducing the concretize phrase *and even harder to keep* that enhances the sense of the original form of the proverb.

One more example: *Love is blind* → *Rihanna on Chris Brown: Love is blind* [2]. In this sentence we can see extension of the proverb's structure by the use of expansion. Among the semantic (meaningful) changes we can distinguish the following changes: usage of punctuation to emphasize the semantics, use of proper name (*Rihanna, Chris Brown*) and modernization of proverb's metasigns.

Thus, all the above-mentioned examples as well as experimental material studied previously [1] affirmed that the parameter for the extension of proverb's structure with the addition of lexical units/groups is flexible and often used. That is why it is considered to be order parameter in the transformations of English proverbs.

The perspective of our research is vivid in construction of linguosynergetic model of English proverbs evolution.

References:

1. Ovsianko O.L. Structural-semantic modifications of English proverbs in literary and publicistic discourses: Dissertation for candidate degree in philology: 10.02.04., Ovsianko Olena Leonidivna. – Zaporizhzhia, 2017. – 270 p.
2. Page of Sean Michaels [Electronic resource]., Access mode: <https://www.theguardian.com/music/2009/nov/06/rihanna-chris-brown>.
3. Page of Tim Lott [Electronic resource]., Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/aug/13/why-cant-be-friends-survey-friendless>.
4. Shvachko S.O. Small texts of English literary discourse: typological aspects., S.O. Shvachko, I.K. Kobayakova., Materials of III International scientific-practical conference (Kyiv, 21 April 2016) NTUU «KPI». – K., Kafedra, 2016., pp. 80–82.
5. Synergetics in philological researches: monograph., [T.I. Dombrovan, S.M. Yenikyeyeva, L.S. Pikhovnikova and others]; under the general editorship of L.S. Pikhovnikova. – Kh., V.N. Karasin Kharkiv National University, 2015. – 340 p.

УДК 82.09:821.161.1

МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ЛИРИКЕ И. БРОДСКОГО

**Пыхтина Ю.Г., д-р филол. наук, доцент
Оренбургский государственный университет, Россия**

**Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике**

В работе описываются способы моделирования в художественном тексте особого внутреннего мира лирического героя (ментального пространства), создаваемого лексикой с пространственным значением. Предложена классификация ментального пространства как субъективного пространства отражения действительности, раскрывающего специфику индивидуальной картины мира автора. Материалом исследования послужила лирика И. Бродского, в которой как пространственно-подобные рассматриваются интеллектуальный и духовный мир лирического героя, а также чувственные образы.

Ключевые слова: ментальное пространство, внутренний мир, пространственные образы, художественное пространство, И. Бродский.

The work describes the ways of modeling a special inner world of the lyrical hero (mental space) in a literary text, created with the help of vocabulary with the spatial meaning. The classification of mental space as a subjective space of the reflection the reality is proposed in the work, revealing the peculiarity of the author's individual picture of the world. The work is based on the lyrics of Joseph Brodsky, in which the intellectual and spiritual world of the lyrical hero is considered as space-like, as well as sensory images.

Keywords: mental space, inner world, space images, art space, J. Brodsky.

Занимаясь исследованием типов и видов пространства, отраженного в художественных текстах [5;6], мы заметили, что помимо воспроизведения характеристик реального места свершения событий, авторы описывают как некий локус мысли, чувства, душевные переживания персонажа и т.п., используя для этого лексику с пространственным значением. Подобный способ моделирования внутреннего пространства мы будем называть **ментальным пространством**, имея в виду пространство не только в физическом смысле, но и в психологическом.

В своем исследовании мы акцентируем внимание именно на взаимосвязи пространства внешнего (реального) и внутреннего, описываемого одними и теми же языковыми средствами, обладающего физическими параметрами – глубиной, шириной, верхом, низом, сторонами света – и локализующегося в художественном тексте в конкретных «точках»: мозге, сердце, душе, глазах и т.п.

Изучение ментального пространства как субъективного пространства отражения действительности является, на наш взгляд, весьма актуальным, поскольку позволяет исследователям обратить внимание не только на специфику индивидуальной картины мира того или писателя, но и выявить характерные черты национальной ментальности, нашедшей реализацию в текстах в конкретных пространственных образах и моделях.

Исходя из сказанного, основной целью нашей работы является выявление магистральных пространственных образов, отражающих индивидуальное сознание и духовно-нравственные установки автора (лирического героя) и построение на этом материале классификации ментальных локусов.

В литературоведении ментальное пространство как особый вид художественного пространства пока еще не имеет должного теоретического описания, поэтому в своем исследовании мы, используя междисциплинарный подход, опираемся на труды из области психологии и когнитивной лингвистики.

В работах психологов термин ментальное пространство рассматривается как динамическая форма ментального опыта, которая актуализуется в условиях познавательного взаимодействия субъекта с миром [9, с. 96].

Примечательно, что в структуру ментального опыта включаются мышление, восприятие, а также эмоции и речь; и те и другие рассматриваются как пространственные [3].

По мнению академика В.Д. Шадрикова, вообще все психические процессы пространственно-подобны, причем разворачиваются они во внутреннем мире одновременно на двух уровнях – сознательном и бессознательном [10, с. 20].

С сознательным уровнем художественного отражения реальности могут быть связаны следующие виды ментального пространства:

- интеллектуальное пространство (пространство человеческой мысли, в котором формируются и живут идеи, представления, образы);
- духовное пространство (внутренний психический мир человека: его переживания, настроения, чувства и т.д.);
- чувственные образы (зрительные, слуховые, осязательные);
- пространство воображения (создание образов, представлений, идей и манипуляция ими).

Кроме того, в литературе весьма часто описывается и мир бессознательного, он представлен:

- пространством сновидений (сновидение дает человеку представление о каких-то иных, недоступных в пределах дневного опыта, видах пространства, постижение которых составляет одну из важных особенностей психологической жизни персонажа);

- пространством грез (полусон, мечта, создание воображения);

- пространством ассоциаций (речь идет о возникающих подсознательно ассоциативных пространственных связях, к примеру, когда описывается, что персонаж видит предмет, подсознание его анализирует, а воображение синтезирует нечто подобное, встречавшееся ранее, или в похожей ситуации).

- пространством воспоминаний (образы и сюжеты прошлого, всплывающие в памяти, чаще всего помимо сознательных намерений человека).

Безусловно, предложенная классификация является весьма условной, так же как условно деление на сознательное и бессознательное в психологии (например, воспоминание может быть вызвано напряженной мыслительной деятельностью, а может «всплыть» помимо сознательных намерений человека).

Следует заметить, что названные виды ментального пространства не могут быть представлены все и в полном объеме в конкретном художественном произведении. Каждый отдельный текст уникален, мир, созданный автором, обусловлен его намерениями и установками, его творческим замыслом, мировоззрением, концептуальными основами литературно-художественного произведения, ценностными и другими ориентирами.

Рассмотрим особенности моделирования ментального пространства в литературе на материале лирики И. Бродского, поскольку, как утверждают исследователи его творчества, время и пространство являются главными координатами художественного мира поэта [4; 7; 8].

Характеризуя пространственно-временную картину мира И. Бродского, отечественные литературоведы отмечают, что поэт представляет пространство лишь как среду обитания вещей и даже отождествляет пространство с вещью (Ю. Лотман); теснейшим образом связывает пространство и время с вопросами жизни и смерти; сакрализует пространство (Р. Измайлов); сужает его и вытесняет пустотой, временем, небытием (Е. Ваншенкина) и т.п. Однако названные особенности касаются, прежде всего, внешнего, физического пространства, хотя и раскрывающего мироощущение автора. В то же время анализ конкретных текстов позволил нам констатировать, что в лирике И. Бродского происходит также «опространствливание» внутреннего мира, поскольку внепространственное существование для поэта становится «всцело духовным, бытием в мысли, в слове...» [2, с. 37].

Интеллектуальное пространство в лирике И. Бродского, локализатором которого является прежде всего мозг, имеет все признаки пространства физического: *Бился* льдинкой в стакане / мой *мозг* в забыты. [И.А. Бродский. «Ночной полет» (1962)]; Леса кружит, / и гнется жердь, как тонкий мост / – вернее: леса кружит, / и вот мой *мозг дрожит*: / втянуть сюда иль кануть вслед за нею? [И.А. Бродский. «Пришла зима, и все, кто мог лететь...» (1964)]; «И *мозг, сжимаясь*, гонит по лицу / гримасы боли – впрямь по образцу / секундной стрелки. [И.А. Бродский. «Мужчина, засыпающий один...» (1965)]; Вот так во мне *трепетом мозг*, / откуда дождь шумит. [И.А. Бродский. «Сбегают капли по стеклу...» (1965)]. Мозг сжимается, бьется, трепещет, дрожит, – все эти характеристики отражают внутренне дисгармоничное состояние лирического героя и в целом трагическое мироощущение самого автора, вызванное совершенно разными реальными жизненными ситуациями – попыткой к бегству из страны («Ночной полет»), разлукой с любимой женщиной («Мужчина, засыпающий один...»), ссылкой («Сбегают капли по стеклу...») и т.п.

Атрибутами внешнего пространства («материальностью»), габаритами и т.п.) наделяется поэтом и душа, представляемая тоже как locus: Я вижу свою душу в зеркала, / *душа* моя неслышанно *мала*, / не более бумажного листа, – / *душа* моя неслышанно *чиста*, / *прекрасная душа* моя, Господь, / *преlestная не менее*, / чем далее, тем более для грез / до девочки ты душу превознес, – / *прекрасная, душа*, / ты также *велика*, – / как девочке присущий оптимизм, / души моей глухой инфантилизм / всегда со мной в полуночной тиши <...> Душа моя безмолвствует внутри, / безмолвствует смятение в умах, / душа моя безмолвствует впотьмах... [И.А. Бродский. «В Сочельник я был зван на пироги...» [Зофья, 2] (1962)].

В целом ряде стихотворений душа изображается подвижной, она свободно перемещается во времени и пространстве (плывет, летит, возвращается в «родное гнездо...): Каких ты птиц себе изобретаешь, / кому их даришь или продаешь, / и в современных гнездах обитаешь, / и современным голосом поешь? / *Вернись, душа*, и перышко мне вынь! / Пускай о славе радио поет нам <...> *Скажи, душа, как выглядела жизнь, / как выглядела с птичьего полета?* [И.А. Бродский. «Теперь все чаще чувствую усталость...» (1960)]; Его *душа плывет по темным водам*, / шуршат кусты и гаснут облака, / вдали невнятно плачет Андромаха. [И.А. Бродский. Сонет (1962)]; И *душа*, неустанно / *попешая во тьму*, / *промелькнет над мостами* / в петроградском дыму, / и апрельская морось, / под затылком снежок, / и услышу я голос: / – До свиданья, дружок. [И.А. Бродский. Стансы (1962)]. Интересно, что «крылатость» души у Бродского вовсе не связывается с мыслью о свободе (ср., например: Если душа родилась крылатой – Что ей хоромы и что ей хаты! М. Цветаева). Это движение во тьму, к смерти, тягостное размышление о неизбежной конечности человеческой жизни, что подтверждается и выбором образов, символизирующих холод: «тёмно-синий», «тьма», «морось», «снежок», и отчаянным отрицанием «не хочу» и «не найду» («Стансы»).

Отражая как в зеркале весь внешний мир, пространство души всегда заполнено, вещно: В худую пору взялся я / распиваться в чувстве чистом, / *–полна сейчас душа моя / каким-то сором ненавистным*. Состояние душевного смятения, неспособность логически объяснить нахлынувшую ненависть, злобу, «но больше – грусть» (Рассудок мой что решето, / а не сосуд с водой небесной) поэт усиливает метафорой «душа – хлев» (Простите, что разверз сей хлевы / пред Вами, Господи, простите. / Как будто, ног не отерев, / я в дом влезал... [И.А. Бродский. «Не то Вам говорю, не то» (1962)].

С помощью пространственной метафоры описывается и перемещение внешнего мира во внутренний. Своеобразным «входом» внутрь лирического субъекта становятся глаза: Вот я стою в распахнутом пальто, / и *мир течет в глаза* сквозь решето... [И.А. Бродский. «Новые стансы к Августе» (1964)]. Именно поэтому особую значимость в лирике Бродского приобретают зрительные образы – лирический герой как бы поглощает все окружающее, которое становится частью внутреннего Я: Замири и смотри в небеса / до поры, когда облачным пряхам / нужно вдруг превращаться в леса, / становиться оврагами, скажем, / *набегая кустом на глаза, / обращаясь к сознанию пейзажем*. [И.А. Бродский. Полевая эклога (1963)]; И птицы унеслись на юг / и голоса их в Грузии слышны; / одни вороны северу верны, / и в парках, и в бульварах городских / теперь мы замечаем только их, / и *снова отражается в глазах / их каркающий крестик в небесах, / и снежный город холоден и чист, / как флейты Крысолова свист*. [И.А. Бродский. «Вот шествие по улице идет...» [Шествие, 42] (1961)]; *Плывет в глазах холодный вечер, / дрожат снежинки на вагоне, / морозный ветер, бледный ветер / обняет красные ладони, / и льется мед огней вечерних, / и пахнет сладкою халвою; / ночной пирог несет сочный смик / над головою*. [И.А. Бродский. Рождественский романс (1961)].

Еще одним специализированным образом в лирике И.А. Бродского является сердце, которое представляется, как и душа, подвижным, однако это движение в замкнутом пространстве, что усиливает трагедийность звучания многих стихов: Лишь *сердце вдруг забьется* отыскав, / что где-то я пропорог: *холод / трясет его, мне в грудь понав.* [И.А. Бродский. Новые стансы к Августе (1964)]. Перемещается сердце чаще всего в вертикальном направлении – вверх или вниз: Но *сердце*, как инструктор в Шамони, / *усиленно карабкается вверх.* [И.А. Бродский. Чаша со змейкой (1964)]; И *сердце пусть из пурпурных глубин* / на помощь воспаленно рассудку / — артерии пожарные враскрутку! [И.А. Бродский. Неоконченный отрывок (1964)] или изображается как сосуд, вмещающий в себя всю гамму чувств и переживаний: Пусть же в *сердце твоём, / как рыба, бьется живьем / и трепещет обрывок / нашей жизни вдвоем.* [И.А. Бродский. Ломтик медового месяца (1964)]; Уму грозящим страхом полн, / беги под крепкий кров, / *наполни сердце шумом волн, / как лунку, до краев.* [И.А. Бродский. Прилив (1963)]. Кроме того, оно имеет способность трансформироваться, например, распасться на части: *Ничего нет страшней, чем развалины в сердце,* / ничего нет страшнее развалин, / на которые падает дождь и мимо которых / проносятся новые автомобили, / по которым, как призраки, бродят / люди с разбитым сердцем и дети в беретах, / ничего нет страшнее развалин, / которые перестают казаться метафорой / становятся тем, чем они были когда-то: / домами. [И.А. Бродский. Современная песня (1961)].

Процесс опространствливания охватывает и сферу бессознательного, прежде всего память, которая способна преодолеть и пространство и время: Через гордый язык, / хоронясь от законности с тщанием, / от сердечных муз / *пробираются память с молчанием / в мой последний пенат* – / то ль слезинка, то ль веточка вербная, - / и тебе не понять, да и мне не слышать, наверное / то ли вправду звенит тишина, / как на Стиксе уключина. / То ли песня навзрыд сложена / и посмертно заучена. [И.А. Бродский. «Как тюремный засов...» (1964)]. Как справедливо отметил Р.Р. Измайлов, «Поэт, выполняя волю языка, облекает мир в языковое тело и тем самым избавляет его от оков пространства и смертельного действия времени» [4]. Действительно, смирившись с невозможностью справиться с беспощадным бегом времени и осознав иллюзорность преодоления пространства, И. Бродский замыкает то и другое внутри собственного Я – необъятной, все вмещающей Вселенной.

Таким образом, художественное пространство в лирике И. Бродского представляется одним из главных элементов субъективной картины мира поэта, отражающих реальность через призму психо-ментальных особенностей его восприятия. «Внутренняя вселенная» лирического героя является одновременно и микрокосмом, олицетворяющим его разум, душу, сердце, память и т.п., и макрокосмом, наполненным событиями внешней жизни и моделируемым по законам физического мира.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Оренбургской области в рамках научного проекта № 17-14-56001

Литература:

1. Бродский, И.А. Стихотворения и поэмы. В 2 томах. – СПб., HYPERLINK Лениздат; Книжная лаборатория, 2017. – 1408 с.
2. Ваншенкина, Е. Острие: пространство и время в лирике И. Бродского., Е. Ваншенкина., Литературное обозрение. – М., 1996., № 3., С. 35-41.
3. Веккер, Л. М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов., Л.М. Веккер. – М.: Смысл, 1998. – 685 с.
4. Измайлов, Р.Р. Время и пространство в поэзии И. Бродского: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук., Р.Р. Измайлов; [Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. – Саратов, 2004. – 19 с.
5. Пыхтина, Ю.Г. К проблеме классификации пространственных образов и моделей в литературе., GISAP: Philological Sciences. – 2014., № 3., С. 62-66.
6. Пыхтина, Ю.Г. Типология базовых пространственных моделей в художественной литературе., GISAP: Philological Sciences. – 2015., № 3., С. 59-63.
7. Смирнова, А.Ю. Художественная картина мира в поэзии И.А. Бродского и ее трансформация в англоязычных переводах: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: (10.01.01)., А.Ю. Смирнова; [Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. – Саратов, 2013. – 21 с.
8. Халимбекова, М.С. Образы времени и пространства в поэтическом сборнике Иосифа Бродского «Остановка в пустыне»: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: (10.01.01)., М.С. Халимбекова; [Дагест. гос. ун-т]. – Махачкала., 2004. – 26 с.
9. Холодная, М.А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования. – СПб., Питер, 2002. – 272 с.
10. Шадриков, В.Д. Мир внутренней жизни человека., В.Д. Шадриков. – М., Университетская книга. Логос, 2006. – 392 с.

УДК 159.91
ББК 88.Ю

ЦЕННОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОНТЁРОВ ПРОЕКТА «ГОЛОС КНИГИ»

Долгова В.И., д-р психол. наук, проф., декан
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия

Участник конференции

В статье раскрыты некоторые аспекты ценностного отношения к деятельности волонтеров проекта «Голос книги». Исследование проводилось в 2016 году в Южно-Уральском государственном гуманитарно-педагогическом университете. В экспериментальном исследовании участвовали добровольцы проекта «Голос книги», численностью 11 человек 17-29 лет. Используются три методики: опросник В.И. Долговой, Л.А. Млечян, тест «Определение направленности личности» Б. Басс, тест «Определение удовлетворённости личности своим трудом» А.В. Батаршев. Ценностное отношение к добровольческой деятельности проекта «Голос книги» выражается в показателях: направленность на взаимодействие, на организацию мероприятий, на правовое просвещение граждан, организация помощи детям – инвалидам, группе людей.

Ключевые слова: ценностные отношения, студенты, направленность личности, удовлетворённости личности своим трудом, проект «Голос Книги», слабослышащие.

The article deals with some aspects of the valuable relation to «the book's Voice» project volunteer activities. The study was conducted in 2016 in the South-Ural State University of Humanities and Education. In a pilot study involved volunteers «Voice of Books» project, numbering 11 people age 17 subjects 29 years of age. We used three methods: a questionnaire VI Debt, LA Mlkeyan, the test is «Determining the orientation of the individual» B. Bass, the test is «Determining the identity of satisfaction with their work.» A. Batarshv. Value attitude toward volunteering project «Voice of the book» is expressed in terms of: focus on interaction, on the organization of activities on legal education of citizens, the organization of care for children - disabled, a group of people.

Keywords: value ratio, students, personal orientation, personality satisfaction with their work, the project "Voice of the Book," hard of hearing.

Ценностные отношения (как цели) формируются на базе высших мотивов и, в свою очередь, порождают определенный способ действий. Отсутствие целей, в настоящем и в отдаленном будущем избавляет субъекта, от какой бы то ни было ответственности. Поэтому потребность найти смысл, цель в жизни может трансформироваться в потребность быть ответственным за события, как настоящего, так и будущего.

Ценностные отношения связаны с актуализацией абстрактного и логического мышления, рефлексией своих чувств, переживаний, осмысленного собственного жизненного пути, усиления стремления к самореализации, - знаменующие собой новый период психосоциального развития. Формируется наиболее сложный, высший механизм целеполагания, который выражается в некотором «замысле», плане жизни, связанном со способностью осуществить самопроецирование в будущее не только как постановку конкретных целей, но и как самопроектирование.

Для полноценной и качественной реализации проекта необходимо создать единую команду добровольцев, способных к такому самопроецированию. На многие социальные проекты в России, как и во всем мире, не хватает денежных средств, добровольцы воспринимаются как «бесплатная рабочая сила», подобное отношение к добровольцам, даже если оно открыто не озвучивается, приводит к губительным для продвижения добровольчества последствиям. Добровольцы чувствуют, что их просто используют и, повзрослев, уходят из добровольчества. Поэтому так велика текучка кадров в добровольческой сфере и в некоммерческих организациях. Важно не количество добровольцев в проекте, а как долго они готовы посвящать себя добровольчеству и целью эффективной реализации проекта представляется необходимость формирования ценностного отношения к добровольческой деятельности проекта «Голос книги» и выражается в показателях: направленность на взаимодействие, на организацию мероприятий, на правовое просвещение граждан, организация помощи детям – инвалидам, группе людей [1-19].

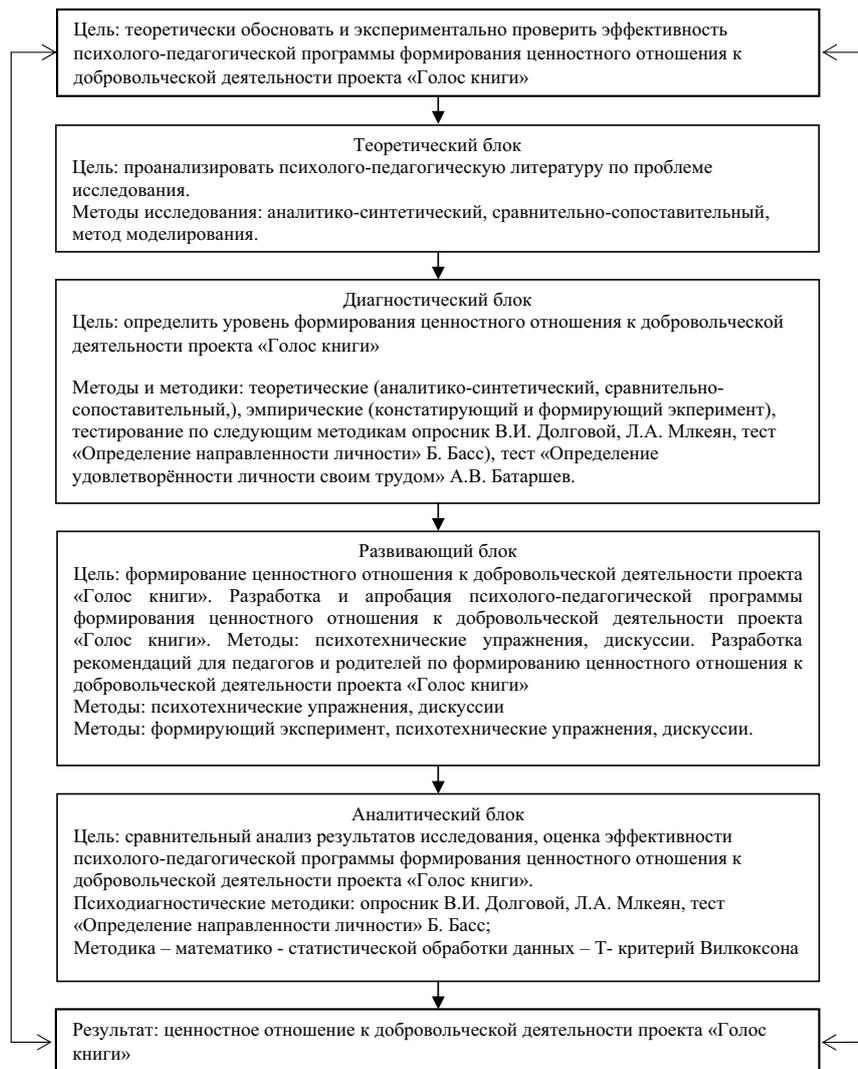

Рис. 1. Схема модели формирования ценностного отношения к добровольческой деятельности проекта «Голос книги»

Исследование проводилось в 2016 году в Южно-Уральском государственном гуманитарно-педагогическом университете. В экспериментальном исследовании участвовали добровольцы проекта «Голос книги», численностью 11 человек. Возраст испытуемых 17- 29 лет. Используются три методики: опросник В.И. Долговой, Л.А. Млкеян, тест «Определение направленности личности» Б. Басс, тест «Определение удовлетворённости личности своим трудом» А.В. Батаршев.

Проект стал победителем конвейера проекта на Всероссийском образовательном форуме «Территория смыслов на Клязьме», победителем III Национальной премии «Студенческий дозор». У социального проекта 8 выпусков в телеканалах: Россия 1, Россия 24 Южный Урал, 31, ОТР. Голос книги имеет публикации в газетах: Молодой Учитель 2016 г.-2017 г. (4 выпуска), Метро, Комсомольская правда.

Под «моделью» понимается представление способов обучения практической деятельности, основанное на личностно-ориентированном подходе, с целью формирования какого-либо качества личности. Схема модели формирования ценностного отношения к добровольческой деятельности проекта «Голос книги» разворачивается от цели к результату по четырем её блокам (рисунок 1).

Психодиагностическое исследование для группы добровольцев проекта «Голос книги» проводилось в Южно-Уральском государственном гуманитарно-педагогическом университете. В исследовании приняли участие 11 человек с 17-29 лет. Все разносторонние личности, состоят в различных объединениях города, своего вуза, работают в организациях студенческих самоуправления, объединенных советах обучающихся, активисты из Молодой Гвардии, Законодательного собрания Челябинской области, АСО России по Челябинской области. В проекте так же принимают участия в качестве добровольцев радиоведущие, преподаватели Челябинского государственного института культуры, редакторы газеты «Комсомольская правда».

Проект реализуется на факультете психологии под руководством В.И. Долговой, Н.В. Крыжановской, Л.А. Млкеян.

Партнёрами проекта являются: Министерство образования и науки Челябинской области; Челябинское региональное отделение «Ассоциация студентов и студенческих объединений России»; Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Информационную поддержку голосу книги оказывают: Министерство социальных отношений г. Челябинска, проект «Равный равному».

Группа добровольцев сформировалась с января 2016 г. Каждый месяц проводятся собрания, где каждый волонтер отчитывается по проделанной работе. Коллективно принимаются новые пути решения возникающих проблем, организовываются различные акции.

В июле 2016 года, приняли участие на Всероссийском образовательном форуме «Территория смыслов на Клязьме» и в «Конвейере проектов».

Психологический климат можно охарактеризовать как благоприятный. Все участники проекта открыты, доброжелательны, бесконфликтны.

Всем добровольцам проекта «Голос книги» предлагалась анкета, разработанная В.И. Долговой, Л.А. Млкеян. Опросник состоит из 15 вопросов. Нужно выбрать один ответ из предложенных вариантов. Опрос проводится как индивидуально, так и в групповой форме. Вопросы отражают отношение человека к добровольческой деятельности, выявляют наиболее доминирующие формы и мотивы осуществления волонтерской деятельности. Приводим далее её текст.

Здравствуйте!

Примите, пожалуйста, участие в опросе, посвященном проекту «Голос книги» (создание фонда аудиокниг для слабовидящих и слепых по дисциплинам высших учебных заведений).

Ваши ответы помогут нам улучшить нашу работу.

1. Ваш возраст? (16 – 19; 20 – 24; 25-60).
2. Ваш пол? (мужской; женский).
3. Семейное положение? (холост; женат /замужем).
4. Какова занятость? (работаю; учусь; всегда свободен)
5. Опыт осуществления добровольческой деятельности? (да, имею; нет, не имею; есть волонтерская книжка).
6. Если да, то где его получили? (в учебном заведении; по месту работы; в общественной организации).
7. Кто сегодня, чаще всего становится волонтером? (пожилые люди; взрослые люди; молодежь, которая не учится и не работает; работающая молодежь; студенты вузов; учащиеся колледжа; учащиеся школы).
8. Что является основным мотивом участия в добровольческой деятельности? (потребность помогать людям; достаточное количество свободного времени; значимость и престиж; желание заявить о себе).
9. Какая форма добровольческой деятельности наиболее привлекательна? (помощь одному человеку; организация помощи группе людей; организация и проведение мероприятий).
10. Что, препятствует участию в добровольческой деятельности? (нехватка времени; равнодушие к проблемам общества; нет информации об организациях, которые этим занимаются; нет материальной возможности; нет стимула и вознаграждения; затрудняюсь ответить; недостаток социальной активности).
11. Есть ли в Вашем окружении люди, занимающиеся волонтерской деятельностью? (да, у меня есть близкие друзья – волонтеры; я знаю, что кто-то из моих знакомых занимался добровольческой деятельностью; среди моих друзей и знакомых нет волонтеров; не слышал(а), чтобы кто-то действительно этим занимался).
12. В каких сферах общественно-полезной деятельности хотели бы принять участие? (социальное волонтерство: помощь детям-инвалидам; экологическое волонтерство; донорство; спорт и туризм; образовательные проекты; правовое просвещение граждан).
13. Ранее слышали о проекте «Голос книги»? (да; нет; затрудняюсь ответить).
14. Нужен ли проект «Голос книги»? (да; нет; затрудняюсь ответить).
15. Хотели бы принять участие в таком проекте? (да; нет; затрудняюсь ответить).

Благодарим за участие в социально - значимом опросе!

Объемы статьи не позволяют представить результаты по всем трем используемым методикам. Ограничимся обсуждением результатов, полученных по этой Анкете, результаты исследования представлены на рисунке 2.

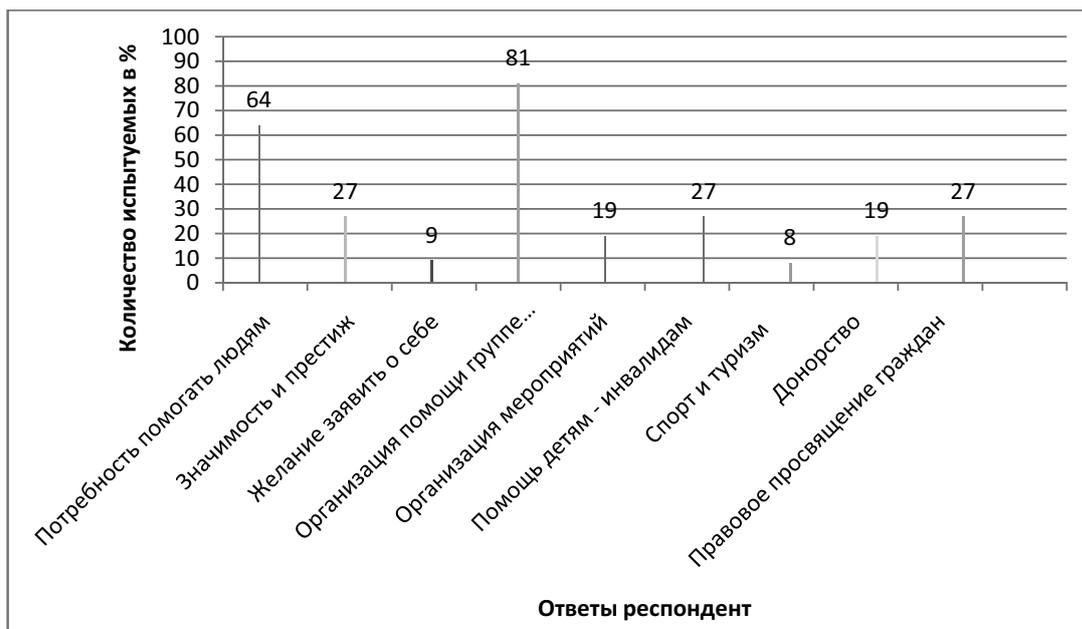

Рис. 2. Результаты опросника В.И. Долговой, Л.А. Млкеян на этапе констатирующего эксперимента

Данные полученные опросником В.И. Долговой, Л.А. Млкеян на этапе констатирующего эксперимента свидетельствуют о том, что у 64 % (7 чел.) добровольцев проекта потребность помогать людям, а значимость и престиж в реализации деятельности выбрали 27 % (3 чел.). Показатель «желание заявить о себе» указали 9 % (1 чел.). Организация помощи группе людей выделили 81 % (9 чел.), участвовать в организации мероприятий изъявили желание 19% (2 чел.), а в оказании помощи детям – инвалидам - 27 % (3 чел.). Желание раскрыть себя в качестве добровольца в направлении спорта и туризма у 8 % (1 чел.), а качестве донорства 19 % (2 чел.). Направление деятельности правового просвещения граждан заинтересовало 27 % (3 чел.).

Таким образом, результаты диагностики демонстрируют наличие у испытуемых потребности помогать людям, направленность на решении задачи, и удовлетворенность выполняемой деятельностью. С целью эффективной реализации проекта представляется необходимость формирования ценностного отношения к добровольческой деятельности проекта «Голос книги» и выражается в показателях: направленность на взаимодействие, на организацию мероприятий, на правовое просвещение граждан, организация помощи детям – инвалидам, группе людей.

Литература:

1. Dolgova V.I. Aspects of emotional stability in volunteers of gerontology programs., *Advances in Gerontology*. - 2014. Т. 4., № 4., С. 275.
2. Dolgova V.I. Aspects of emotional stability in volunteers of gerontology programs., *Advances in Gerontology*. - 2014., Т. 4., № 4., С. 278-282.
3. Долгова В.И., Кондратьева О.А., Карпушина И.А. Инновационные технологии деятельности волонтера по коррекции самооценки младших школьников., *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. – 2017., Т. 8., С. 16–23.
4. Долгова В.И. Особенности добровольческого (волонтерского) труда., В.И. Долгова., *Научно-методический электронный журнал Концепт*. - 2017., Т. 8., С. 44–47.
5. Долгова В.И., Волонтеру о взаимосвязи типов памяти и успеваемости младших школьников., В.И. Долгова, О.А. Кондратьева, Г.И. Зарипова., *Научно-методический электронный журнал Концепт*. - 2017., Т. 8., С. 24–30.
6. Долгова В.И., Волонтеру русскоязычных геронтологических программ., В.И. Долгова., *Научно-методический электронный журнал Концепт*. - 2017., Т. 8., С. 31–34.
7. Долгова В.И., Гольева Г.Ю., Ярыева А.Э. Психолого-педагогическая поддержка волонтерского движения, реализующего русскоязычные программы в России и за рубежом., В.И. Долгова, Г.Ю. Гольева, А.Э. Ярыева., *Научно-методический электронный журнал Концепт*. - 2017., Т. 8., С. 1–6.
8. Долгова В.И., Кондратьева О.А. Развитие конструктивной психологической защиты студентов-волонтеров., В.И. Долгова, О.А. Кондратьева, *Научно-методический электронный журнал Концепт*. - 2017., Т. 8., С. 53–58.
9. Долгова В.И., Крыжановская Н.В. Программа развития познавательно-профессиональной активности волонтеров., В.И. Долгова, Н.В. Крыжановская., *Научно-методический электронный журнал Концепт*. - 2017., Т. 8., С. 39–43.
10. Долгова В.И., Шарафитдинова К.И. Влияние акцентуации характера на отношение к добровольческой деятельности волонтеров социальных программ., В.И. Долгова, К.И. Шарафитдинова., *Научно-методический электронный журнал Концепт*. - 2017., Т. 8., С. 7–15.
11. Долгова В.И., Шаяхметова В.К. Модель профессионально важных качеств волонтера русскоязычных программ., В.И. Долгова, В.К. Шаяхметова., *Научно-методический электронный журнал Концепт*. - 2017., Т. 8., С. 48–52.
12. Долгова В.И., Шаяхметова В.К. Подготовка волонтеров русскоязычных программ., В.И. Долгова, В.К. Шаяхметова., *Научно-методический электронный журнал Концепт*. - 2017., Т. 8., С. 35–38.
13. Долгова В.И., Долгов П.Т., Латюшин Я.В. Волонтеру-консультанту антинаркотических программ. Монография., науч. ред. О.К. Агавелян. – Челябинск., ГОУ ВПО «ЧГПУ»; - М., МГОУ, 2005. – 308 с.
14. Дорофеева Р.Д., Долгова В.И., Юлдашев В.Л. Профилактика злоупотребления психоактивными веществами и построение волонтерского движения в средних и высших учебных заведениях: методические рекомендации по организации волонтерского движения для кураторов студенческих групп, педагогов, психологов. – Челябинск, Уфа., изд-во «Здравоохранение Башкортостана», 2005. – 198 с.

15. Михалева Е.В. Мотивация участия молодежи в добровольческой деятельности / Е.В. Михалева. – Аллея науки, 2016., № 4., с. 682-688
16. Певная М.В. Студенческое волонтерство: особенности деятельности мотивации., М.В. Певная. – Высшее образование в России, 2015 № 6., с. 81-88
17. Пискунова О.А. Организация работы с волонтерами в России., О.А. Пискунова., Экономика и социум, 2015., № 1., с. 215-218
18. Трохина А.В. Волонтерство как особая форма занятости., А.В. Трохина., Уровень жизни населения регионов России, 2012., № 12., с.111-120
19. Черемшанов С.В., Круглова М.С. Мультимедийная поддержка Центра подготовки волонтеров., С.В. Черемшанов, М.С. Круглова. – Волонтер, 2012., № 3., с. 56-61.

УДК 159.91
ББК 88.Ю

МОТИВАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОНТЁРОВ ПРОЕКТА «ГОЛОС КНИГИ»

Долгова В.И., д-р психол. наук, проф., декан
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия

Участник конференции

Целевая направленность статьи совпадает с целью одноименного исследования - теоретически обосновать и экспериментально проверить формирование мотивации к деятельности волонтеров проекта «Голос книги». Методики исследования: «Диагностика мотивационной структуры личности» (В.Э. Мильман); «Опросник для определения источников мотивации» (Дж. Барбуто, Р. Сколл); методика «Исследование мотивов» (Б. Кристиане); вычисление G-Критерия знаков. База исследования – волонтеры социального проекта «Голос книги» в количестве 14 человек от 17 до 23 лет. После проведения Программы формирования мотивации к деятельности волонтеров проекта «Голос книги» у трех человек изменилась направленность личности с общежитийской на рабочую; у одного человека слабо выраженный источник мотивации «внутренняя Я-концепция» стал более выраженным; изменилось распределение социальных мотивов деятельности (у 42,86% испытуемых этот мотив стал преобладать; волонтеры стали более открыты для взаимодействия с окружающими людьми. G-Критерий знаков помог определить, что сдвиг в «типичном» направлении статистически достоверен.

Ключевые слова: мотив, мотивация, волонтерская деятельность, общежитийская направленность, рабочая направленность, внутренняя Я – концепция, социальные мотивы.

The target orientation of the article coincides with the goal of the same name study - theoretically justify and experimentally test the formation of motivation for the activity of volunteers of the project «The Voice of the Book». Research methods: «Diagnosis of the motivational structure of the personality» (VE Milman); «Questionnaire for the determination of sources of motivation» (J. Barbuto, R. Scoll); Method «Study of motives» (B. Christian); Calculation of G-Criteria signs. The research base is volunteers of the social project «Voice of the Book» in the number of 14 people from 17 to 23 years. After carrying out the Program of formation of motivation for the volunteers of the project «Voice of the Book», three people changed the orientation of the person from the common to the working one; In one person a weakly expressed source of motivation, the “inner I-conception” became more pronounced; The distribution of social motives of activity changed (in 42.86% of the subjects this motif began to prevail, the volunteers became more open to interacting with surrounding people.) The G-Criterion of signs helped to determine that the shift in the “typical” direction was statistically reliable.

Keywords: motive, motivation, volunteer activity, commonplace orientation, working orientation, inner self - concept, social motives.

В настоящее время в России сложился высокий спрос на развитие добровольческой деятельности. Оказание помощи людям, готовность к участию в жизни других людей, проявление гуманности - важнейшие ценности личностного развития любого человека в современном мире. Добровольная помощь, оказываемая человеком обществу в целом или отдельным людям, основывается на идеях бескорыстной помощи гуманным идеалам человечества и не несёт в себе цель получения прибыли или карьерного роста. В молодежной среде волонтерская активность возрождает гуманные ценности и социально-психологические качества личности, такие как, толерантность, сострадание, альтруизм справедливость, и другие важные для человечества ценности.

7 июля 1995 года был принят закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». В нем дано определение, что волонтер – доброволец, гражданин, который осуществляет благотворительную безвозмездную деятельность в интересах, нуждающихся, в том числе, в интересах благотворительной организации.

В связи с внедрением инклюзивного образования в систему образования Российской Федерации, во многих образовательных учреждениях страны, стали обучаться студенты с особыми образовательными потребностями. В том числе, к этой категории относятся слепые и слабовидящие люди. Возникла проблема недоступности учебных пособий. Один из студентов ЮУрГГПУ, Денис Маскаев, инвалид по зрению с рождения, столкнулся с такой проблемой. У Дениса возникла идея озвучивания учебников и учебных пособий для получения полноценного высшего образования. Студентки факультета психологии Лиана Млкеян и Карина Шарафигдинова развили идею и защитили проект на Всероссийском молодежном образовательном форуме «Территория смыслов на Клязьме», где стали победителями грантового конкурса. С 2016 года проект «Голос книги» активно реализуется на территории Челябинской области. Для реализации любого проекта необходима надёжная команда. Команда проекта состоит из добровольцев, которые заинтересовались идеей помощи «особым» людям, его реализация возможна только благодаря слаженной работе волонтеров. Поэтому было решено провести исследование мотивации к деятельности у волонтеров проекта, цель исследования - теоретически обосновать и экспериментально проверить формирование мотивации к деятельности волонтеров проекта «Голос книги». Методики исследования: «Диагностика

мотивационной структуры личности» (В.Э. Мильман); «Опросник для определения источников мотивации» (Дж. Барбуто, Р. Сколл); Методика «Исследование мотивов» (К. Б. Кристиане); вычисление методом математической статистики: G – Критерий знаков. База исследования – волонтеры социального проекта «Голос книги» в количестве 14 человек, возраст от 17 до 23 лет. Апробация результатов исследовательской работы выполнена под нашим руководством К. Шарафитдиновой [11] и в процессе дискуссий отраслевых конгрессов МАНВО [16-20].

Анализ научной литературы [21-27] и многолетние собственные исследования [1-15] позволил определить сущность ключевых понятий исследования. Мотив, является средством удовлетворения существующей потребности, мотивы присущи только людям. Потребность сама по себе мотивом быть не может, потому что она вызывает только ненаправленную активность организма, именно организованность и направленность поведения обеспечиваются мотивом. Мотивы потенциально осознаваемы, в отличие от потребностей. Под волонтерской деятельностью понимается такая деятельность, при которой человек часть своего свободного (личного) времени, а, следовательно, сил, энергии, знаний, опыта, добровольно (без принуждения или указания «сверху») тратит на выполнение деятельности, которая приносит пользу другим людям или обществу в целом. Проведенный анализ позволил также выявить ряд личностных характеристик добровольцев: предрасположенность к сопереживанию человеку, нуждающемуся в помощи; внутренний локус контроля, сострадание, заботливость, чувство долга, ответственность, толерантность, творческие способности, направленность на общение с людьми, личностную зрелость, стрессоустойчивость, высокий уровень социально-психологической и аутопсихологической компетентности.

Волонтеры проекта – это, чаще всего волонтеры на «длительный срок», хотя в начале реализации проекта была большая сменяемость волонтеров и тогда это были волонтеры на «короткий срок». волонтеры проекта в основном молодые люди с активной жизненной позицией, возрастной период от 17 до 23 лет. в возрастной психологии этот период называется юностью. Активность в волонтерской деятельности обусловлена психологическими особенностями данного возраста. Стать волонтером проекта может каждый желающий. Работа по реализации проекта делится на несколько направлений: волонтеры – организаторы (те, кто помогают организовывать проект, поддерживать его жизнеспособность) и волонтеры – дикторы (те, кто записывают книги). Волонтеры – дикторы проходят тщательный отбор, сначала они проходят собеседование, потом производят запись одного из отрывков книги, после организаторы оценивают запись и решают, подходит ли этот человек, для озвучивания книг. Волонтеры - дикторы должны обладать определенными, необходимыми компетенциями, поэтому кроме желания, здесь учитывается и профессионализм, опыт работы в данной сфере, тембр голоса, поставленная и правильная речь. Чтобы стать волонтером – организатором проекта, не нужно иметь особых навыков, достаточно лишь желания, а остальному можно обучить. В проекте необходимы люди разного функционала, поэтому для каждого волонтера найдётся дело. Волонтеры – организаторы проходят собеседование, где вместе с руководителем выбирают направление деятельности и функционал в проекте. Добровольческая деятельность характеризуется отсутствием каких-либо специальных профессиональных навыков для ее выполнения, добровольным и общественно-полезным характером, отсутствием мотивации к получению оплаты (ее замещение другими мотивациями), значимостью результатов, прогрессивной направленностью. Субъектом взаимодействия всегда является другой человек или группа людей.

Изучение мотивации к деятельности началось с выявления направленностей личности с помощью методики «Диагностика мотивационной структуры личности», в результате чего было выяснено, что общежитейская направленность личности преобладает у 57,14% волонтеров (у 8 человек). Рабочая направленность личности преобладает у 42,86% волонтеров (у 6 человек).

Следующей была проведена методика «Опросник для определения источников мотивации». С помощью этой методики выяснилось, что внутренние процессы, как источник мотивации, преобладают у 14,29% испытуемых (2 человека) и являются не востребованными у 14,29% (2 человека) испытуемых. У 28,57% испытуемых (4 человека) преобладает инструментальная мотивация, а у 35,71% (5 человек) данная мотивация находится на низком уровне. Внутренняя Я-концепция преобладает у 57,14% испытуемых (8 человек) и у 14,29% (2 человек) не востребована. Внешняя Я-концепция и интернализация цели, как источники мотивации, не выявлены ни у одного испытуемого. Однако внешняя Я-концепция, как источник мотивации, не востребована совсем у 35,71% испытуемых (5 человек).

Так же проведена методика «Исследование мотивов» с целью изучения преобладающего мотива. С помощью данной методики выяснилось, что коммуникативные мотивы деятельности преобладают у 21,43% испытуемых (3 человека), а находится на низком уровне у 42,86% испытуемых (6 человек). Познавательные мотивы находятся на высоком уровне у 57,14% испытуемых (8 человек) и на низком у 14,28% испытуемых (2 человека). У 21,43% испытуемых (3 человека) преобладают социальные мотивы деятельности. У 42,86% испытуемых (6 человек) социальные мотивы деятельности остаются, не востребованы.

В результате констатирующего эксперимента было выявлено, что у волонтеров слабо выражен такой источник мотивации, как внутренняя Я-концепция, а также социальные мотивы к деятельности. У большинства волонтеров преобладает общежитейская направленность личности, тогда как для волонтеров проекта важна рабочая направленность личности. Так как проект «Голос книги» предполагает работу с людьми с ограниченными возможностями здоровья, то основное требование к волонтерам – это, прежде всего, социальная ответственность. 7 человек – это оптимальное количество для проведения Программы формирования мотивации к деятельности волонтеров проекта «Голос книги» (далее Программы), необходимое для эффективной работы ее участников.

Сама Программа, состояла из десяти занятий на протяжении одного месяца. На каждом занятии проводилось по пять - шесть упражнений. Цель Программы – формирование мотивации к деятельности волонтеров проекта «Голос книги».

После реализации Программы была произведена оценка её эффективности. Результаты повторной диагностики по методике Мильмана В.Э. «Диагностика мотивационной структуры личности» подтвердили, что направленность личности волонтеров изменилась. Так, до проведения Программы абсолютное большинство (85,71%) испытуемых (6 человек) имели общежитейскую направленность личности, а 14,29% испытуемых (1 человек) имели рабочую направленность личности. После проведения Программы количество человек с общежитейской направленностью личности изменилось, их стало 42,86% (3 человека). Также изменилось количество человек с рабочей направленностью личности - 57,14% испытуемых (4 человека). Это говорит о том, что у трех человек изменилась направленность личности с общежитейской на рабочую. Они устремили свои жизненные стремления не только на самих себя, но и на окружающих их людей. Стали больше времени уделять коллективу, а также активно принимать участие в обсуждении общих задач и достижений цели.

По результатам исследования по методике «Опросник для определения источников мотивации» получилось, что до проведения Программы у 57,14% испытуемых (4 чел.) преобладал такой источник мотивации, как «внутренняя Я-концепция». После проведения Программы этот уровень не изменился. Однако количество человек со слабо выраженным источником мотивации «внутренняя Я-концепция» изменился. До проведения Программы это количество составляло 28,57% испытуемых

(2 чел.), а после проведения Программы их стало 14,29% (1 чел.). Это говорит о том, что у одного человека слабо выраженный источник мотивации «внутренняя Я-концепция» стал более выраженным, для этого человека изменились внутренние ценности. Он стал более осознанно относиться к тому, что для него ценно, важно, он сам формирует собственные стандарты оценки, определяет черты, качества личности, стандарты компетентности и т.п.

По методике «Исследование мотивов» мы можем сделать вывод, что распределение социальных мотивов деятельности изменилось после проведения формирующей программы. У 42,86% испытуемых (3 человека) данный мотив стал преобладать. Мы можем сделать вывод, что эти волонтеры стали более открыты для взаимодействия с окружающими людьми.

Анализ динамики проявления всех показателей по методикам в экспериментальной группе до и после проведения программы осуществлялся с помощью G-критерия знаков. Изменение показателей мотивации к деятельности волонтеров проекта «Голос книги» является не случайным. G критерий знаков помог определить, не слишком ли много наблюдается «нетипичных» сдвигов, чтобы сдвиг в «типичном» направлении считать преобладающим. Было выявлено, что «нетипичных» сдвигов очень мало (всего один), это дает возможность заключить, что сдвиг в «типичном» направлении статистически достоверен.

Таким образом, программа формирования мотивации деятельности для волонтеров помогла волонтерам пересмотреть свои установки относительно волонтерской деятельности и повысила уровни рабочей направленности личности, внутренней Я – концепции, социальных мотивов.

Литература:

1. Dolgova V.I. Aspects of emotional stability in volunteers of gerontology programs., *Advances in Gerontology*. - 2014., Т. 4., № 4., С. 275.
2. Dolgova V.I. Aspects of emotional stability in volunteers of gerontology programs., *Advances in Gerontology*. - 2014., Т. 4., № 4., С. 278-282.
3. Долгова В.И., Кондратьева О.А., Карпушина И.А. Инновационные технологии деятельности волонтера по коррекции самооценки младших школьников., *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. – 2017., Т. 8., С. 16–23.
4. Долгова В.И. Особенности добровольческого (волонтерского) труда., В.И. Долгова., *Научно-методический электронный журнал Концепт*. - 2017., Т. 8., С. 44–47.
5. Долгова В.И. HYPERLINK "<https://elibrary.ru/item.asp?id=28377082>" Структура психолого-педагогической направленности личности волонтера-фасилитатора., HYPERLINK "<https://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1770414>" Вестник Челябинского государственного педагогического университета. - 2017., HYPERLINK "<https://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1770414&selid=28377082>" № 1., С. 48-53.
6. Долгова В.И., Волонтеру русскоязычных геронтологических программ., В.И. Долгова., *Научно-методический электронный журнал Концепт*. - 2017., Т. 8., С. 31–34.
7. Долгова В.И., Гольева Г.Ю., Ярыева А.Э. Психолого-педагогическая поддержка волонтерского движения, реализующего русскоязычные программы в России и за рубежом., В.И. Долгова, Г.Ю. Гольева, А.Э. Ярыева., *Научно-методический электронный журнал Концепт*. - 2017., Т. 8., С. 1–6.
8. Долгова В.И., Кондратьева О.А. Развитие конструктивной психологической защиты студентов-волонтеров., В.И. Долгова, О.А. Кондратьева., *Научно-методический электронный журнал Концепт*. - 2017., Т. 8., С. 53–58.
9. Долгова В.И., Кондратьева О.А., Зарипова Г.И. Волонтеру о взаимосвязи типов памяти и успеваемости младших школьников., В.И. Долгова, О.А. Кондратьева, Г.И. Зарипова., *Научно-методический электронный журнал* - 2017., Т. 8., С. 24–30.
10. Долгова В.И., Крыжановская Н.В. Программа развития познавательно-профессиональной активности волонтеров., В.И. Долгова, Н.В. Крыжановская., *Научно-методический электронный журнал Концепт*. - 2017., Т. 8., С. 39–43.
11. Долгова В.И., Шарафитдинова К.И. Влияние акцентуации характера на отношение к добровольческой деятельности волонтеров социальных программ., В.И. Долгова, К.И. Шарафитдинова., *Научно-методический электронный журнал Концепт*. - 2017., Т. 8., С. 7–15.
12. Долгова В.И., Шаяхметова В.К. Модель профессионально важных качеств волонтера русскоязычных программ., В.И. Долгова, В.К. Шаяхметова., *Научно-методический электронный журнал Концепт*. - 2017., Т. 8., С. 48–52.
13. Долгова В.И., Шаяхметова В.К. Подготовка волонтеров русскоязычных программ., В.И. Долгова, В.К. Шаяхметова., *Научно-методический электронный журнал Концепт*. - 2017., Т. 8., С. 35–38.
14. Долгова В.И., Долгов П.Т., Лагюшин Я.В. Волонтеру-консультанту антинаркотических программ: Монография., науч. ред. О.К. Агавелян. – Челябинск., ГОУ ВПО «ЧГПУ». - М., МГОУ, 2005. – 308 с.
15. Дорофеева Р.Д., Долгова В.И., Юлдашев В.Л. Профилактика злоупотребления психоактивными веществами и построение волонтерского движения в средних и высших учебных заведениях: методические рекомендации по организации волонтерского движения для кураторов студенческих групп, педагогов, психологов. – Челябинск., Уфа., изд-во «Здравоохранение Башкортостана», 2005. – 198 с.
16. Психофизиологические и психологические проблемы формирования устойчивости личности, 15 сентября – 15 октября 2015, Режим доступа: <http://gisap.eu/ru/node/68503>
17. Психофизиологические, психологические и педагогические проблемы развития личности дошкольника, 15 сентября – 15 октября 2016., Режим доступа: <http://gisap.eu/ru/node/87538>;
18. Психофизиологические, психологические и педагогические проблемы развития личности студента, 01 ноября – 15 декабря 2016, Режим доступа: <http://gisap.eu/ru/node/87539>;
19. Психофизиологические, психологические, педагогические проблемы развития личности школьника, 15 января – 15 февраля 2017, Режим доступа: <http://gisap.eu/ru/node/118415>;
20. Психофизиологические, психологические, педагогические проблемы развития личности педагога, 01 март – 01 апрель 2017, Режим доступа: <http://gisap.eu/ru/node/118416>.
21. Романова Г.М., Макарова И.Н., Шашков А.В. Теоретико-методологические основы исследования ожиданий и мотивации волонтеров., Г.М. Романова, И.Н. Макарова, А.В. Шашков. – HYPERLINK "<http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1107205>" *Sochi Journal of Economy*, 2012., HYPERLINK "<http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1107205&selid=18790384>" № 3., с.151-161
22. Спирина В.И., Драгомир В.И. Мотивационный аспект волонтерской деятельности., В.И. Спирина, В.И. Драгомир. – В сборнике: Молодежное добровольчество на Кубани: история, опыт, практика, 2016., с.6-10
23. Тужикова Е.С. Личностные особенности и мотивация деятельности волонтеров., Е.С. Тужикова. – В сборнике: HYPERLINK "<http://elibrary.ru/item.asp?id=21077324>" *Наука и образование: проблемы и тенденции развития* материалы Международной научно-практической конференции, 2013., с. 36-42

24. Тюрина К.В. Мотивация волонтеров., К.В. Тюрина. – В сборнике: [HYPERLINK "http://elibrary.ru/item.asp?id=24127778"](http://elibrary.ru/item.asp?id=24127778) Университетское образование (МКУО-2015) XIX Международная научно-методическая конференция, посвященная 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Под редакцией А.Д. Гулякова, Р.М. Печерской, 2015., с.259-260

25. Усачева О.А. Мотивация к волонтерской деятельности и функции волонтерского движения в современной России., О.А. Усачева., В сборнике: [HYPERLINK "http://elibrary.ru/item.asp?id=26881030"](http://elibrary.ru/item.asp?id=26881030) Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость, 2016., с.2855-2866

26. Шевцов А.И., Кузьмина В.М. Молодежь и волонтерство: по зову сердца или по принуждению (к вопросу каузальной атрибуции волонтеров), А.И. Шевцов, В.М. Кузьмина., В сборнике: [HYPERLINK "http://elibrary.ru/item.asp?id=25845275"](http://elibrary.ru/item.asp?id=25845275) Молодежь в современном мире материалы международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, 2015., с.109-114

27. Шуваева Е.И., Петрова Н.В. Мотивация и вовлеченность студентов в благотворительную деятельность., Е.И. Шуваева, Н.В. Петрова., [HYPERLINK "http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1469015"](http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1469015) Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 2015., [HYPERLINK "http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1469015&selid=24498069"](http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1469015&selid=24498069) № 3., с. 88-100

CONTENTS

PHILOLOGY

Germanic languages

Кобякова И.К., Кобяков А.Н., Чуланова Г.В., РЕЧЕВОЙ АКТ НЕСОГЛАСИЯ..... 9

Language theory

Хамзе Д.Г., ОТНОШЕНИЕ К „ДРУГОСТИ”, КАК КОММУНИКАТИВНОМУ ВЫЗОВУ В ОСЦИЛЛЯЦИИ МЕЖДУ ОБЪЕКТИВНЫМ И СУБЪЕКТИВНЫМ..... 11

Таценко Н.В., Назаренко Е.В., ФРАКТАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДИСКУРСА: ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ..... 18

Native literature

Пономаренко В.В., ПОЕТИКА СЮЖЕТУ І КОМПОЗИЦІЇ РОМАНУ «ЧОРНИЙ ВОРОН» В. ШКЛЯРА..... 22

Шарагіна О.В., ЧОРНОБИЛЬСЬКА ТРАГЕДІЯ В ХУДОЖНІЙ РЕЦЕПЦІЇ «ТИХИХ ЛІРИКІВ»..... 25

Philology - Open specialized section

Атаманчук В.П., С ОЩУЩЕНИЕМ НЕОДОЛИМОГО ТРАГИЗМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ («ПАТЕТИЧЕСКАЯ СОНАТА»)..... 27

L. Zaika, SKILLS OF THE STUDENTS OF THE 21ST CENTURY..... 31

Romanic languages

Кіншак О.М., ІМПЛІКАТУРА МЕТАФОРИ..... 32

O. Ovsianko, Ye. Osypenko, TRANSFORMATIONS OF ENGLISH PROVERBS FROM THE STANDPOINT OF SYNERGETIC PARADIGM..... 35

Theory of literature. Textology

Пыхтина Ю.Г., МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ЛИРИКЕ И. БРОДСКОГО..... 36

OPEN INTERDISCIPLINARY SECTION

Open interdisciplinary section

Долгова В.И., МОТИВАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОНТЁРОВ ПРОЕКТА «ГОЛОС КНИГИ»..... 38

Долгова В.И., ЦЕННОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОНТЁРОВ ПРОЕКТА «ГОЛОС КНИГИ»..... 42

INTERNATIONAL UNIVERSITY

OF SCIENTIFIC AND INNOVATIVE
ANALYTICS OF THE IASHE

- DOCTORAL DYNAMIC SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- ACADEMIC SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- INTERNATIONAL ATTESTATION-BASED LEGALIZATION OF QUALIFICATIONS
- SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAM OF THE EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL QUALIFICATION IMPROVEMENT
- DOCTORAL DISSERTATIONAL SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- BIBLIOGRAPHIC SCIENTIFIC-ANALYTICAL ACADEMIC PROGRAMS
- BIBLIOGRAPHIC SCIENTIFIC-ANALYTICAL DOCTORAL PROGRAMS
- AUTHORITATIVE PROGRAMS

<http://university.iashe.eu>

e-mail: university@iashe.eu

Phone: +44 (20) 71939499

International Academy of Science and Higher Education

**OBJECTIVE AND SUBJECTIVE FACTORS IN FORMATION OF LINGUISTIC MECHANISMS
IN THE AGE OF DOMINATION OF LIBERAL VALUES AND PRIORITY OF PERSONAL
IDENTITY**

Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results
of the CXLVI International Research and Practice Conference
and II stage of the Championship in Philology
(London, July 19 - July 25, 2017)

Layout 60×84/8. Printed sheets 5,58. Run 1000 copies. Order № 01/08-2017.

Publisher and producer International Academy of Science and Higher Education
1 Kings Avenue, London, UK N21 3NA

PSYCHOLOGY IS A SCIENCE OF BEHAVIOUR WHICH STUDIES THE BEHAVIOUR OF AN INDIVIDUAL OR A GROUP OF INDIVIDUALS IN A SITUATION OF FREEDOM AND CHOICE. IT IS A SCIENCE OF BEHAVIOUR WHICH STUDIES THE BEHAVIOUR OF AN INDIVIDUAL OR A GROUP OF INDIVIDUALS IN A SITUATION OF FREEDOM AND CHOICE. IT IS A SCIENCE OF BEHAVIOUR WHICH STUDIES THE BEHAVIOUR OF AN INDIVIDUAL OR A GROUP OF INDIVIDUALS IN A SITUATION OF FREEDOM AND CHOICE.

CLASSICAL PSYCHOLOGY IS THE BRANCH OF CLASSICAL PSYCHOLOGY WHICH STUDIES THE BEHAVIOUR OF AN INDIVIDUAL OR A GROUP OF INDIVIDUALS IN A SITUATION OF FREEDOM AND CHOICE. IT IS A SCIENCE OF BEHAVIOUR WHICH STUDIES THE BEHAVIOUR OF AN INDIVIDUAL OR A GROUP OF INDIVIDUALS IN A SITUATION OF FREEDOM AND CHOICE.

ANY CLASSICAL LANGUAGE CAN BE USED IN A SCIENTIFIC AND INTELLECTUAL MANNER AS A MEDIUM OF COMMUNICATION AND AS A MEDIUM OF KNOWLEDGE.

WILLIAM BURLEY LOCKWOOD

PROFESSOR OF CLASSICAL PSYCHOLOGY AND DIRECTOR OF THE INSTITUTE OF CLASSICAL PSYCHOLOGY

ANY CLASSICAL LANGUAGE CAN BE USED IN A SCIENTIFIC AND INTELLECTUAL MANNER AS A MEDIUM OF COMMUNICATION AND AS A MEDIUM OF KNOWLEDGE.

BRANCHES

CLASSICAL PSYCHOLOGY AND INTELLECTUAL MANNER

COMPARATIVE

COMPARATIVE PSYCHOLOGY IS THE BRANCH OF PSYCHOLOGY WHICH STUDIES THE BEHAVIOUR OF AN INDIVIDUAL OR A GROUP OF INDIVIDUALS IN A SITUATION OF FREEDOM AND CHOICE.

ANY CLASSICAL LANGUAGE CAN BE USED IN A SCIENTIFIC AND INTELLECTUAL MANNER AS A MEDIUM OF COMMUNICATION AND AS A MEDIUM OF KNOWLEDGE.

TEXTUAL

TEXTUAL PSYCHOLOGY IS THE BRANCH OF PSYCHOLOGY WHICH STUDIES THE BEHAVIOUR OF AN INDIVIDUAL OR A GROUP OF INDIVIDUALS IN A SITUATION OF FREEDOM AND CHOICE.

COGNITIVE

COGNITIVE PSYCHOLOGY IS THE BRANCH OF PSYCHOLOGY WHICH STUDIES THE BEHAVIOUR OF AN INDIVIDUAL OR A GROUP OF INDIVIDUALS IN A SITUATION OF FREEDOM AND CHOICE.

DEVELOPMENT

DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY IS THE BRANCH OF PSYCHOLOGY WHICH STUDIES THE BEHAVIOUR OF AN INDIVIDUAL OR A GROUP OF INDIVIDUALS IN A SITUATION OF FREEDOM AND CHOICE.

IN C

THE HISTORY OF CLASSICAL PSYCHOLOGY IS THE HISTORY OF THE BEHAVIOUR OF AN INDIVIDUAL OR A GROUP OF INDIVIDUALS IN A SITUATION OF FREEDOM AND CHOICE.

ETYM

ETYMOLOGY IS THE BRANCH OF LINGUISTICS WHICH STUDIES THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF WORDS.

CLASSICAL

CLASSICAL PSYCHOLOGY IS THE BRANCH OF PSYCHOLOGY WHICH STUDIES THE BEHAVIOUR OF AN INDIVIDUAL OR A GROUP OF INDIVIDUALS IN A SITUATION OF FREEDOM AND CHOICE.

ANY CLASSICAL

ANY CLASSICAL LANGUAGE CAN BE USED IN A SCIENTIFIC AND INTELLECTUAL MANNER AS A MEDIUM OF COMMUNICATION AND AS A MEDIUM OF KNOWLEDGE.

TEXT

TEXTUAL PSYCHOLOGY IS THE BRANCH OF PSYCHOLOGY WHICH STUDIES THE BEHAVIOUR OF AN INDIVIDUAL OR A GROUP OF INDIVIDUALS IN A SITUATION OF FREEDOM AND CHOICE.

INTERNATIONAL UNIVERSITY OF SCIENTIFIC AND INNOVATIVE ANALYTICS OF THE IASHE

<http://university.iashe.eu>

- ACADEMIC SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- DOCTORAL DYNAMIC SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAM OF THE EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL QUALIFICATION IMPROVEMENT
- DOCTORAL DISSERTATIONAL SCIENTIFIC AND ANALYTICAL PROGRAMS
- INTERNATIONAL ATTESTATION-BASED LEGALIZATION OF QUALIFICATIONS
- BIBLIOGRAPHIC SCIENTIFIC-ANALYTICAL DOCTORAL PROGRAMS
- BIBLIOGRAPHIC SCIENTIFIC-ANALYTICAL ACADEMIC PROGRAMS
- AUTHORITATIVE PROGRAMS

Address: 1 Kings Avenue, Winchmore Hill, London, N21 3NA
 Phone: +44 (20) 71939499 / Skype: iashe_
 e-mail: university@iashe.eu

THE PSYCHOLOGICAL SITUATION IS THE SITUATION OF AN INDIVIDUAL OR A GROUP OF INDIVIDUALS IN A SITUATION OF FREEDOM AND CHOICE. IT IS A SCIENCE OF BEHAVIOUR WHICH STUDIES THE BEHAVIOUR OF AN INDIVIDUAL OR A GROUP OF INDIVIDUALS IN A SITUATION OF FREEDOM AND CHOICE.

CLASSICAL PSYCHOLOGY IS THE BRANCH OF PSYCHOLOGY WHICH STUDIES THE BEHAVIOUR OF AN INDIVIDUAL OR A GROUP OF INDIVIDUALS IN A SITUATION OF FREEDOM AND CHOICE. IT IS A SCIENCE OF BEHAVIOUR WHICH STUDIES THE BEHAVIOUR OF AN INDIVIDUAL OR A GROUP OF INDIVIDUALS IN A SITUATION OF FREEDOM AND CHOICE.

COMPARATIVE PSYCHOLOGY IS THE BRANCH OF PSYCHOLOGY WHICH STUDIES THE BEHAVIOUR OF AN INDIVIDUAL OR A GROUP OF INDIVIDUALS IN A SITUATION OF FREEDOM AND CHOICE. IT IS A SCIENCE OF BEHAVIOUR WHICH STUDIES THE BEHAVIOUR OF AN INDIVIDUAL OR A GROUP OF INDIVIDUALS IN A SITUATION OF FREEDOM AND CHOICE.

COGNITIVE PSYCHOLOGY IS THE BRANCH OF PSYCHOLOGY WHICH STUDIES THE BEHAVIOUR OF AN INDIVIDUAL OR A GROUP OF INDIVIDUALS IN A SITUATION OF FREEDOM AND CHOICE. IT IS A SCIENCE OF BEHAVIOUR WHICH STUDIES THE BEHAVIOUR OF AN INDIVIDUAL OR A GROUP OF INDIVIDUALS IN A SITUATION OF FREEDOM AND CHOICE.

978-1-911354-18-5

9 781911 354185